С.Д. МОРОЗОВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897-1917 ГГ.:

НАРОДНОСТИ, КОНФЕССИИ, ГРАМОТНОСТЬ

Обязательный бесплатный экземпляр

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ЧЕЛОВЕК В ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный
университет архитектуры и строительства»

С.Д. МОРОЗОВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897–1917 гг.: НАРОДНОСТИ, КОНФЕССИИ, ГРАМОТНОСТЬ

Утверждено к печати Институтом Российской истории РАН

Москва
ИРИ РАН

Пенза
ПГУАС

2010

УДК 94(470):316.3
ББК 63.3(2)527+60.7
М80

Ответственный редактор: руководитель группы «Население России в XX веке» Института Российской истории РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник В.Б. Жиромская

Рецензенты: проректор по научной работе Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор С.В. Стариков;
заведующий кафедрой Отечественной истории и археологии Самарского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор А.И. Репинецкий

Морозов, С.Д.

М80 Центральная Россия в 1897–1917 гг.: Народности, конфессии, грамотность [Текст]: моногр. / С.Д. Морозов. – М.: Институт Российской истории РАН; Пенза: ПГУАС, 2010. – 128 с.

ISBN 978-5-9282-0592-8

Впервые комплексно исследуется национально-этническая и конфессиональная структура, а также грамотность населения Центральной России в 1897–1917 гг. Рассматриваются изменения численности и состава наций, народностей и конфессий, уровень грамотности и образования в крупнейшем регионе страны.

Монография подготовлена на кафедре истории ПГУАС и предназначена для научных работников, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей России.

ISBN 978-5-9282-0592-8

© Институт Российской истории РАН, 2010
© Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2010
© Морозов С.Д., 2010

ВВЕДЕНИЕ

В истории России рубеж XIX–XX вв. и первые десятилетия XX столетия занимают особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических и политических событий. Катаклизмы (неурожай и голод в конце XIX – начале XX в., Русско-японская война, Первая мировая война, революции, смена общественного и государственного строя, массовая эмиграция из страны и т.д.) повлекли за собой глубинные изменения в социальном и демографическом развитии населения, его численности, размещении, социальной структуре, уровне грамотности и образования, и, наконец, в национально-этническом и конфессиональном составе. Эти перемены имели долгосрочные последствия и определили особенности развития населения вплоть до нашего времени.

Неудивительно, что вопросы развития наций, народностей и конфессий, а также уровень грамотности и образования в эти годы стали сегодня центром внимания исторической науки и усиленно дискутируются у нас в стране в связи с неблагоприятной ситуацией, сложившейся в России в 1990-х гг., корни которой уходят в прошлое, в том числе и в самое начало XX столетия. Использование в последнее десятилетие многих ранее недоступных источников информации и свобода в выборе направлений и содержания исследования создали возможность глубокого изучения одного из значимых периодов в социальной истории страны.

Между тем изменения в национально-этническом, конфессиональном и образовательном уровне XX в. все еще недостаточно изучены.

Научные исследования начала XX в. и 1920-х гг., а также возобновившийся интерес к социальной истории в 1950–1990-х гг. и немногочисленные опубликованные тогда работы не исчерпывают проблему. В них авторы чаще всего касались изменений в численности наций, народностей, конфессий и грамотных в 1900–1910-х гг. Комплексного исследования о размещении этносов, верующих и грамотных лиц по широкому спектру параметров этой проблемы на протяжении двух десятилетий начала XX в. еще не создано.

В первые два десятилетия XX столетия в России развернулся процесс модернизации общества. Проявлением и одновременно следствием этого процесса стала урбанизация «сердца» России – ее Центрального региона. Этому способствовали начинавшийся демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Кроме того, происходили значительные измене-

ния в рождаемости и смертности, в миграционных процессах. На природу и ход модернизации в условиях российской действительности повлияли факторы экзогенного порядка. Это позволяет проследить развитие наций, народностей, конфессий, грамотности населения в условиях резких социально-экономических и политических потрясений.

Сформировавшиеся в тот период национально-этническая и конфессиональная структура населения и стереотипы поведения до сих пор проявляются в жизни общества. Это обстоятельство раскрывает причины внимания ученых различных специальностей к национально-этническим и конфессиональным процессам 1900–1910-х гг., лежавшим в основе многих экономических, геополитических, культурных и других проблем нашего времени.

Проблема, актуальная сегодня, остается малоизученной, а по многим вопросам – дискуссионной. Все это определило выбор темы настоящего исследования.

Предметом изучения явилось население Центральной России в 1897–1917 гг. и его основные национально-этнические, конфессиональные и образовательные параметры. Объектом исследования стала история региона, изменения в национально-этническом и конфессиональном составе, уровне грамотности.

Состав населения региона изучен в разрезе районов и губерний – по уровню грамотности и образования, отношению к религии различных национально-этнических слоев и групп населения. Показатели грамотности изучены в динамике и распределены по сословиям, социально-профессиональным группам и слоям.

Хронологически исследование охватывает двадцатилетний период – с 1897 по 1917 г. Изучено население Центральной России – от времени проведения Первой всеобщей переписи населения (1897 г.) и до начала Гражданской войны.

Исследование проводилось по материалам 23 губерний Центральной России, входивших в четыре географических района – Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий, Северо-Западный (Озерный) и Поволжский. Собственно центральные губернии, включенные в два района (Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий), составляли ядро всего региона. Северо-западные и юго-восточные губернии, образовывавшие два других района (Северо-Западный (Озерный) и Поволжский), дали уникальную возможность провести количественный и качественный анализ, сравнить и сопоставить общее и особенное в национально-этническом, конфессиональном и образовательном развитии всего региона.

При выделении для исследования совокупности этих губерний и районов был учтен комплекс главных критериев – факторов районирования: экономико-географические, культурные, национально-этнические связи и др. В основу районирования был положен принцип, предложенный П.П. и В.П. Семеновыми-Тян-Шанскими[1].

Специальное исследование по истории населения Центральной России 1897–1917 гг. отсутствует. Однако важность и многоплановость проблемы привели к тому, что ее отдельные стороны неоднократно привлекали внимание исследователей.

Имеется немало работ, посвященных национально-этническому и конфессиональному развитию России на рубеже XIX–XX вв. Но в большинстве своем они написаны современниками тех лет и затрагивают лишь отдельные вопросы этой проблемы. В конце XIX в. и в 1920-х гг. соответствующие исследования проводили С.А. Новосельский, Л.С. Каминский, П.И. Куркин, А.И. Чупров, Н.В. Турчанинов, С.А. Глебовский, В.И. Гребенщиков, М.В. Птуха, М.К. Любавский, О.А. Квиткин, Л.И. Лубны-Герцык, Е.З. Волков и др.[2].

В 1930-х гг. дискуссии о нациях, народностях и конфессиях резко сократились, а проблемы истории населения практически не обсуждались на страницах научной печати. И только с 1950-х гг. начался новый этап в исследовании этой проблематики. С этого времени и до середины 1980-х гг. был опубликован ряд работ ученых различных специальностей, в которых рассматривались общие и отдельные проблемы национально-этнической и конфессиональной истории страны и отдельных регионов конца XIX – первых десятилетий XX в.

В работах А.Г. Рашина, И.Ю. Писарева, Б.Ц. Урланиса, В.К. Яцунского, В.М. Кабузана[3] рассматривались численность населения, его размещение по стране в целом и в отдельных регионах и губерниях, демографическое развитие, а также народности, религии, грамотность.

Подведению итогов изучения социальной истории нашей страны и постановке новых задач в конце 1980-х гг. была посвящена коллективная монография «Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи» с участием Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, Д.К. Шелестова, В.З. Дробижева, В.В. Минаева, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана, С.И. Брука и др.[4]. Эта публикация исследует разные аспекты социально-демографического развития России в XIX–XX вв., а также придает новый импульс дальнейшей разработке проблематики наций, народностей, конфессий.

По мере открытия источников информации во второй половине 1980 – начале 2000-х гг. в нашей стране стали появляться исследования, в которых основное внимание уделялось ранее «закрытым» стра-

ницам отечественной социальной истории, в том числе давались оценки численности различных этносов, а также верующего и грамотного населения в XX в.

Монографии Б.В. Тихонова и В.М. Кабузана, а также цикл статей Я.Е. Водарского, С.И. Брука и В.М. Кабузана[5] с привлечением архивных и опубликованных источников освещают национально-этнические и конфессиональные потоки, в частности, переселение их из центральных губерний за Урал, распределение народностей на территории России и другие вопросы.

В ряде публикаций и монографии Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)»[6] освещаются основные демографические процессы, социальная, национально-этническая и конфессиональная структуры и межсословная мобильность, грамотность городского и сельского населения и т.д.

В книгах Д.К. Шелестова, в сборниках с участием А.Г. Вишневского, М.С. Тольца, Р.И. Сифман и других анализируются многие социальные показатели развития населения страны. Материалы о динамике населения в 1917 г., народностях, религии, грамотности представлены в работе В.П. Данилова[7].

В начале 1990-х гг. вышел сборник статей, посвященный вопросам комплексного изучения социальной структуры и демографических процессов в России[8].

Особенно значимы для данного исследования труды академика РАН Ю.А. Полякова своими новыми концептуальными подходами, а также подсчетами численности и потерь населения в годы Первой мировой и Гражданской войн[9]. Посвященные главным образом 1920-м гг., они содержат перспективные и ретроспективные экскурсы в начало XX в.

В монографиях и статьях В.Б. Жиромской анализируются: численность, потери населения в городе и селе, занятия и социальная структура, национально-этнический и конфессиональный состав, грамотность российского населения в начале 1920-х гг.[10]. Исследования В.Б. Жиромской содержат ретроспективные «выходы» в первые десятилетия XX в., в них введены в научный оборот многие закрытые ранее архивные документы.

В работах О.М. Вербицкой и Н.А. Араловец, посвященных сельскому и городскому населению первой половины XX в., изучаются социально-демографические трансформации сельской и городской семьи, содержатся также данные об отношении к религии и грамотности по городам, губерниям и районам Центральной России[11].

В работах А.С. Сенявского и В.В. Минаева представлена целостная картина развития городского общества в XX в., показана роль урба-

низации в российском историческом процессе, выявлены закономерности и национальная специфика российской урбанизации, проанализировано влияние урбанизации на развитие грамотности и образования[12].

Монографии А.И. Репинецкого, посвященные демографической характеристике профессиональных групп работников промышленности Поволжья, содержат интересный материал по численности, возрастно-половому составу, образованности рабочих в первые десятилетия XX в.[13].

Комплексному изучению проблем населения России посвящена коллективная монография «Население России в XX веке» (Т.1), подготовленная учеными Института Российской истории РАН (ответственный редактор издания – академик Ю.А. Поляков, ответственный редактор тома – В.Б. Жиромская)[14], где дается общая характеристика населения России на рубеже XIX–XX вв. и по 1920-е гг., приводятся новые результаты подсчетов наций, народностей, конфессий и уровня грамотности.

Блок историко-социологических работ завершает коллективная монография «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование» под редакцией Г.Ф. Кривошеева, которая является дополненным и уточненным вариантом книги «Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР»[15]. В новом издании представляет большой научный интерес статистика и новые подсчеты людских потерь в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и в Первой мировой войне 1914–1918 гг., выделение из общих демографических потерь российской армии лиц различных народностей и конфессий, а также подсчет баланса использования людских ресурсов в ходе военных действий.

Комплекс публикаций по вопросам социальной структуры населения представлен работами общего плана по истории отдельных социально-профессиональных слоев и групп населения, их национально-этнической и конфессиональной идентификации, образовательного статуса.

Работы общего плана, опубликованные на рубеже XIX–XX вв. и в 1920–1930-х гг. содержат данные, проливающие свет на социально-профессиональный состав городского и сельского населения, грамотность, образовательный уровень, и могут быть использованы в качестве источника[16].

С 1950-х гг. начали появляться исследования, в которых уделено внимание уровню жизни разных социальных слоев населения России в начале XX в., а в 1960–1990-х гг. – обобщающие работы по экономике России в целом и социально-экономическому строю крестьянских и помещичьих хозяйств, а также промышленности, в которых содержатся сведения о грамотности городского и сельского населения. Можно выделить работы С.Г. Струмилина, П.А. Хромова, Е.С. Карнауховой,

В.С. Немчинова, В.К. Яцунского, П.Н. Першина, Р.С. Лившица, А.Л. Вайнштейна, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, Т.Л. Моисеенко, Б.М. Литвакова, Л.И. Бородкина, С.В. Воронковой, В.И. Бовыкина, Т.М. Китаниной, К.Н. Тарновского, Р.А. Белоусова и др.[17].

В конце XIX – начале XX в. сведения о правящих сословиях, их национально-этническом, конфессиональном и образовательном статусе нашли отражение в публикациях преимущественно справочно-статистического характера: о дворянстве (С.В. Любимов, Г.А. Милорадович, С. Васильевич, В.Л укомский, С. Тройницкий, М.И. Трегубов, Л.М. Савелов, А.И. Виноградов, М.А. Зеленецкий, Н.Д. Ребровский, П.П. Голицын, Н.И. Акулов, М.П. Лихарев, В.Н. Поливанов, А.Н. Норцов, В.И. Чернопятов, И.Н. Ельчанинов, П.А. Тихвинский, Н.А. Рубакин и др.), о чиновничестве (Е.П. Карнович, Н.А. Рубакин и др.), об офицерстве (А.Ф. Редигер, П.А. Режепо, Н.А. Рубакин и др.)[18].

Численность и состав «служилых» сословий – дворян, чиновников и офицеров, их национально-этнический, конфессиональный и образовательный уровень рассматривались преимущественно в 1970–1990-х гг. в монографиях и статьях А.П. Корелина, В.И. Буганова, Б.Б. Дубенцова, С.В. Куликова, Л.Г. Бескровного, П.А. Зайончковского, А.Г. Кавтарадзе, Л.Е. Шепелева, С.В. Волкова и др.[19]. Монография А.П. Корелина является первым в отечественной историографии обобщающим трудом о дворянстве, чиновничестве и офицерстве – правящих социальных слоях императорской России.

Вопросы дворянского «оскудения», изменения численности и состава поместного дворянства затрагивались еще в первые десятилетия XX в.[20]. В 1970–1990-х гг. появился ряд научных исследований о поместном дворянстве с привлечением широкого круга источников и применением новых методов обработки данных: монографии А.М. Анфимова, Л.П. Минарик, Г.Н. Кочешкова, статьи Н.А. Проскуряковой и др.[21]. Эти публикации содержат статистический материал, показывающий динамику численности и изменения этого социального слоя; в них показаны также образовательный уровень и отношение к религии.

Истории правящих слоев России, их численности и социальному составу в дооктябрьский период посвящен первый раздел монографии И.Я. Трифонова[22].

Численности и составу духовенства разных конфессий в России, особенно православному духовенству – белому и черному – посвящены статистические работы, опубликованные на рубеже XIX–XX вв. – В.В. Зверинского, Н.А. Любинецкого, Л.И. Денисова и др.[23]. Более обстоятельному исследованию духовенство подверглось с 1960-х гг., особенно в 1980–1990-х гг., когда вышли коллективные монографии,

появилась книга В.Ф. Зыбковца, работы П.Н. Зырянова, были вновь опубликованы издававшиеся ранее капитальные труды Н.М. Никольского и Д.В. Поспеловского[24].

Социально-профессиональные группы служащих, разные слои интеллигенции, лиц «свободных профессий», их национальный, конфессиональный состав и уровень образования неоднократно изучались разными исследователями на протяжении XX столетия. Это обзоры и материалы статистики М.Д. Загряцкова, А.Н. Куломзина, Н.В. Чехова, исследования Ф.Г. Паначина, А.Е. Иванова, Е.В. Соболевой, А.В. Ососкова и др.[25].

Проблемы социальных групп предпринимателей разрабатывались на общероссийском материале: в монографиях П.В. Волобуева, Л.Е. Шепелева и др.[26]. Позже по этой тематике появились коллективные монографии и ряд работ А.Н. Боханова[27]. В его работах освещаются разные аспекты деятельности предпринимательской элиты России – торговой, промышленной и финансовой; частично они касаются численности и состава предпринимателей– по национальностям, религиям и образованию.

Многочисленному социальному слою кустарей и ремесленников России были посвящены публикации статистических обзоров И.М. Иванова, Ф.С. Голицына, Я.Я. Полферова, Н. Денисюка, Н.В. Пономарева, А.А. Рыбникова и др.[28]. Глубокому изучению этого социального слоя в общероссийском масштабе посвятил свою монографию К.Н. Тарновский[29]. В названных публикациях имеются некоторые сведения по изучаемой проблеме.

Рабочий вопрос в России, численность и состав лиц наемного труда на протяжении XX в. освещался в десятках и сотнях публикаций – от справочно-статистических статей и брошюр до серьезных монографических исследований. На рубеже XIX–XX вв. и в 1920–1930-х гг. появились исследования К.А. Пажитнова, Е.М. Дементьева, А.В. Погожева, С.Н. Прокоповича, М.И. Туган-Барановского, Н. Флеровского; во второй половине XX в. по этой проблеме были изданы ряд коллективных монографий, опубликованы названная ранее книга П.В. Волобуева, а также исследования С.И. Антоновой, А.Г. Рашина, Л.С.Г апоненко, Ю.И. Кирьянова, Э.Э. Крузе, Н.А. Ивановой, И.М. Пушкаревой и др.[30]. В этих работах содержатся статистическая информация и подсчеты по социально-профессиональной структуре рабочих России, их грамотности, национальному и конфессиональному составу, в некоторых из них приводятся сведения по отдельным регионам и губерниям.

Исследованием проблемы крестьянства России занимались многие специалисты. Общие вопросы крестьянского хозяйства на основе

обработки материалов земских подворных переписей разрабатывали З.М. и Н.А. Свавицкие; на основе государственной и земской статистики – С.М. Дубровский и А.М. Анфимов в уже названных работах и более поздних публикациях. Немало работ было опубликовано в разное время по вопросам трансформации сельской общины, раздела крестьянских семей и влияния этих процессов на социальную структуру сельского населения, его отношение к религии и грамотности (работы К.Р. Качоровского, А.Е. Лосицкого, А. Никольского, Н.П. Огановского, А.П. Щапова, А.П. Тютчева, В.А. Колесникова, П.П. Маслова, А.В. Чаянова, а позже П.Г. Рындзюнского, Л.В. Милова, А.В. Островского, П.Н. Зырянова и др.). Большую ценность представляют работы А.А. Чернобаева по социально-экономической истории крестьянства. Монография В.П. Данилова анализирует население советской доколхозной деревни, однако содержит ретроспективные «выходы» и сравнительно-исторический анализ с началом XX в. Монография В.В. Кабанова, посвященная сельскохозяйственной кооперации России на протяжении всего XX в., значительное внимание уделяет численности, национальной и конфессиональной структуре сельского населения в первые десятилетия XX в.[31].

Таким образом, в российской историографии сделано немало в области изучения грамотности, конфессиональных и национально-этнических вопросов. В целом новейшая историография характеризуется интенсификацией исследований, углублением проблематики, расширением круга источников, совершенствованием методов их обработки.

Однако до сих пор нет целостного, единого, обобщающего труда, освещающего комплексно проблему национально-этнического и конфессионального состава, а также уровня грамотности и образования и охватывающего весь регион Центральной России.

Целью настоящей работы является комплексная характеристика наций, народностей, конфессий и грамотности населения Центральной России в 1897–1917 гг., показ его общей картины и выявление основных тенденций общего и особенного в развитии региона.

Постановка темы, ее хронологические и территориальные рамки определили основные конкретно-исторические задачи: показать в динамике социальное развитие населения региона на рубеже XIX–XX вв. и вплоть до 1917 г., изменения в национально-этнической и конфессиональной структурах; уровень грамотности.

Решение этих задач в совокупности послужит повышению уровня разработанности и обобщения одной из важнейших проблем отечественной исторической науки.

При анализе структуры наций, народностей, этносов и конфессий городского и сельского населения были выделены, по мнению автора, наиболее важные и типичные из них для Центральной России.

Основу источниковой базы исследования составили статистические материалы – опубликованные и архивные.

Для создания более полной общей картины изучаемой проблемы автором был изучен значительный массив опубликованных источников как общероссийского, так и регионального характера.

Полезным источником явились специальные издания, содержащие общие сведения по всей России, количественные данные о движении населения, о распределении населения по этносам, религиям и грамотности отдельных сословий, социальных слоев и групп в промышленности и сельском хозяйстве. К этому комплексу относятся прежде всего публикации материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также «Адресные», «Справочные книги» и «Календари», ежегодные статистические сборники Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД) и некоторые другие[32].

Первая всеобщая перепись населения России проводилась по состоянию на 28 января 1897 г. В основе ее организации и программы – проект П.П. Семенова-Тян-Шанского. Материалы переписи показали не только общую численность населения и его размещение по территории страны, ее регионам и губерниям, но и его структуры по широкому кругу показателей: по полу, возрасту, брачному состоянию и семейному положению, по грамотности и вероисповеданию, по родному языку.

Материалы переписи и других официальных изданий позволяют достаточно полно осветить изучаемую проблему и развитие России в конце XIX – начале XX в.

В работе использована промышленная статистика общероссийского характера, прежде всего материалы промышленных переписей 1900, 1908 и 1910–1912 гг., а также полный обзор «Фабрично-заводской промышленности в период 1913–1918 гг.» и «Свод отчетов фабричных инспекторов»[33]. Данные промышленной статистики освещают с достаточной достоверностью национальную структуру и грамотность рабочих разных отраслей и профессиональных групп.

Недостатком указанных источников при всем обилии сведений является полное отсутствие количественных данных об отношении к религии разных групп рабочих. Однако несмотря на пробелы фабрично-заводской статистики, она в целом является важнейшим источником для изучения названной проблемы в Центральной России рубежа XIX–XX вв.

Из общероссийских официальных материалов, содержащих информацию об изучаемых вопросах в сельскохозяйственной статистике по центральным губерниям, необходимо выделить следующие сборники: «Статистика землевладения 1905 г.», «Материалы по статистике движения землевладения в России», «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России», сборники материалов сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. и некоторые другие[34].

Помимо официальной сельскохозяйственной статистики, ценные сведения по теме можно найти в «Земских подворных переписях».[35] Одним из достоинств этих материалов является сравнительно высокая степень их представительности и точности. Эти материалы дают возможность проследить процесс перегруппировки наций, народностей, конфессий и грамотности на протяжении значительного хронологического периода.

Региональные материалы по сельскому хозяйству представлены прежде всего статистическими сборниками губернских земств. Это «Сельскохозяйственные обзоры» центральных губерний, статистические сборники и ежегодники земств, специальные выпуски, оценочно-статические исследования губернских статистических комитетов, содержащие подробные сведения сплошных и выборочных подворных переписей по нашей теме[36].

Разнообразную информацию по теме содержат общие «Обзоры губерний», а также губернские справочные издания, именовавшиеся в разные годы как «Адрес–календари», «Памятные», или «Справочные книжки»[37]. Но к их данным следует относиться сугубо критически, так как они являлись приложениями к ежегодным официальным «всеподданнейшим отчетам» губернаторов. Некоторые показатели в них либо завышались, либо занижались в интересах губернской администрации. В региональной статистике сведения о фабрично-заводской промышленности и составе рабочих Центральной России по народностям, конфессиям и грамотности представлены довольно скупо. Это относится к названным выше «Обзорам губерний», а также к некоторым материалам земской статистики.

Определенный круг источников представлен материалами центральных и местных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива Республики Татарстан (ЦГА РТ), Государственного архива Пензенской области (ГАПО),

Государственного архива Самарской области (ГАСамО), Государственного архива Саратовской области (ГАСарО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Кроме того, были использованы некоторые материалы рукописных отделов библиотек: Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и Отдела рукописных фондов Института Российской истории РАН (ОРФ ИРИ РАН).

Материалы статистики центральных архивов позволяют проанализировать численность, национально-этническую и конфессиональную принадлежность городского и сельского населения по губерниям, динамику грамотности населения губернских центров и сельского населения[38].

Местные архивы содержат большой и ценный материал для выяснения степени грамотности крестьянских хозяйств[39].

Архивные материалы государственной статистики Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, губернских статкомитетов, а также канцелярий губернаторов содержат статистику и ежегодные отчеты с мест о национальной и религиозной принадлежности населения, сведения о грамотности, образовательном уровне и пр.[40].

Сведения о городском и сельском населении по теме существенно дополняют материалы ведомственной статистики: фонды Министерства торговли и промышленности, Министерства земледелия, заводоуправлений и др.[41]. О движении сельского населения, национально-этнической и конфессиональной дифференциации крестьянства содержатся сведения в следующих источниках: Земском отделе МВД, Земских управах центральных губерний. Здесь же приводится информация о грамотности различных групп крестьянских хозяйств[42].

Проанализированные документы названных архивов отражают развитие Центральной России, содержат данные о национально-этническом, конфессиональном составе, а также грамотности городского и сельского населения.

В монографии также использованы материалы законодательных актов Российской империи рубежа XIX–XX вв., определявшие национально-конфессиональное положение разных сословий, социальных слоев и групп.[43].

Существенное значение для комплексного изучения развития Центральной России имеет разносторонняя информация из прессы, центральных и губернских журналов и газет. В данной работе использована некоторая информация периодической печати России, выходившей в конце XIX – начале XX в., в 1920-х гг., а также научных и научно-популярных изданий 1950–1990-х гг.[44].

К литературным и публицистическим источникам, фрагменты которых приведены в работе, можно отнести воспоминания и размышления Н.Д. Телешова, П.И. Мельникова-Печерского, В.А. Теляковского и др.[45].

Разнообразные опубликованные документы, архивные материалы, периодические издания, использованные в исследовании, способствовали объективному освещению изучаемых проблем и позволили раскрыть содержание темы. В целом источниковая база является достаточно широкой и представительной. Особенность корпуса источников состоит в том, что в нем главное место занимает статистика.

В исследовании изменений общества особенно важен принцип историзма. Основными принципами изучения материала являются сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-социологический, историко-системный, проблемно-хронологический, статистический и др.

При выборе методов статистического анализа учитывался опыт, накопленный исторической наукой[46]. В работе широко использовался контент-анализ. При обработке источников применялись некоторые математико-статистические методы: определялся коэффициент роста (скорость), подсчитывались относительные показатели, определялись показатели основных социальных параметров. Их использование позволило выявить основные закономерности и особенности социального состава изучаемого региона. Ведущим при этом, особенно в выявлении общего и специфического в социальном развитии крупнейшего региона Европейской России, был принят сравнительно-исторический метод.

Научная новизна исследования определяется тем, что это – работа историко-социологического плана, в которой дается комплексная характеристика населения Центральной России в 1897–1917 гг. В ней впервые последовательно прослеживаются изменения в национально-этническом и конфессиональном составе, грамотности населения на протяжении всего двадцатилетия. Выясняется специфический характер этих параметров и их изменений в разных губерниях и районах исследуемого региона. Введен в научный оборот некоторый круг новых источников, произведено сравнение с подсчетами других авторов и уточнение ряда статистических данных. Работа характеризуется новым осмыслением материала, уже накопленного исторической наукой.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей научной разработки социальных проблем истории населения России конца XIX – первых десятилетий XX в., а также для написания учебников и учебных пособий, подготовки курсов лекций и спецкурсов в вузах. Материалы, оценки и выводы работы можно использовать также в средствах массовой информации и в краеведческой работе.

1. НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

1.1. Состав населения по народностям на рубеже XIX–XX вв.

Население Центральной России на рубеже XIX–XX вв. включало в себя массу племен и наречий со значительным преобладанием русских, насчитывавших св. 3/4 населения.

Основой для этнологической классификации обычно становится язык как наиболее характерный признак, с которым часто совпадала также религиозная принадлежность и особенности быта[1].

По своему национально-этническому составу население Центрально-Промышленного района являлось фактически моноэтничным. Удельный вес неславянского населения не превышал 3 % (финские «старожилы»: чудь, весь, меря, мурома и мещера). К началу XX в. от этих древних племен не осталось почти ничего, кроме географических названий.

Однако финские племена сохранились на трех окраинах рассматриваемого района только благодаря особым историческим условиям: в крайней юго-восточной части ее проживала мордва, на северо-востоке – марийцы и в северо-западной части – карелы. К названным народностям присоединилось в той же юго-восточной части района некоторое количество позднейших этнических пришельцев – татар.

Несмотря на исключительное большинство в районе русских, следует указать численность и размещение упомянутых национально-этнических меньшинств, пределы их распространения.

Мордва по численности до 150 тыс. чел. обоего пола была распространена исключительно в той части Нижегородской губернии, которая простиралась к югу от течения р. Оки и р. Волги. Нижегородская мордва, постепенно принявшая православие, прекрасно знала русский язык и в социально-экономическом отношении почти ничем не отличалась от соседних русских крестьян, а порой жила богаче, сохранив, однако, родной язык и другие этнические особенности.

К началу XX в. из 150 тыс. чел. мордовского населения Нижегородской губернии 112,5 тыс. приходилось на эрзянскую ветвь этой народности, 34 тыс. – на терюханскую и 2,5 тыс. – на мокшанскую. Эрзяне были распространены больше всего в уездах: Арзамасском (по р. Теше), Княгининском (по р. Пьяне) и Лукояновском (по р. Алатыри), где они составляли от 20 до 26 % населения, а также в Сергачском и Ардатовском уездах – от 16 до 17 %. Терюхане обитали исключительно в Нижегородском уезде, где они составляли 14 % населения. Наконец,

мокшане занимали только два селения в верховьях р.Алатыри в Лукояновском уезде.

Ближе к р. Оке (в Горбатовском уезде) мордва была расселена менее плотно, отчасти удалившись на юг, отчасти слившись с русскими. У самой р. Волги уже не было мордовских селений, и только вдали от рек их селения были довольно крупными и состояли исключительно из мордвы, хотя и окружены были русскими селениями. Так, св. 4 тыс. жителей имелось в с. Ичалки Лукояновского уезда, от 3 до 3,5 тыс. – в с. Лобаски и в с. Кекино, от 2,5 до 3 тыс. – в с. Великий Враг, другом с. Ичалки, и в с. Ревезене. На левый берег р. Оки и р. Волги мордва не переходила[2].

Из других народностей Арзамасского уезда Нижегородской губернии татары проникли в рассматриваемый район довольно давно и заняли местность вдоль границы Казанской и Симбирской губерний. К началу XX в. 45 тыс. чел. татар занимали часть Васильсурского и Сергачского уездов, простиравшуюся от р. Имзы в районе нижнего течения р. Пьяны к ее верховьям. В этой полосе заселения татар были такие крупные селения, как, например, с. Ключище и с. Татарское Маклаково (св. 3 тыс. жителей), с. Ахтуково и с. Ендовищи (от 2,5 до 3 тыс. жителей)[3]. Эта татарская окраина Нижегородской губернии была более компактно заселена, чем ее мордовская часть; здешние татары в то время еще не забыли родного языка и не приняли православия.

В северо-восточной части района было разбросано финское племя марийцев. Жили они в довольно многочисленных мелких селениях Ветлужского уезда Костромской губернии и в Макарьевском – Нижегородской губернии, причем их численность здесь превосходила 3,5 тыс. чел.; кроме того, 1,5 тыс. марийцев переходили на левую сторону р.Волги, где они жили в двух селениях (два с. Шишмары Васильсурского уезда), а в остальных селениях того же уезда они окончательно обрусели.

В северо-западной части рассматриваемого района, а именно в Тверской губернии, было распространено финское племя карелов (корелов). В этой губернии карелы обитали в количестве 120 тыс. чел. обоего пола, размещаясь в 750 мелких селениях, образовывавших почти сплошные полосы от р. Мологи на границе Весьегонского уезда и Николаевской железной дороги через уезды Весьегонский, Бежецкий, Вышневолоцкий и отчасти Новоторжский. В первых трех уездах карелы составляли от 15 до 18 % всего населения, в последнем – 12 %[4].

Завершая национально-этническую характеристику Центрально-Промышленного района, отметим особенность преобладающего русского населения. Примесь слившихся с ним финских элементов, несомненно, оставила свои следы, хотя настолько слабые и неясные, что антропологи и лингвисты различали их с трудом. Во всяком случае русские не являлись здесь абсолютно чистой нацией, а представляли собой смешение нескольких типов. Поэтому и в физическом типе русских трудно было указать такие яркие черты, которыми бы отличался, бесспорно, любой представитель этой этнической общности.

Население Центрально-Земледельческого района в этническом отношении являлось почти полностью славянским (ок. 97 %), в том числе русские составляли ок. 86 %, украинцы – ок. 11 %, а на долю финно-угорских народностей и татар приходилось всего ок. 3 %[5].

Финно-угорские народности были представлены здесь преимущественно мордвой, которая проживала в северных уездах Тамбовской (Темниковский, Спасский и Шацкий) и Пензенской губерний; численность ее составляла 250 тыс. чел. обоего пола, из них 100 тыс. – в Тамбовской и 150 тыс. – в Пензенской губерниях. В Темниковском, Шацком и Спасском уездах Тамбовской губернии, в Саранском и Городищенском уездах Пензенской губернии мордва принадлежала к эрзянской ветви этой народности, а в остальных уездах – к мокшанской.

Кроме мордвы, в пределах рассматриваемого района жила мещера (мещеряки) – до 60 тыс. чел. обоего пола, из которых ок. 50 тыс. приходилось на Пензенскую губернию и ок. 10 тыс. – на Тамбовскую и отчасти Рязанскую, где они встречались в Касимовском уезде Рязанской губернии, смежных уездах Тамбовской губернии, а также в Керенском, Чембарском и Нижнеломовском уездах Пензенской губернии[6]. Впрочем, к началу XX в. отделить их от русского населения было уже трудно.

Татары обитали в количестве 113 тыс. чел. обоего пола преимущественно в Касимовском уезде Рязанской губернии (до 5,5 тыс. чел.), Елатомском, Темниковском, Спасском и Шацком уездах Тамбовской губернии (43,5 тыс. чел.) и в Пензенской губернии (64 тыс. чел.)[7]. Потомки служилых касимовских татар на рубеже XIX–XX вв. отличались почти поголовной мусульманской грамотностью; высшие слои этого этноса вели оживленную торговлю на месте и по всей России, занимались благотворительностью по отношению к мусульманскому духовенству и школам; средние слои населения обычно отправлялись на заработки в обе столицы; низшие слои занимались на месте земледелием. Касимовские татары отличались сильной привязанностью к родным местам и в большинстве случаев не порывали с ними связей, живя в столицах. Быт касимовских татар весьма мало отличался от быта казанских.

Украинцы, насчитывавшие ок. 1,6 млн. чел. обоего пола, расселялись в юго-западных и южных уездах района (13 уездов Курской губернии с украинским населением в 580 тыс. чел. и 10 уездов Воронежской – в 1 млн. чел.), не принадлежали к коренным жителям этого района, являясь выходцами из восточных губерний Украины.

Украинцы образовывали здесь три полосы заселения: самая южная, состоявшая из уездов Путивльского, Рыльского, Суджанского, Грайворонского, Белогородского, Корочанского, Новооскольского Курской губернии; Валуйского, Бирюченского, Острогожского, Богучарского, Павловского и Новохоперского Воронежской губернии, включала по отдельным уездам от 22 до 96 % украинцев, причем наиболее слабо были заселены ими в этой полосе уезды Белгородский, Корочанский и Новохоперский (22–34 %), а наиболее плотно – Бирюченский, Богучарский (75–89 %) и особенно Острогожский (96 %); к этой полосе примыкала вторая, состоявшая из уездов Льговского, Обоянского и Старооскольского Курской губернии, Коротоякского и Бобровского уездов Воронежской губернии, где удельный вес украинцев составлял 10–20%; в третью полосу входили уезды Дмитриевский, Курский и Тимский Курской губернии, Землянский и Нижнедевицкий уезды Воронежской губернии, где украинцы составляли 1–2 %[8].

Русские Центрально-Земледельческого района, расселявшиеся с северо-запада на юго-восток широкой сплошной волной от верхнего течения р.Десны и р.Оки до р.Вороны, принадлежали исключительно к южной ветви этого этноса и происходили от смешения его с финно-угорскими элементами – мещерой и отчасти мордвой на востоке района (губернии Пензенская, Тамбовская и восточная часть Рязанской). Примесь финно-угорской крови в южных русских увеличивалась по мере движения с запада на восток. В ряде губерний рассматриваемого района тип русского был наиболее свободен от финно-угорской примеси (Орловская, частично Курская и Воронежская, Тульская и западная часть Рязанской)[9].

Из всего населения Северо-Западного района на долю русских выпадало 94 %, а на долю других народностей – 6 %. Таким образом, русское население и в этом районе являлось преобладающим, хотя и не в такой степени, как в Центрально-Промышленном районе.

На территории района в изучаемый период жили эсты в количестве 7–8 тыс. чел. в юго-западной части Гдовского уезда и в северо-западной – Псковского; небольшие колонии эстов встречались также в Торопецком уезде[10].

Кроме эстов, в северо-западной части Псковской губернии жило племя, известное у русских под названием полуверцев. Полуверцы

разговаривали на эстонском языке, но резко отличались от эстов своими костюмами и обычаями; они исповедовали православие. Помимо этих остатков древних эстонские племен, на рубеже XIX–XX вв. в западной и южной частях Петербургской губернии, а также в Псковской была отмечена усиленная миграция эстов и латышей из Прибалтики. Здесь они селились небольшими хуторами в качестве арендаторов мелких земельных участков.

На востоке от западной чуди некогда жила водь. Это племя в этническом отношении считалось переходным от западной (эстонской) ветви финнов к прочим финским племенам. Потомки води в изучаемый период занимали обширную территорию в пределах от р. Наровы до р. Мсты, достигая на севере Финского залива, а на юге заходя за о. Ильмень. Связь води с новгородцами была сильной. Родственным води считали небольшое племя ватьялайсет, жившее в Петергофском и Ямбургском уездах.

В пределах Петербургской губернии, кроме води, жили некогда ингрикоты, или ижора, по наименованиям которых часть территории по р. Неве и вдоль Финского залива называлась Ингрией, или Ижорской землей. Ингрикоты были карельского происхождения; они переселились в пределы Петербургской губернии позднее води. Потомки ижоры в количестве до 20 тыс. чел. жили в Петергофском, Ямбургском, Петербургском, Царскосельском и Шлиссельбургском уездах Петербургской губернии[11].

Значительно позже ижоры в Петербургской губернии поселились два этноса карельского происхождения: эйремейсет и савакот, называвшиеся маймистами, или чухонцами. К началу XX в. они жили в северной части Петербургского и Шлиссельбургского уездов, в Петергофском уезде (в прибрежной части и на Дудергофских возвышенностях) и в юго-восточной части Царскосельского уезда; их количество составляло ок. 100 тыс. чел[12].

С водью соседствовала весь, границами обитаний которой были: на западе – южное побережье Ладожского озера и р. Волхов (5 деревень), на востоке – Белое озеро, на севере весь граничила с потомками финских племен, известными у новгородцев под общим названием заволоцкой чуди. Таким образом, центром расселения веси был район р. Тверцы, р. Мологи и р. Шексны; следовательно, половина ее не входила в пределы Северо-Западного района. Весь принимала деятельное участие в торговле Востока с Западом; она вела также оживленную торговлю с заволоцкой чудью.

Потомками веси некоторые этнологи считали вепсов, живших на рубеже XIX–XX вв. в количестве до 25 тыс. чел. в Лодейнопольском

уезде Олонецкой губернии, в Тихвинском и Белозерском уездах Новгородской губернии[13]. Однако есть основание предполагать, что вепсы представляли собой смешение финских племен; ближе всего они были, по-видимому, к племени еми. Это доказывается, к примеру, сходством языка вепсов (особенно приоятьских деревень) с языком финских тавастов, или той же еми. У русских вепсы были известны под названием чуди, чухарей, кайванов.

В соседстве с этой чудью жили карелы, из всех финских племен отличавшиеся наибольшей культурой и воинственностью. К началу XX в. в Северо-Западном районе больше всего карелов жило в Олонецкой губернии (до 63 тыс. чел.). Они занимали северо-западную часть Повенецкого уезда, северо-восточную – Петрозаводского и почти весь Олонецкий уезд. В Новгородской губернии их насчитывалось до 40 тыс. чел. Здесь они встречались в уездах Кирилловском, Череповецком, Крестецком, Валдайском и Демянском. Наконец, в Петербургской губернии карелы в количестве 5–6 тыс. чел. жили на границе с Финляндией в Петербургском и Шлиссельбургском уездах[14].

Кроме названных племен, в северо-восточной части Олонецкой губернии обитала часть племени сумь (западная ветвь еми). На рубеже XIX–XX вв. в части Петрозаводского и Олонецкого уездов жили настоящие финны (до 4 тыс. чел.), вероятно, переселившиеся сюда из смежных уездов Финляндии. Из нефинских племен следует назвать еще лопарей, обитавших в том же количестве в Петрозаводском уезде. Они издавна селились в окрестностях монастыря Св. Лазаря близ Онежского озера (Пудожский уезд).

Из неславянского населения Северо-Западного района следует упомянуть латышей, колонии которых встречались в Псковской губернии, и немцев, колонии которых были рассеяны по южному побережью Финского залива. Общая численность их доходила до 60 тыс. чел.[15].

Выделяя этнические группы, важно отметить, что в изучаемый период между ними трудно было установить отличительные черты, так как смешение племен здесь продолжалось много веков. По этой же причине нельзя говорить о чистоте антропологического типа и тем более основывать его на племенных особенностях[16].

Население Поволжья по своему этническому составу на рубеже XIX–XX вв. представляло необыкновенное разнообразие. За несколько веков развития района новые этнические наслоения постепенно перемешивались с коренными племенами и народностями, образовали такую пеструю этническую смесь, которую едва ли можно было встретить в каком-либо другом районе Европейской России.

Из имеющихся данных видно, что треть составляло нерусское население. Наиболее многочисленными из них были татары и башкиры, несколько уступали им по численности чуваши, мордва, немцы, киргизы, марийцы, калмыки, удмурты и мещеряки. Наиболее полиэтничными губерниями были Казанская и Астраханская, где русское население составляло всего соответственно 38,4 % и 40,7 %, затем следовали Самарская (64,5 %), Симбирская (68 %) и Саратовская (76,7 %) губернии. В среднем по району русских насчитывалось 57,7 %[17].

Украинцы были размещены только в трех губерниях Поволжья – Самарской, Саратовской и Астраханской – и составляли соответственно 4,3 %, 6,2 % и 11,2 %, что в среднем равнялось 7,2 %. Из неславянских народностей наибольшим удельным весом отличались татары, чуваши и мордва – в целом по району соответственно 11 %, 9,4 %, 5,7 %. Но если татары заселяли все губернии Поволжья, то чуваши и мордва – четыре губернии каждая народность. Так, доля татар была наибольшей в Казанской губернии – 31,1%, в остальных – намного меньше: в Симбирской – 8,8 %, в Самарской – 6 %, в Астраханской – 5,3 %, в Саратовской – 3,9 %. Чуваши составляли в Казанской губернии 23,1 %, в Симбирской – 10,5 %, в Самарской – 3,3 % и в Саратовской – 0,6 %. Мордвы более всего было в Симбирской губернии – 12,4 %, в Самарской – 8,7 %; менее всего – в Казанской (1 %) и в Астраханской (0,5 %). Остальные народности были представлены незначительным удельным весом в составе населения Поволжского района[18].

Русские, как это видно из приведенных статистических данных, к началу XX в. довольно равномерно расселялись по всем губерниям и в количественном отношении превосходили почти в два раза все нерусское население вместе взятое. Особенно усилилась русская миграция в Заволжье во второй половине XIX в. вследствие крестьянской реформы. Разновременный наплыв переселенцев из разных частей России в рассматриваемый район оказал сильное влияние на приволжский великорусский тип, несколько отличный от типа великоруссов других районов Центральной России, особенно двух соседних, более «коренных» великорусских районов – Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого.

Для этого этнического типа не осталось бесследным его продолжительное соседство с финно-тюркскими племенами. Если сам русский этнос являлся не чисто славянским, а смешанным, то здесь, в Среднем и Нижнем Поволжье и Заволжье, славянская основа была еще раз видоизменена новым притоком не только финского, но и тюркского этносов. Здесь происходило этническое смешение – в этом нет сомнения. Окрестные земли р. Волги в среднем и нижнем течении изоби-

ловали финскими и тюркскими названиями сел, деревень и урочищ, население которых к началу XX в. было совершенно русским по языку, религии, традициям и обычаям.

Украинцы жили во всех уездах Самарской губернии, главным образом в Новоузенском, Николаевском и Бугурусланском, в Аткарском, Балашовском, Камышинском, Царицынском и Саратовском уездах Саратовской губернии и во всех уездах Астраханской губернии. Общее количество их в районе было св. 450 тыс. чел. (ок. 5 % общего числа населения)[19]. К началу XX в. численность украинского населения увеличилась благодаря разработке добычи соли на о. Эльтон и развитию так называемого чумачества (перевозки добываемой соли) в Тамбовскую, Воронежскую и соседние с ними губернии.

Украинцы жили отдельными слободами либо частично с русскими, но почти никогда с другими народностями. Жившие отдельно от русских сохраняли неизменными свой быт и язык, а селившиеся вместе с ними заметно теряли типичные черты (изменения касались костюма, языка и пр.).

Немцы-колонисты – выходцы из разных частей Германии – жили в 190 колониях Самарской (Николаевский и Новоузенский уезды) и Саратовской (главным образом Камышинский уезд и отчасти Аткарский, Саратовский и Царицынский) губерний в количестве св. 400 тыс. чел.[20].

Почти все саратовские колонии носили русские названия, тогда как заволжские колонии в Самарской губернии имели в основном немецкие названия, напоминавшие далекую родину выходцев: Брокгаузен, Люцерн, Унтервальден, Шафгаузен и пр.

В бытовом и культурном отношении немецкое население поволжских колоний представляло своеобразное «государство в государстве», совершенно особый и самодостаточный мир, резко отличавшийся от окружавшего его русского населения по вере, языку, типу людей, характеру построек, одежде и всему бытовому укладу. По своему характеру колонисты жили совершенно замкнутой жизнью и ревностно оберегали свои национальные черты, сохраняя себя, по возможности, от всякого соприкосновения с жизнью окружавшего населения. Основная масса их не знала русского языка; излишне говорить о том, что колонисты не допускали смешанных браков ни с какой народностью.

Марийцы представляли собой обширную ветвь финского этноса и делились на луговых и горных, то есть живших по левому и по правому берегам р.Волги. В пределах района они жили в количестве св. 100 тыс. чел. (более 1 %) только в северных уездах Казанской губернии – в Царевококшайском, Козьмодемьянском и частично в Чебоксарском, Казанском и Мамадышском.

Мещеряки в количестве не более 10 тыс. чел. жили в нескольких селениях Балашовского и Сердобского уездов Саратовской губернии[21].

Киргизы, или киргиз-кайсаки, – кочевая народность, принадлежавшая к тюркам степных районов и, в частности, к Малой орде. Часть этой орды, кочевавшая в пределах изучаемого района, а именно в заволжских частях уездов Красноярского, Енотаевского, Черноярского и Царевского Астраханской губернии, называлась Внутренней, или Букеевской, ордой. Количество обитавшего в ней населения превышало 200 тыс. чел., что составляло менее 10 % от общего числа киргизов, кочевавших главным образом в среднеазиатских степных районах и частично в Оренбургской губернии[22].

Татары численностью св. 1,2 млн. чел. жили во всех губерниях района, главным образом, в Казанской, где их было более половины от общего числа татарского населения района. Второе место по численности татар занимала Самарская губерния, затем следовали Симбирская, Саратовская и, наконец, Астраханская. В Астраханской губернии татар было сравнительно немного (не более 50 тыс. чел.); астраханские татары разделялись на юртовских и кундровских. Юртовские жили в самой Астрахани особой слободой, называвшейся Тиек, или Царево, и в нескольких селениях Астраханского уезда, а кундровские – в Красноярском уезде. Последние в летний период вели кочевой образ жизни[23].

Чуваши жили главным образом в Казанской губернии, где их насчитывалось до 2/3 всего чувашского населения района, затем в Симбирской, Самарской и немного в Саратовской. Все они разделялись на верховых и низовых. К первым относились жившие на правом берегу р. Суры, в Ядринском и Козьмодемьянском уездах, ко вторым – жившие в остальных уездах Казанской и прочих губерниях района. Они отличались друг от друга некоторыми особенностями в наречиях, костюме и религиозных обрядах[24].

Мордва к началу XX в. занимала территорию, заключенную между р. Волгой, р. Окой, р. Сурой и притоками р. Мокши, то есть уезды Нижегородский, Арзамасский, Княгининский и Лукояновский Нижегородской губернии; Алатырский и Ардатовский – Симбирской; Городищенский, Инсарский, Краснослободский и Наровчатский – Пензенской; Спасский, Темниковский и Шацкий – Тамбовской губерний. В изучаемый период, кроме того, представители этой народности занимали своими поселениями значительные территории в губерниях Казанской, Самарской и Саратовской.

Мордва с давних пор разделялась на две основные группы – эрзю и мокшу. В литературе и источниках упоминались еще две сравнительно

меньшие группы – терюхане в Нижегородской губернии и уезде и каратаи – в Казанской, но к началу XX в. определить их отношение к названным крупным группам стало чрезвычайно трудно. По численности и территории своего распространения эрзя преобладала над мокшей. Охватывая своими поселениями южные уезды Нижегородской и Симбирской губерний, она распространялась в Тамбовской (часть в Темниковском, Кадомском и Спасском уездах) и Пензенской (Саранский и Городищенский уезды) губерниях, местами смешиваясь с мокшей. Эрзя же составляла главный контингент мордовского населения в степях Заволжья (Самарская губерния). В Саратовской губернии она чередовалась с мокшей. Язык мордвы разделялся на два наречия: эрзянское и мокшанское, различавшихся между собой и фонетикой, и лексическим составом. Различие это оказалось так велико, что мокшанин и эрзянин, если они не проживали в соседних пограничных деревнях, не в состоянии были понять друг друга и прибегали для объяснений между собой к русскому языку[25].

Калмыки по своему происхождению принадлежали к западной ветви монголов. К началу XX в. в Поволжье их осталось не более 100 тыс. чел., преимущественно живших по правую сторону р. Волги. Эти потомки монгольского этноса жили в России под названием приволжских, придонских и ставропольских калмыков главным образом в степном пространстве между р. Волгой, р. Ергенями, побережьем Каспия и р. Кумой. Таким образом, в рассматриваемом районе они занимали так называемую Калмыцкую степь, то есть юго-западную часть Черноярского и западные части Енотаевского и Астраханского уездов.

Персы в довольно значительном количестве жили только в Астрахани, где они были заняты преимущественно в качестве работников по погрузке товаров[26].

1.2. Распределение населения по нациям и народностям в 1900–1917 гг.

В 1900–1917 гг. произошли некоторые изменения в численности и удельном весе основных наций и народностей Центральной России. Уровень естественного прироста в регионе в изучаемый период повысился, хотя и не достиг показателей второй половины XIX в. и уступал среднему по империи. Минимальным он был в районах основного проживания русских (Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий).

Кроме того, в 1897–1917 гг. из Центральных губерний на окраины империи переселилось св. 5 млн. мигрантов, среди которых преобладали русские. Это также способствовало уменьшению их удельного веса в Европейской России и его росту в других регионах. В пределах Центральной России удельный вес русских вырос в районе интенсивного заселения – Северо-Западном – за счет быстро растущего Петербурга (с 88,7 % до 90,6 %). Снижение отмечалось в районе, где уровень естественного прироста русских был понижен и откуда шла их миграция на окраины (Центрально-Земледельческий).

Особое положение занимали Центрально-Промышленный и Северо-Западный районы. В Центрально-Промышленном районе произошло увеличение доли великорусского компонента (прирост с 97,1 % до 97,8 %). Особенно заметным оно оказалось в Тверской губернии, где удельный вес русских вырос с 92,8 % до 96,8 %, а у карел сократился с 6,7 % до 2,4 %. В остальных губерниях прирост был невысоким, а в Нижегородской отмечалось даже понижение (с 93,2 % до 92,6 %) в связи с небольшим ростом доли мордвы и татар. Однако пониженный естественный прирост (1901–1910 гг. – 12,5 ‰, 1911–1914 гг.–11,5 ‰) привел к тому, что доля русских в районе по отношению ко всем русским в империи с 1897 по 1917 гг. снизилась с 19 % до 18,1 %[27].

Существенно вырос удельный вес русских в Северо-Западном районе (с 88,7 % до 90,6 %), где протекали интенсивные миграционные процессы. Прежде всего, в Петербург из других губерний, регионов и из–за рубежа прибыло много мигрантов (в основном русских). Механический прирост в Петербургской губернии составил в 1897–1917 гг. 1,2 млн. чел. В 1900 г. в Петербурге было учтено русских крестьян, прибывших из Тверской губернии, – 172,1 тыс. чел. (в 1910 г. – 261 тыс.), из Ярославской – 114,4 тыс. (в 1910 г. – 154,4 тыс.), из Новгородской – 73,6 тыс. (в 1910 г. – 106,7 тыс.), из Псковской – 61,9 тыс. (в 1910 г. – 106,7 тыс.), из Петербургской – 82 тыс. (в 1910 г. – 98,7 тыс.).

В Олонецкой губернии доля финнов снизилась с 0,6 % до 0,5 %, вепсов – с 4,4 % до 2,4 %, карел – с 16,3 % до 14,3 %. В Петербургской губернии доля финнов упала с 6,1 % до 4,4 %; в Новгородской соответственно карел – с 0,7 % до 0,4 %, вепсов – с 0,7 % до 0,4 %. В результате в Олонецкой губернии доля русских выросла с 78,5% до 81,9 %, в Петербургской – с 82,1 % до 85,3 %, в Новгородской – с 96,8 % до 98,9 %, в Псковской – с 94,7 % до 96 %. И все же доля русских в районе по отношению ко всем русским в империи с 1897 по 1914 гг. снизилась с 7,9% до 7,3 %. Это было обусловлено низким естественным приростом населения. В 1901–1910 гг. он равнялся 10,5 ‰, а в 1911–1917 гг. – 8 ‰[28].

В других районах, где доля русских немного снизилась, этот процесс не был выражен так отчетливо (в Центрально-Земледельческом –

с 87,6 % до 86,8 %). Он был вызван оттоком русских отсюда на окраины и более высоким естественным приростом нерусского населения.

С территории Центральной России шел мощный миграционный поток русских мигрантов на окраины империи. Кроме того, в центре России отмечалось некоторое понижение естественного прироста. Наконец, рост доли русских в границах Российской империи был в значительной мере обусловлен интенсивной эмиграцией с западных территорий, что способствовало повышению доли русских в границах Европейской России.

На территории Центральной России украинский этнос составлял в 1900 г. 6,3 % всего населения, а в 1917 г. – 7,3 %. В то же время доля татар в регионе снизилась с 3,3 % до 3,1 %, мордвы – с 1,5 % до 1,3 %, а удельный вес башкир (2 %) и чувашей (1,3 %) остался неизменным. К 1917 г. изменилось и расселение украинцев. В Нижнем Поволжье в 1900 г. их было 6,5 % от всего населения района, а к 1917 г. – 6,4 %. Доля татар равнялась в Нижнем Поволжье соответственно 5,2 % и 6,4 %; в Среднем Поволжье –16,8 % и 17,4 %[29].

Самой крупной группой народов Центральной России в 1900-х гг. являлась, как и ранее, славянская, включавшая три восточнославянских народа – русских, украинцев, белорусов.

Русские жили во всех районах и губерниях региона: Главная масса русских к 1917 г., естественно, была сосредоточена в Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах, где они составляли 73,4 % населения.

Высоким был удельный вес русского населения (более 97%) в Северо-Западном районе (Петербургская, Новгородская, Псковская и Олонецкая губернии). В этих губерниях доля русского населения составляла 95–97 %. В Петербургской губернии (без Петербурга) эта доля была невысокой – 79,5 %, главным образом вследствие наличия довольно значительного финского (9,5 %) и эстонского (4,3 %) населения.

Изменения в соотношении различных наций и народностей в рассматриваемый период определялись рядом факторов: различием в темпах естественного прироста, миграционными потоками на окраины империи, а также интенсивными миграциями с западных территорий империи в центр России.

Весьма высоким был удельный вес русского населения в Центрально-Промышленном районе. В таких губерниях, как Владимирская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тульская, Ярославская, в 1900 и 1917 гг. он превышал 99 %. В Московской к 1917 г. он несколько снизился: с 99,1 % до 97,9 %[30].

В Центрально-Земледельческом районе наблюдалась значительная неравномерность удельного веса русских, связанная с наличием в отдельных губерниях и уездах украинского и мордовского населения. Если в Орловской губернии удельный вес русских в 1900 и 1917 гг. составлял примерно 99%, то в Курской он равнялся соответственно 76,2 % и 80,4 %, в Воронежской – 64,3 % и 66,8 %. В Тамбовской губернии в 1900 г. при довольно значительном количестве мордвы русских было 94,9 %, а к 1917 г. этот показатель составил уже 99 %, в Пензенской доля русских оставалась примерно одинаковой – 77 %[31].

В губерниях Среднего Поволжья в 1900-х гг. население стало более однородным, пожалуй, за исключением Казанской губернии. Однако доля нерусского населения оставалась весьма значительной. В частности, в таких губерниях, как Самарская и Симбирская, сказывалось наличие мордовского населения. Доля русского населения к 1917 г. составила: 75,1 % – в Самарской, 80,1 % – в Симбирской, а в 1900 г. – соответственно 76,4 %, 78,4 %. В Казанской губернии доля русских практически не изменилась (44,9 %). Многонациональным был и состав населения губерний Нижнего Поволжья, где русских было к 1917 г. 74,5 % – в Астраханской, 80,9 % – в Саратовской, а в 1900 г. – соответственно 69,4%, 78,9 %[32].

Характеризуя расселение русских, подчеркнем то обстоятельство, что они жили практически во всех районах и губерниях Центральной России, включая такие полиэтничные территории Поволжья, как Казанская и Астраханская губернии. Эта исторически сложившаяся особенность в последующие годы приобрела еще более значительный масштаб. Вместе с тем следует отметить исключительно высокую национальную однородность русского населения в губерниях Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов. В губерниях Поволжья удельный вес русских к 1917 г. по сравнению с концом XIX в. почти не изменился.

Большая масса украинцев (св. 7 млн. чел. к 1917 г.) жила в пределах губерний Центральной России. Украинцы составляли 7,8 % всего населения Европейской России. Крупным ареалом проживания украинцев был Центрально-Земледельческий район (более 1,5 млн. чел., или 15,3 % населения) – главным образом Воронежская (более 1 млн. чел., или 32,6 %) и Курская (более 500 тыс. чел., или 19 %) губернии. Много украинцев жило в Нижневолжском районе (более 400 тыс. чел., или ок. 8 %), на Средней Волге (более 200 тыс. чел.) и в Северо-Западном районе (более 100 тыс. чел.)[33]. В Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах украинцы жили преимущественно в городах.

В пределах Центральной России жила значительная часть белорусов. Основная их масса находилась в Северо-Западном районе – более чем 50 тыс. чел.; в Центрально-Промышленном – более 30 тыс. чел.; в Средневолжском и в Центрально-Земледельческом – от 3 до 18 тыс. чел.[34].

Следующим по численности славянским народом были поляки, которые в пределах Центральной России жили главным образом в городах Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов (соответственно – св. 40 тыс. чел. и св. 25 тыс. чел. к 1917 г.), а также в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах. Чехи и словаки в пределах Центральной России жили в основном в Центрально-Промышленном районе (св. 1 тыс. чел.)[35].

Если славянские народы компактно занимали центр региона, то неславянские народы располагались по окраинной территории – на северо-западе (Озерный район) и на юго-востоке (Поволжье). Наиболее многочисленными жителями окраин региона в 1900-х гг. после славян были народы тюркской группы алтайской языковой семьи – татары, чуваши и башкиры. Татары являлись самым многочисленным (после русских) народом Поволжья, а также самым многочисленным (после русских и украинцев) народом центральной части России. При этом татары расселялись в самых различных частях региона. Основная масса татар проживала в пределах Казанской губернии (св. 1 млн. чел. к 1917 г.); большие группы татар жили в других губерниях Поволжья – Самарской (122 тыс. чел.), Саратовской (115 тыс. чел.), Астраханской (48 тыс. чел.), Симбирской (39 тыс. чел.).

Кроме того, в Центрально-Промышленном районе жило 124 тыс. татар, в том числе в Нижегородской губернии – 79 тыс. чел.; в Северо-Западном районе – 10 тыс. чел. К татарам примыкал ряд этнических групп, крупнейшая из них – мишари, жившие в Среднем Поволжье; к 1917 г. их насчитывалось 242 тыс. чел. Этнической группой татар были кряшены, жившие в Казанской губернии (к 1917 г. – 101 тыс. чел.). Значительные группы башкир жили в Среднем Поволжье (23 тыс. чел.). Основная масса чувашей жила в Казанской губернии (к 1917 г. – 127 тыс. чел.), в Самарской (106 тыс. чел.), в Симбирской (45 тыс. чел.) и Саратовской (17 тыс. чел.)[36].

На территории Центральной России в 1900-х гг. жили народы финно-угорской группы уральской языковой семьи. Это эстонцы, карелы, вепсы, лопари (саами), коми (зыряне), коми (пермяки), а также литовцы и латыши, принадлежавшие к балтийской или летто-литовской группе индоевропейской языковой семьи.

Латышей в пределах Европейской России жило к 1917 г. более 100 тыс. чел.; в Северо-Западном районе (более 35 тыс. чел.) сельское и

городское латышское население делилось примерно поровну, а в Центрально-Промышленном (более 15 тыс. чел.) преобладало городское. Литовцев в пределах Европейской России проживало более 25 тыс. чел. – значительно меньше, чем латышей. Они жили преимущественно в городах Северо-Западного (более 7 тыс. чел.) и Центрально-Промышленного (ок. 4 тыс.) районов.

В 1900-х гг. статистика показывает наличие в Европейской России довольно большого числа эстонцев (97,8–100 тыс. чел.), в том числе в Петербурге – 15 тыс. чел., в Петербургской губернии – 49 тыс. чел., в Новгородской – 6,5 тыс. чел. Значительные группы карел размещались в Олонецкой губернии, где их насчитывалось 14,5 тыс. чел.; в Петербургской губернии – 10,6 тыс. чел.; большая группа карел находилась в Тверской губернии.

В Северо-Западном районе жила довольно значительная группа финнов – примерно 18 тыс. чел. В этом же районе, преимущественно в сельской местности, проживало примерно 115 тыс. чел. так называемых петербургских финнов. К 1917 г. в Петербургской и Олонецкой губерниях проживало 32,7 тыс. вепсов, ок. 1 тыс. води, 16 тыс. ижоры и 1,7 тыс. саами[37]. К этой же языковой семье примыкали удмурты, марийцы, мордва, жившие в бассейне Средней Волги.

Удмурты (вотяки) жили главным образом в пределах Казанской губернии (к 1917 г. – примерно 23 тыс. чел.); значительные группы марийцев находились в той же губернии (13 тыс. чел.); мордовское население проживало в Пензенской (376 тыс. чел.), в Самарской (251 тыс. чел.), в Симбирской (178 тыс. чел.), в Саратовской (154 тыс. чел.), в Нижегородской (84 тыс. чел.) губерниях, а также в Казанской губернии (35 тыс. чел.).

На Нижней Волге расселялось значительное по численности калмыцкое население. Основная масса калмыков жила в 1900-х гг. в Саратовской (5,1 тыс. чел.) и в Астраханской (4,3 тыс. чел.) губерниях[103].

В России проживало большое число немцев – потомков немецких переселенцев, обосновавшихся здесь в XVIII–XIX вв. Из более чем 800 тыс. немцев, живших к 1917 г. в Европейской России, основная масса (более 400 тыс. чел.) находилась в губерниях Нижней Волги (более 90 тыс. чел.). В этих губерниях они составляли преимущественно сельское население. В Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, напротив, большинство немцев жило в городах – соответственно св. 20 и 10 тыс. чел.[38].

В Центральной России в изучаемый период проживала незначительная масса народов Кавказа. В 1900 г. в городах Центрально-Промышленного района находилось 7 тыс. армян, а в городах Нижне-

волжского района – 4 тыс. Небольшая часть грузин жила в Центрально-Промышленном районе (более 2 тыс. чел.), за немногим исключением – в городах. Менее 3 тыс. ассирийцев (айсоров) проживало также в городах центральных губерний.

Китайцев в городах Центрально-Промышленного района было к 1917 г. 1,5 тыс. чел. На протяжении почти всего региона Центральной России раскинулись кочевья цыган. Наибольшие группы их находились в Центрально-Промышленном (5,5 тыс. чел.), в Северо-Западном (4 тыс. чел.), в Центрально-Земледельческом (3,8 тыс. чел.) районах[39]. Если в дальнейшем большая часть цыган перешла на оседлость, то к 1917 г. этот процесс еще не начался.

Особо следует выделить вопрос о национальном составе городского населения Центральной России в 1900-х гг. Большинство городов еще в XIX в. были многонациональными. Эти годы не внесли существенных изменений в национальный состав населения городов. К 1917 г. в социальной и национальной структурах не произошло изменений принципиального, качественного порядка, ибо небольшие количественные перемены не могли повлечь существенных качественных изменений в национальном составе городского населения.

Городское население значительной части губерний Центральной России – Владимирской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской – было в основном русским, хотя и включало по несколько тысяч представителей других национальностей.

Более сложным был национальный состав городского населения таких губерний, как Псковская (из 114,8 тыс. горожан было 95,4 тыс. русских, 2,3 тыс. белорусов, 2,5 тыс. поляков, 3,5 тыс. латышей, ок. 7 тыс. евреев), Воронежская и Курская, где в городах проживало много украинцев (в Воронежской – 179 тыс. русских и 104,9 тыс. украинцев, в Курской – соответственно 215 тыс. и 64,7 тыс.)[40].

Сложным в национальном отношении было городское население Петербургской и Московской губерний. Здесь, прежде всего в самих Петербурге и Москве, в их пригородах и окружавших поселениях, наряду с русскими, составлявшими большинство, жили и работали представители многих национальностей, из которых восемь по численности превышали 5 тыс. чел. каждая.

Так, в Петербургской губернии русских насчитывалось 1,1 млн. чел., украинцев – 64,7 тыс. чел., евреев – 54,7 тыс. чел., поляков – 37,1 тыс. чел., немцев – 14,6 тыс. чел., финнов – 10 тыс. чел., татар – 9,9 тыс. чел., эстонцев – 8,9 тыс. чел., литовцев – 5,5 тыс. чел., армян – 1 тыс. чел.; в Московской губернии русских насчитывалось 1,8 млн.

чел., евреев – 88 тыс. чел., поляков – 19,8 тыс. чел., татар – 15,7 тыс. чел., эстонцев – 15,5 тыс. чел., латышей – 10,3 тыс. чел., финнов – 10 тыс. чел., немцев – 8,9 тыс. чел., украинцев – 6,1 тыс. чел., армян – 4,6 тыс. чел., белорусов – 3,5 тыс. чел., литовцев – 2,6 тыс. чел., греков – 1 тыс. чел.[41].

Русское население составляло подавляющее большинство в городах Среднего и Нижнего Поволжья. Однако в них жило немало украинцев, татар, немцев, евреев.

Так, в Саратовской губернии проживало русских – 371,6 тыс. чел., украинцев – 18,6 тыс. чел., немцев – 12,2 тыс. чел., евреев – 8 тыс. чел., татар – 6,3 тыс. чел., поляков – 1,9 тыс. чел.; в Самарской губернии проживало русских – 269 тыс. чел., татар – 10 тыс. чел., евреев – 7 тыс. чел., немцев – 1,6 тыс. чел., поляков – 1,4 тыс. чел., мордвы – 1 тыс. чел.; в Симбирской губернии проживало русских – 165,6 тыс. чел., татар – 5,2 тыс. чел., евреев – 1,7 тыс. чел., мордвы – 1,2 тыс. чел.; в Астраханской губернии проживало русских – 121,4 тыс. чел., татар – 20,7 тыс. чел., евреев – 4,1 тыс. чел., немцев – 1,6 тыс. чел.

Итак, в большинстве губерний Центральной России городское население было полиэтничным при явном преобладании русских. Особенно ярко эта полиэтничность выражалась в городском населении поволжских губерний. Сравнительно много татар (св. 22 %) было в городах Казанской губернии. Там проживало русских – 194 тыс. чел., татар – 57,4 тыс. чел., евреев– 4,1 тыс. чел., чувашей – 1,2 тыс. чел.[42]

Города практически всей Центральной России были полиэтничными; менее – в губерниях Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов, а также отчасти Северо-Западного района, более – в Поволжье.

2. КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

2.1. Особенности конфессионального состава населения в конце XIX – начале XX в.

Население Центральной России по переписи 1897 г. распределялось по конфессиям следующим образом: православные и единоверцы - 81,7 %, староверы и уклоняющиеся от православия – 1,9 %, армяно-григориане – 2,5 %, католики – 4,6 %, протестанты – 3,3 %, прочие христиане – 0,2 %, мусульмане – 3,8 %, иудеи – 1,9 %, прочие нехристианские конфессии – 0,1 %[1].

Эти данные показывают, что более 3/4 населения региона, по официальным данным, принадлежало к православию и единоверию; к старообрядчеству и к сектантству – всего лишь ок. 2 %. На втором месте после православных по своей численности стояли католики, затем мусульмане, протестанты, армяно-григориане. Незначительный удельный вес иудеев объяснялся прежде всего нахождением черты оседлости за пределами региона, где они селились более компактными массами.

Отдельные районы Центральной России имели свои особенности в развитии конфессий. В Центрально-Промышленном районе к началу XX в. широкое распространение получило раскольничество. В семи губерниях этого района насчитывалось 290,8 тыс. чел. раскольников и сектантов, или 2,5 % от всего населения. Больше всего их было в Московской губернии – 83,5 тыс. чел. (3,4 %) и в Нижегородской – 73,4 тыс. чел. (4,6 %); примерно в 2 раза меньше первых двух – в Калужской и Костромской – соответственно 40,2 тыс. чел. (3,4 %) и 39,8 тыс. чел. (2,3 %); примерно поровну во Владимирской и Тверской – 23,5 тыс. чел. (1,5 %) и 23 тыс. чел. (1,3 %) и, наконец, абсолютное меньшинство их было в Ярославской губернии – 74 тыс. чел. (0,7 %)[2].

Центрально-Промышленный район следует признать колыбелью раскольничества, известного под названием «старообрядчество». Здесь была и арена деятельности первых его попов и протопопов; здесь же – в брянских и нижегородских лесах – образовались первые раскольничьи скиты из бежавших от преследования правительства старообрядцев. Из этих скитов особую известность приобрели воспетые П.И. Мельниковым-Печерским Керженские скиты в Семеновском уезде Нижегородской губернии – Комаров, Оленев, Шарпан и др.[3].

Особое значение для раскольничества имела Москва, являвшаяся главным центром и силой всех старообрядческих сект, как поповщины (Рогожское кладбище), так и беспоповщины с ее толками – поморским, или даниловским, филипповским и федосьевским, особенно последним (Преображенское кладбище). Обе раскольнические организации имели в числе своих последователей массу крупных купцов и фабрикантов, отличались богатством и пользовались огромным влиянием на весь раскольничий мир. Их центр находился в Москве, поповщина и беспоповщина были распространены во всех губерниях района.

Кроме того, в Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях широкое влияние имело Спасово согласие, или нетовщина. Секта странников, или бегунов, считала своей родиной с. Сопелки Ярославской губернии, откуда она распространилась сначала в Рыбинском уезде, а затем в других уездах губернии и за ее пределами – в губерниях Костромской, Владимирской, Московской, Тверской и Нижегородской. В Калуге возникла секта воздыханцев. В районе также имели распространение, хотя и сравнительно меньшее, секты рационалистические (духоборы, молокане, субботники) и мистические (хлысты и скопцы).

Основными отличительными чертами раскольнического населения являлись сильно развитый дух солидарности и взаимопомощи, любознательность и стремление к грамоте, строгость в жизни, воздержанность и любовь к порядку, а вследствие этого – большая зажиточность и материальный достаток[4].

В Центрально-Земледельческом районе данные переписи 1897 г. относительно раскольников и сектантов, даже если их подсчет и произведен правильно, все-таки не отражают их истинного количества, так как при недоверчивом отношении населения к деликатному вопросу о вероисповедании почти все более или менее тайные сектанты и колеблющиеся были записаны по тому вероисповеданию, в котором они были крещены и значились официально. Поэтому ограничимся только общей схемой географического распределения раскольничьих и сектантских территорий.

Раскольничество в этом районе в виде поповщины и беспоповщины территориально размещалось по двум основным полосам: северо-восточной – от Рязани до Пензы (охватывало северные и отчасти центральные уезды Рязанской губернии, северную часть Тамбовской и почти всю Пензенскую); в этой полосе поповщина преобладала в Пензенской губернии, беспоповщина – в Тамбовской, а в Рязанской обе категории имели почти одинаковое количество последователей; юго-западной (большая часть Курской, центральная часть Орловской и юго-западная часть Воронежской губерний); здесь беспоповщина преобладала в Курской и Орловской губерниях, а обе категории были почти равны в Воронежской губернии. Кроме того, отдельная терри-

тория поповщины имелась еще в Тульском и в ближайших к нему с севера уездах Тульской губернии (так называемое «Тульское согласие»).

Сектантство в рассматриваемом районе охватывало обширную территорию на юго-востоке, частично заселенную русскими. Эта полоса занимала восточную часть Воронежской губернии, южную часть Тамбовской, Чембарский уезд Пензенской и южные уезды Рязанской губерний. Здесь в Воронежской губернии среди сектантов преобладали молокане и немного духоборов, в Тамбовской преобладали молокане и хлысты, в Рязанской – молокане и хлысты (по-местному называвшиеся «массонами»), в Чембарском уезде Пензенской губернии – молокане.

К началу XX в. в названных губерниях распространились секты, близкие к штундизму, имевшие немало последователей в различных районах. Кроме южных уездов здесь следует отметить также Зарайский уезд как центр сектантства[5].

В Северо-Западном районе в религиозном отношении следует отметить значительное преобладание православия над другими религиями. Распределяя население по принадлежности к различным вероисповеданиям, получим следующие данные: православные, в среднем по району составляли 92,7 %, в том числе в Петербургской губернии – 81,8 %, в Псковской – 95,4 %, в Новгородской – 95,8 %, в Олонецкой – 97,6 %; единоверцы в среднем 0,3 %, в том числе в Новгородской губернии – 0,1 %, в Олонецкой – 0,6 %, в других губерниях района их не было; раскольники в среднем 1,7 %, в том числе в Петербургской губернии – 0,9 %, в Псковской – 2,7 %, в Новгородской – 2,6 %, в Олонецкой – 0,8 %; протестанты в среднем – 3,8 %, в том числе в Петербургской губернии – 12,9 %, в Псковской – 1,1 %, в Новгородской – 1 %, в Олонецкой – 0,7 %; католики в среднем 0,9 %, в том числе в Петербургской губернии – 3 %, в Псковской – 0,3 %, в Новгородской – 0,3 %, в Олонецкой – 0,1 %; иудеи в среднем 0,4 %, в том числе в Петербургской губернии – 1 %, в Псковской – 0,4 %, в Новгородской – 0,1 %, в Олонецкой – 0,1 %; мусульмане и пр. в среднем 0,2 %, в том числе в Петербургской губернии – 0,4 %, в Псковской – 0,1 %, в Новгородской – 0,1 %, в Олонецкой – 0,1 %[6].

Из перечисленных народностей, населявших район, только эсты, латыши и немцы-колонисты исповедовали протестантизм (лютеранство), остальные были православными и частично раскольниками. Здесь же беспоповщина получила дальнейшее развитие. Так, р. Выга близ Онежского озера стала центром поморского толка, в юго-западных уездах Новгородской губернии появился федосеевский толк, наконец,

здесь успешно распространяли свое учение филипповцы, странники и даниловцы.

К началу XX в. в Олонецкой губернии раскольничество было наиболее распространено в Повенецком, Пудожском и Каргопольском уездах, а в Новгородской – в Старорусском и Крестецком уездах. В Олонецких двухэтажных избах светелки верхних этажей служили для временного приюта преследовавшихся раскольников (скрытников). В Псковской губернии, кроме указанных раскольничьих сект, получила распространение еще своеобразная еленушкина, или серафимовская, секта[7].

Распределение населения Поволжского района по вероисповеданиям было следующим: православных и единоверцев в среднем по району было 76,7 %, в том числе в Астраханской губернии – 63,2 %, в Казанской – 68,5 %, в Самарской – 77,1 %, в Саратовской – 86,1 %, в Симбирской – 88,5 %; раскольников в среднем 2 %, в том числе в Астраханской губернии – 0,5 %, в Казанской – 1,4 %,в Самарской – 3,5 %, в Саратовской – 2,8 %, в Симбирской – 2 %; католиков в среднем 0,8 %, в том числе в Астраханской губернии – 0,1%, в Казанской – 0,1 %, в Самарской – 2,3 %, в Саратовской – 1,5 %, в Симбирской – 0,1 %; протестантов в среднем 2,6 %, в том числе в Астраханской губернии – 0,1 %, в Казанской – 0,1 %, в Самарской – 6,7 %, в Саратовской – 6 %, в Симбирской – 0,1 %; армяно-григориане расселялись только в одной губернии района – Астраханской – и составляли 0,1 %; иудеи были в большинстве губерний района за исключением Саратовской и составляли в среднем 0,1 %, в том числе в Астраханской, Казанской, Самарской и Симбирской губерниях доля их составляла по 0,1 % в каждой; мусульмане составляли в среднем 15,5 %, в том числе в Астраханской губернии – 25 %, в Казанской – 29,3 %, в Самарской – 10,2 %, в Саратовской – 3,6 %, в Симбирской – 9,2 %; язычников было по району в среднем 2,2 %, в том числе в Астраханской губернии – 10 %, в Казанской – 0,7 %, в Самарской, в Саратовской и Симбирской губерниях – по 0,1 % в каждой[8].

Из приведенных данных видно, что православное население района составляло 3/4 всего населения; за ним по количеству следовали мусульмане (татары, башкиры и киргизы), протестанты, раскольники, язычники (главным образом, калмыки-ламаиты), католики, армяно-григориане и иудеи.

Раскольничество в районе было представлено почти всеми известными толками, как поповскими (беглопоповцы, Австрийское согласие), так и беспоповскими (поморцы, Спасово согласие, никудышники, средники и др.), а также сектами рационалистическими (молокане,

штундисты, субботники, из протестантских – баптисты, методисты мормоны, монтаны и др.) и мистическими (хлысты и скопцы). Главным центром поповщины служила местность по р. Б.Иргизу в Николаевском уезде Самарской губернии. Остальные секты и толки были распространены по району более равномерно.

В отношении религии большинство немцев-колонистов принадлежало к лютеранам и разным протестантским сектам (гернгутеры, менониты, штундисты), частично к католикам. Для образования католического духовенства в Саратове имелась особая семинария. Протестантское духовенство получало образование в Прибалтике, с которой колонисты поддерживали постоянные связи[9].

На рубеже XIX–XX вв. население Центральной России отличалось полиэтничностью с преобладанием русского православного этноса. Наибольшей пестротой в этом отношении характеризовался Поволжский район, где самыми многонациональными и многоконфессиональными губерниями были Астраханская и Казанская. Главной особенностью изучаемого периода были усилившиеся процессы взаимовлияния различных национально-этнических общностей и религий.

2.2. Изменения в конфессиональной структуре населения в 1900–1917 гг.

Население Центральной России в 1900-х гг. распределялось по конфессиям следующим образом: православные и единоверцы – 83 %, староверы и уклоняющиеся от православия – 1,7 %, армяно-григориане – 2,3 %, католики – 4,3 %, протестанты – 3,1 %, прочие христиане – 0,1 %, мусульмане – 3,7 %, иудеи – 1,7 %, прочие нехристианские конфессии – 0,1 %[10].

Эти данные показывают, что в 1900–1917 гг. существенных изменений в распределении населения региона по конфессиям не произошло. По-прежнему св. 3/4 жителей Центральной России исповедовали православие или принадлежали к единоверию; к старообрядчеству и к сектантству – менее 2 %. На втором месте после православных по численности стояли католики, затем мусульмане, протестанты, армяно-григориане.

Отдельные районы Центральной России имели свои особенности в развитии конфессий. В Центрально-Промышленном районе в 1900-х гг. сохраняло свое влияние раскольничество. В этом районе доля раскольников и сектантов составляла 2,7 % всего населения. Больше всего их было в Московской (3,5 %) и в Нижегородской (4,7 %) губерниях; в 2 раза меньше, чем в этих двух губерниях, – в Калужской и Костромской – соответственно 1,5 % и 2,9 %; примерно поровну – во Владимирской и Тверской – соответственно 1,6 % и 1,4 % и, наконец, абсолютное меньшинство их было в Ярославской губернии – 0,5 %[11].

В Центрально-Земледельческом районе в 1900-х гг., как и ранее, по переписи 1897 г., почти все более или менее тайные сектанты и колеблющиеся записывались по вероисповеданию, в котором они были крещены и значились официально. Раскольничество здесь в разных видах существовало в северо-восточной части района – от Рязани до Пензы; юго-западной – часть Курской, Орловской и Воронежской губерний, а также Тульской. Сектантство охватывало обширную территорию на юго-востоке района – часть Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерний[12].

В Северо-Западном районе в 1900-х гг. в религиозном отношении отмечалось сильное преобладание православия над другими религиями. Распределение населения по принадлежности к различным вероисповеданиям выглядело так: православные в среднем по району составляли 95,5 %, в том числе в Петербургской губернии – 85,5 %, в Псковской – 97,2 %, в Новгородской – 97,3 %, в Олонецкой – 95,8 %; единоверцы составляли в среднем по району 0,5 %, в том числе в Новгородской губернии – 0,2 %, в Олонецкой – 0,5 %, в других губерниях района их не было; раскольники в среднем – 1,9 %, в том числе в Петербургской губернии – 1,1 %, в Псковской – 2,9 %, в Новгородской – 2,7 %, в Олонецкой – 1 %; протестанты в среднем – 3,9 %, в том числе в Петербургской губернии – 13,2 %, в Псковской – 0,9 %, в Новгородской – 1,1 %, в Олонецкой – 0,5 %; католики в среднем – 1,2 %, в том числе в Петербургской губернии – 3,2 %, в Псковской – 0,2 %, в Новгородской – 0,5 %, в Олонецкой – 0,2 %; иудеи в среднем – 0,2 %, в том числе в Петербургской губернии – 1,2 %, в Псковской – 0,3 %, в Новгородской – 0,1 %, в Олонецкой – 0,1 %; мусульмане и пр. в среднем – 0,3 %, в том числе в Петербургской губернии – 0,5 %, в Псковской – 0,2 %, в Новгородской – 0,2 %, в Олонецкой – 0,1 %[13]. Из перечисленных народностей, населявших район, только эсты, латыши и немцы-колонисты исповедовали протестантизм (лютеранство), остальные были православными и частично раскольниками.

Распределение населения Поволжья по вероисповеданиям в 1900-х гг. представлено следующими данными. Православных и единоверцев в среднем по району стало несколько больше – ок. 80 %, в том числе в Астраханской губернии – 64,1 %, в Казанской – 69,9 %, в Самарской – 80,1 %, в Саратовской – 90,1 %, в Симбирской – 89,9 %; доля раскольников уменьшилась и достигла в среднем по району 1,8 %, в том числе в Астраханской губернии – 0,3 %, в Казанской – 1,2 %, в Самарской – 3,1 %, в Саратовской – 2,7 %, в Симбирской – 1,7 %; католиков в

среднем было ок. 1 %, в том числе в Астраханской губернии – 0,1 %, в Казанской – 0,2 %, в Самарской – 2,5 %, в Саратовской – 1,9 %, в Симбирской – 0,2 %; доля протестантов увеличилась и составила в среднем 2,9 %, в том числе в Астраханской губернии – 0,2 %, в Казанской – 0,3 %, в Самарской – ок. 7 %, в Саратовской – 6,3 %, в Симбирской – 0,1 %; армяно-григориане в исследуемый период расселялись только в одной губернии района – Астраханской – и составляли лишь 0,2 % всего населения; иудеи в небольшом количестве жили в большинстве губерний района, за исключением Саратовской, и составляли в среднем 0,2 %, в том числе в Астраханской, Казанской, Самарской и Симбирской губерниях доля их соответствовала 0,1 % в каждой; мусульмане составляли в среднем 17,7 % по району, в том числе в Астраханской губернии – ок. 30 %, в Казанской – 33,3 %, в Самарской – 11,1 %, в Саратовской – 4,7 %, в Симбирской – 10,2 %; доля язычников практически не изменилась и составляла в среднем по району 2,1 %, в том числе в Астраханской губернии – 10,2 %, в Казанской – 0,5 %, в Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях – по 0,1 % в каждой[14].

Приведенные данные убеждают в том, что православное население района по-прежнему доминировало и составляло 3/4 всего населения; за ним по количеству следовали мусульмане (татары, башкиры, киргизы), протестанты, раскольники, язычники (преимущественно калмыки-ламаиты), католики, армяно-григориане и иудеи.

К 1917 г. население Центральной России отличалось полиэтничностью с преобладанием русского православного этноса, абсолютные и относительные показатели которого увеличились в первое десятилетие XX в. Район Поволжья, а особенно Казанская и Астраханская губернии, отличался наибольшей национально-конфессиональной неоднородностью. В изучаемый период продолжались и углублялись процессы взаимодействия и взаимопроникновения национально-этнических общностей и конфессий.

2.3. Численность и состав духовенства в 1897–1917 гг.

К дворянству и чиновничеству по роду занятий и близости к государственной власти примыкало духовенство. Оно представляло собой относительно небольшую, но весьма влиятельную группу населения Центральной России: православное, инославное (римско-католическое, протестантское, армяно-григорианское) и нехристианских исповеданий, среди которых выделялось мусульманское и иудейское духовенство.

В организацию инославных и нехристианских исповеданий российским законодательством было внесено много элементов государственной церковности. Их священнослужители вели в интересах государства метрические записи о рождении, браке и смерти представителей своих конфессий, осуществляли религиозную регистрацию браков, которая носила обязательный характер. Управление духовными делами инославных и иноверческих исповеданий было сосредоточено в Министерстве внутренних дел по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий. Все католическое духовенство получало содержание от казны. Что касается священнослужителей других конфессий, то они, как правило, существовали за счет прихода, для которого их содержание носило обязательный характер.

Однако подлинно государственной религией выступало православие. Православная церковь пользовалась мощной государственной поддержкой и являлась носительницей и проводником официальной идеологии, так как фактически находилась на государственной службе Святейшего Синода, своеобразного «министерства духовных дел», нередко осуществляя эту службу совместно с государственными служащими – гражданскими и военными. Православное духовенство имело свою систему рангов (санов) и титулов, как частных, так и общих.

Духовенство делилось на черное (монашествующее, принимавшее целибат – обет безбрачия) и белое. Черное духовенство: митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит и игумен. Первые три сана – высшие в церковной иерархии – обозначали разные ранги епископского звания. Они могли заменяться также частными титулами: архиерей и владыка. Все названные саны иногда давались просто за личные заслуги (и тогда они были званиями), но чаще они были связаны с занятием определенных должностей. Так, митрополиты обычно возглавляли две главные епархии (церковные округа) Центральной России: петербургскую и московскую; архиепископы – некоторые другие крупные или важные епархии; епископы – прочие епархии. Архимандриты чаще всего были настоятелями крупных монастырей и ректорами духовных учебных заведений. Игумены возглавляли прочие монастыри. Эти звания могли принадлежать и настоятельницам женских монастырей (игуменьям). Митрополитам, архиепископам и епископам принадлежал также общий титул – владыко.

Белое духовенство имело следующие саны: протопресвитер, протоиерей, священник (иерей), протодьякон и дьякон. Протопресвитеров на рубеже XIX–XX вв. в Центральной России было четыре: это звание давалось главе военного и морского духовенства, главе придворного духовенства (он же возглавлял собор Зимнего дворца, Благовещенский

собор в Московском Кремле и был обычно духовником императорской семьи), а также старшим священнослужителям Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля. Сан протоиерея давался настоятелям церквей, а сан протодьякона – дьяконам кафедральных соборов и церквей придворного ведомства, но эти же саны могли даваться и просто за заслуги рядовым священникам и дьяконам.

Духовенство (вместе с семьями) составляло особое привилегированное сословие со своей системой прав и обязанностей. Принадлежность к этому сословию была несовместима с принадлежностью к дворянству. По количеству имевшихся привилегий лица духовного звания шли сразу же после дворянства.

На представителей белого православного духовенства, как и их коллег по другим конфессиям, кроме отправления религиозных треб для населения, возлагался ряд функций, выходивших за рамки их сугубо культовых обязанностей. Они вели регистрацию рождений, браков и смертей. Священники преподавали обязательный закон божий школьникам и богословие студентам (межфакультетская кафедра богословия была обязательной в каждом высшем учебном заведении). Духовенство использовалось правительством для сыска по политическим преступлениям при помощи исповеди; оно увещевало восставших крестьян, сопровождало смертников на эшафот и т.п.

Удельный вес духовенства Центральной России в начале XX в. от нижних звеньев до самых высших по отношению ко всему населению составлял всего 0,7 %, в том числе православного – 0,5 %. В относительно большем количестве духовенство было в обеих столицах: в Петербурге – 0,6 %, в Москве – 1,2 %. Если все духовенство региона принять за 100 %, то православного насчитывалось 95,3 %, других христианских конфессий – 1,9 %, нехристианских конфессий – 2,8 %[15].

Данные о количестве православных, вероятно, преувеличены, других вероисповеданий – преуменьшены. Например, по некоторым сведениям, сильно было занижено число старообрядцев и всякого рода сектантов, которые обычно старались избежать переписи или скрывали свое «верование», считая невозможным при существовавших условиях открыто заявлять о своей религиозной принадлежности во избежание преследований. У нерусских народностей, где порой проводилась принудительная христианизация, многие местные жители вынуждены были записываться «православными», хотя таковыми не являлись. Так, статистика искусственно завышала число православных и занижала количество представителей других вероисповеданий. Это обстоятельство проливает свет на соотношение православного духовенства и православных прихожан Центральной России.

Православного духовенства и лиц, примыкавших к нему по своим занятиям, в регионе насчитывалось в 1897 г. 211,3 тыс. чел., в том числе священнослужителей – 62,9 тыс. чел., церковнослужителей (певчих, просфорниц и пр.) – 59 тыс. чел., включая 46,8 тыс. мужчин и 12,2 тыс. женщин; чтецов и чтиц по усопшим, сборщиков и сборщиц подаяния на церкви и пр. – 4,3 тыс. чел., включая 1,1 тыс. мужчин и 3,2 тыс. женщин; монахов – 8,5 тыс. чел., монахинь – 12,5 тыс. чел., послушников – 14 тыс. чел., послушниц – 49,7 тыс. чел.

К 1902 г. эти показатели изменились незначительно, сократившись, впрочем, более чем на 20 тыс. чел. и составив 191,8 тыс. чел. Численность священнослужителей, правда, увеличилась, составив 70,2 тыс. чел., количество церковнослужителей, певчих, просфорниц, чтецов и чтиц, сборщиков и сборщиц подаяния и пр. осталось примерно на том же уровне: монахов – 8,4 тыс. чел., монахинь – 11 тыс. чел., послушников – 6,7 тыс. чел., послушниц – 32 тыс. чел. Не принимая во внимание церковный причт и послушников в монастырях, а считая лишь священников и монахов, видим, что один священнослужитель приходился на 1,8 тыс. чел. населения.

Официальная статистика, кроме численности собственно духовенства и причта, дает цифру членов их семейств – 92,1 тыс. мужчин и 217,5 тыс. женщин, всего 309,6 тыс. чел., проживавших вместе. Интересно отметить, что у одних только священников членов семей насчитывалось 57,5 тыс. мужчин и 134,9 тыс. женщин, то есть по 3 члена семьи на каждого священнослужителя.

Духовенства других христианских исповеданий насчитывалось 11,3 тыс. мужчин и 301 женщина, в том числе монашествующих – 361 мужчина и 301 женщина. Из них священнослужителей – 3,3 тыс. мужчин, церковнослужителей – 4,6 тыс. мужчин, то есть по одному священнослужителю на 1,5 тыс. чел.

Духовенства нехристианских исповеданий насчитывалось 25,4 тыс. чел., в том числе высших духовных лиц – 17,7 тыс. мужчин и 1 женщина, низших – 7,7 тыс. мужчин и 2 женщины, то есть один священнослужитель приходился на каждые 780 чел. – соотношение более благоприятное, чем среди православных, и доказывающее относительную многочисленность духовенства нехристианских исповеданий. К числу тех, кто обслуживал храмы и другие богослужебные места в качестве разных должностных лиц, отнесены содержатели молелен, начетчики, служители и сторожа при церквах и кладбищах всех исповеданий. Таковых насчитывалось 43,4 тыс. мужчин и 1,3 тыс. женщин[16].

Оставляя в стороне за неимением полных данных духовенств неправославных конфессий, проанализируем только православно хотя и эти статистические данные в большинстве случаев не полны.

Прежде всего отметим, что численность духовенства Центральной России в 1900 гг. постепенно возрастала, хотя и не так быстро, ка население. С 1897 по 1902 гг. численность священнослужителей воз росла с 62 тыс. чел. до 70, хотя для черного духовенства отчет обер-про курора Святейшего Синода, по-видимому, дает уменьшенные цифр сравнительно с теми, какие дала перепись 1897 г. Белого духовенств насчитывалось в 1902 г.: протоиереев – 2,3 тыс. чел., священников 44,5 тыс. чел., дьяконов – 15 тыс. чел., псаломщиков – 43,5 тыс. чел всего – 105,3 тыс. чел. К 1908 г. последний показатель вырос до 107 тыс., том числе священников – св. 48 тыс. (против 44,5 тыс. в 1902 г.).

Черного духовенства числилось в 1902 г. 15,1 тыс. мужчин 43 тыс. женщин (почти втрое больше женщин, чем мужчин); оно разме щалось в 500 мужских монастырях и 362 женских, всего в 862 (считая том числе архиерейские дома и подворья). По отчету обер-прокурора Святейшего Синода выходит, что численность черного духовенства 1897 по 1902 гг. уменьшилась и это уменьшение становилось еще более очевидным в последующие годы: так, в 1908 г. было 9,3 тыс. монахов 8,3 тыс. послушников, всего 17,6 тыс. чел.; 12,6 тыс. монахинь 40,3 тыс. послушниц, всего 52,9 тыс. чел., причем общее количество монастырей равнялось 923. Между тем, в 1903 г. монахов было 17,6 тыс. чел., то есть намного больше[17]. Впрочем, тенденция замедления и даже прекращения роста мужских монастырей не относилась женским, число которых продолжало увеличиваться вместе с увеличением количества монахинь.

К 1917 г. численность населения 647 православных монастырей Центральной России составила 74,1 тыс. чел. обоего пола, в том числе монашествующих – 33,1 тыс. чел., послушников – 41 тыс. чел. Распределение монастырей и монашествующих по районам выглядело следующим образом. В Северо-Западном насчитывалось: 131 монастырь, 6,6 тыс. чел., населявших их, включая 1,5 тыс. монашествующих и 5,1 тыс. послушников; в Центрально-Промышленном соответственно 268, 24,2 тыс., 6,5 тыс., 17,7 тыс.; в Центрально-Земледельческом – 157, 33,1 тыс., 22,5 тыс., 10,6 тыс.; в Поволжском – 91, 10,1 тыс., 2,6 тыс., 7,5 тыс. Всего в России в это время насчитывалось 1,2 тыс. мужских и женских монастырей, 107 тыс. чел. обоего пола, населявших эти монастыри, в том числе 33,6 тыс. монахов и монахинь и 73,5 тыс. послушников и послушниц (прил. 1).

Православное духовенство в церквах и монастырях имело сложную структуру, из которой условно можно выделить высшее, среднее и низшее духовенство. Высшие церковные иерархи приближались по своему социальному и материальному статусу к верхам правящих слоев. Как правило, они происходили из черного духовенства, сосредоточенного в основном по монастырям, где накапливались огромные богатства. Некоторые монастыри были настоящими латифундистами. Они являлись также крупными лесоторговцами, домовладельцами и рантье. Многочисленные богомольцы, стекавшиеся в наиболее чтимые монастыри, приносили им огромный доход. По своему экономическому строю монастырское хозяйство было однородным с помещичьим хозяйством, претерпевавшим медленный и затяжной процесс эволюции к новым формам.

Белое духовенство в целом было обеспечено не столь хорошо, как черное, но среди приходских священнослужителей существовал довольно зажиточный слой. Наиболее зажиточной частью белого духовенства было городское; по уровню доходов оно примерно соответствовало верхушке интеллигенции и средних предпринимателей. Сельское духовенство было менее обеспеченным, нежели городское, хотя и более многочисленным. Это объясняется небольшим размером или полным отсутствием казенного жалованья, бедностью крестьянского населения и растущим земельным утеснением, влиявшим на величину церковных наделов.

Распределение церковной земли между членами причта (священником, дьяконом и псаломщиком) строилось так, что наибольшая часть надела приходилась на долю священника. Чаще всего земля обрабатывалась наемными работниками или отдавалась в аренду, иногда возделывалась самими членами причта. Кроме земли, важным источником дохода духовенства являлась плата за требоисправления (крещение, венчание и пр.). Устанавливались также различные сборы с прихожан.

Низший сельский клир (дьяконы и псаломщики) – наименее обеспеченные слои духовенства – по уровню доходов приближался к среднему крестьянству, доход же сельских священников примерно соответствовал доходам зажиточной части деревенского населения. Такое положение способствовало тому, что в целом сельское духовенство стояло ближе к своей пастве, нежели городское. Этим обстоятельством, а также меньшей общей развитостью крестьянского населения объясняется тот факт, что сельское духовенство, по сравнению с городским, оказывало большее влияние на прихожан. Но, в свою очередь, и прихожане оказывали влияние на священнослужителей. Однако сре-

ди сельского духовенства стала выделяться верхушка, ставшая на путь активного обогащения.

Значительные различия в правовом и имущественном положении отдельных групп духовенства порождали в нем противоречия. Наиболее сильными были противоречия между черным и белым духовенством, между иерархами, рядовыми священнослужителями и низшим клиром. Традиционная структура русской православной церкви начинала испытывать дезинтеграционные процессы.

Вышеприведенные цифры иллюстрируют многочисленность и быстроту прироста русского православного духовенства. Интересно более подробно исследовать экономическую основу существования этого социального слоя. Одним из источников дохода церквей и монастырей, несомненно, являлось их землевладение. И те, и другие представляли собой, как известно, собственников-землевладельцев. Для обеспечения их причтов правительство отводило церквам земельные наделы из крестьянских или казенных угодий – от 33 до 99 дес. на каждый причт, смотря по местным условиям, причем усадьба в это число не входила.

Следует отметить, что в общей массе землевладения собственность духовенства была сравнительно небольшой. Церковные земли в Центральной России составляли 0,8 % всей земли, в том числе в Северо-Западном районе их было 0,6 %, в Центрально-Промышленном – 1,1 %, в Центрально-Земледельческом – 0,8 %, в Поволжском – 0,5 %. Монастырские земли составляли в регионе в среднем 0,3 %, в том числе по названным районам соответственно – 0,4 %, 0,2 %, 0,3 % и 0,2 %[17]. Так же, как и церковные, монастырские земли были рассеяны по всему региону, хотя и в сравнительно небольшом количестве. По удельному весу церковно-монастырское землевладение приближалось к городскому, учрежденческому, но заметно отставало от казенного и удельного.

Монастыри Центральной России существенно отличались один от другого по своему статусу. Монастыри русской православной церкви подразделялись по культовому рангу (лавры, ставропигиальные монастыри, пустыни, киновии, скиты, общины); по половому составу (мужские и женские); по штатному положению (штатные, заштатные или сверхштатные); по административному положению (самостоятельные, приписные, подворья, архиерейские дома); по уставному режиму (общежительные и необщежительные); по назначению (обычные и миссионерские); по вероисповеданию (православные, старообрядческие и единоверческие).

Самый многочисленный слой монастырского населения составляли послушники и послушницы – лица, готовящиеся к вступлению в

монашество. Однако основным (по значению) слоем были монахи и монахини, составлявшие особое сословие, статус которого определялся как гражданским (светским) законодательством, так и церковной регламентацией. Монашествующие подразделялись на три степени: первоначальные, малосхимники и великосхимники. Степени отличали монашествующих по строгости обетов, которые состояли в добровольном ограничении монашествующего в пище, одежде, постели, количестве молитв и поклонов – земных и поясных.

Основную массу монашествующих и послушничающих в православных монастырях Центральной России составляли выходцы из крестьян и городской бедноты, преимущественно крестьянки. Если крестьянская девушка до 25-летнего возраста не выходила замуж, то она получала презрительное название «вековуха» и оказывалась вне нормального течения крестьянской жизни. По-видимому, «вековухи» составляли значительную, если не главную массу монастырских послушниц. Кроме того, в монашество уходили многие бездетные вдовы, судьба которых также была жалкой и беспросветной. Сюда же надо причислить немалое число бесприданниц, которые не хотели идти замуж в чужие бедные семьи и предпочитали монашеское бытие.

Выше было отмечено, сколь невысоким был удельный вес монастырского землевладения в общей массе земель Центральной России. Однако отдельные монастыри были крупными и крупнейшими земельными собственниками. По закону, монастырям отводилось земли 100–150 дес. и более в соответствии с местными условиями, по одной мельнице, места для рыбной ловли и пр. Впрочем, большинство монастырей имело больше земли, чем указано в законе, так как они получали земельные пожертвования (например по завещаниям), казенные пожалования, а также увеличивали свои земельные площади посредством покупок, которые могли происходить по закону с согласия императора.

Официальная синодская статистика всячески старалась преуменьшить размеры монастырского землевладения. Следует отметить, что земельные владения архиерейских домов и подворьев, как правило, учитывались как церковные, хотя они принадлежали монастырям.

Далеко не все земельные угодья, находившиеся в собственности монастырей, использовались ими для сельскохозяйственного производства и обеспечения продовольствием монастырского населения. Часть земель монастыри сдавали в аренду окрестным крестьянам за деньги и исполу, а также под складские помещения, промышленные и торговые предприятия.

При изучении структуры землепользования монастырей Центральной России обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти половину земельных угодий сельскохозяйственного назначения (пашни и луга) эти монастыри сдавали в аренду за деньги и исполу. Общая площадь таких земель по региону составляла ок. 10 тыс. дес.

Московские городские монастыри были наделены землей в черте города (усадебные участки), в пригородах и отчасти в уездах Московской губернии. Новодевичий женский монастырь, к примеру, на своих 46 дес. огородной земли в черте города (монастырь считался тогда окраиной Москвы) наладил овощеводство, выгодно сбывая продукцию на городских рынках. Монахинь в монастыре числилось 114; основной рабочей силой были богомолки.

Московский Донской ставропигиальный монастырь располагал такими угодьями: в самой Москве (усадьба, кладбище, огороды) 47 дес., в Ливенском уезде Орловской губернии 117 дес. пашни, в Богородском уезде Московской губернии 94 дес. покосов и пашни, в Бронницком уезде той же губернии 41 дес. леса, всего 299 дес. Летом монастырь сдавал в аренду огородные участки общей площадью 30 дес. профессиональным овощеводам города[18].

Наряду с сельским хозяйством, православные монастыри Центральной России занимались промышленной деятельностью. Производились одежда, обувь, хозяйственный инвентарь, предметы религиозного культа и т.д. Кроме того, все монастыри, располагавшиеся в сельской местности, владели мельницами (и даже многие городские монастыри, у которых земельная собственность была вне городов). Многие монастыри наладили производство кирпича, черепицы, изразцов, керамической плитки. Как правило, эта продукция шла на собственные нужды – строительство храмов, жилых, служебных и хозяйственных зданий и сооружений. На кирпичных заводах работа производилась вручную, с широким и даже преимущественным использованием труда богомольцев.

Некоторые монастыри владели кожевенными заводами, выпускавшими юфть, подошвенный товар, опоек, замшу, лайку. Поскольку официальная статистика не упоминает о продукции монастырской кожевенной промышленности, остается заключить, что она шла на внутренние монастырские нужды, а также на удовлетворение потребностей епархиальной администрации. Отдельные монастыри имели лесопильные установки. Тут дело не ограничивалось удовлетворением собственных нужд в пиломатериалах для строительных работ и производства мебели. Лесопильнями владели монастыри Северо-Западного, Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов, хорошо обеспеченные лесными массивами; они торговали пиленым лесом, сбывая его окрестному населению.

Подавляющее большинство монастырей имели портняжные, сапожные, столярные, слесарные мастерские для обеспечения соответствующих нужд монастырского населения. Крупные монастыри занимались издательской деятельностью и владели типографиями, литографиями, фотографиями, выпуская лубочные картины, многочисленные листовки и брошюры религиозного содержания.

Очень развитой и высокодоходной отраслью монастырской промышленности, носившей мануфактурный либо индивидуальный ремесленный характер, было золотошвейное рукоделие. Это была отрасль женского труда, требовавшего большого мастерства и исключительного усердия. По данным Л.И. Денисова, рукоделием занималось население 24 женских монастырей, но эти данные, очевидно, не полные. Достаточно сказать, что на I Всероссийской выставке монастырских работ и церковной утвари в 1904 г. в Петербурге были экспонированы произведения рукодельческого искусства 78 женских монастырей центральных губерний. Организатором этой уникальной выставки был Синод. В выставке участвовали 80 монастырей, 110 частных предпринимателей, акционерных обществ и фирм, а также Московский епархиальный свечной завод[19].

Выставка показала, что к 1904 г. в России сложилась большая культовая индустрия, производившая церковную утварь в массовом масштабе. Десятки фабрик и мастерских занимались изготовлением икон, лампад, крестов и крестиков, кадильниц, хоругвей, парчовых риз, культовых сосудов, подсвечников, свечей, церковного вина, лампадного масла и т.п. В огромных количествах производились иконы. В этой отрасли промышленности специализировались 23 предприятия, которые представили свои иконы на выставке. Около 20 предприятий, специализировавшихся в области производства церковной утвари, экспонировали культовые сосуды (чаши, кудели), кадила, кресты и т.п. Все монастыри занимались производством икон; некоторые производили их в массовом масштабе, для чего создали специальные мастерские и иконописные школы. Таких монастырей насчитывалось ок. 50.

Высокодоходной отраслью монастырской промышленности было свечное производство. Свечной доход церквей и монастырей превышал 40 млн. руб. в год. Синод получал «свечного сбора» от 8 до 10 млн. руб. ежегодно. Обороты Петербургского и Московского епархиальных свечных заводов в 1908 г. достигали 2 млн. руб.; по провинциальным епархиям ежегодные обороты свечных заводов составляли по 300–500 тыс. руб.[20].

Русские православные монастыри обладали большими денежными средствами и поистине несметными сокровищами – церковной утварью из драгоценных металлов и камней ювелирной работы, часто представлявшей уникальную художественную ценность. Все это хранилось в монастырских церквах. Отметим, что в среднем на каждый монастырь приходилось по две церкви.

Основными источниками денежных доходов монастырей являлись: пособия, выдававшиеся государственным казначейством; доходы от богомольцев, часовен, молебнов, гостиниц, постоялых дворов, других промысловых заведений; вклады разных лиц. Собственные доходы монастырей могут быть определены лишь приблизительно. Так, по данным 1905–1907 гг., в Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим) в Московской губернии ежегодные «кружечные» и «тарелочные» сборы с богомольцев составляли 13 тыс. руб.; в Александро-Невской лавре аналогичные сборы давали ок. 200 тыс. руб. в год; Троице-Сергиева лавра лишь от одних молебнов, совершавшихся в храмах монастыря по заказам богомольцев, получала 12 тыс. руб. в год; Иосифо-Волоколамский монастырь имел от богомольцев ок. 20 тыс. руб. в год. Весьма активными добытчиками денег для монастырей были подворья: их ежегодный доход составлял ок. 10 млн. руб. Иверская часовня Николо-Перервицкого монастыря в Москве в 1905–1907 гг. собирала с богомольцев 300 тыс. руб. в год.

О кладбищенских и погребальных доходах монастырей имеются следующие данные. Место погребения на территории монастыря стоило больших денег. Например, в Александро-Невской лавре могилы подразделялись на пять категорий (разрядов): могила первого разряда стоила 500 руб., второго – 200, третьего – 150, четвертого – 100, пятого – 50. За отпевание покойников здесь были установлены также весьма крупные сборы: за поминовение покойника на особо торжественных богослужениях («проскомидия», «вселенская панихида» и др.) в дни его рождения, именин и смерти взималась 1 тыс. руб., за вечное поминовение на «проскомидиях» и ранних «литургиях» – 200 руб., за поминовение один раз в год – 10 руб. Монахи и монахини постоянно участвовали в погребальных обрядах вне стен монастыря, читали псалтырь над покойником, вносили вклад в организацию «поминальной трапезы» и т.п.[21].

Денежные доходы монастырей от гостиниц и странноприимных домов составляли весьма значительную сумму. Так, в Троице-Сергиевой лавре ежегодный гостиничный доход составлял 30 тыс. руб. Важной статьей монастырских доходов были торговые предприятия – лавки, балаганы, ярмарки. Имеются сведения о ярмарках, которые организовывались при 100 монастырях центральных губерний. Здесь православная церковь пополняла монастырскую казну, укрепляла среди населения популярность монастырей и проповедовала православный культ[22].

Особое место в монастырских финансах принадлежало так называемым вечным вкладам, которые делались разными лицами и составляли «денежный капитал» монастырей. Точные суммы этих вкладов сохранялись в тайне, но в печать все же проникали некоторые сведения. Ярославские монастыри в начале XX в. имели св. 2,5 млн. руб. вечных вкладов. В конце XIX в. 167 монастырей имели вечных вкладов на 7 млн. руб. К 1917 г. сумма вечных вкладов по всем монастырям региона достигала 20 млн. руб.[23]. Вкладчиками монастырей были богатые и состоятельные лица всех высших слоев Центральной России: помещики, предприниматели, чиновники, офицеры; изредка среди жертвователей попадались зажиточные крестьяне, вклады которых носили единичный характер и не были столь значительными.

Экономическую основу монастырей составляла земельная собственность. Однако в тех случаях, когда монастыри налаживали более или менее производительное сельское хозяйство, это было, в сущности натуральное хозяйство: продукты сельскохозяйственного производства реализовывались среди богомольцев, которые являлись их непосредственными производителями. Любопытно, что достижения инженерной и агрономической науки того времени отнюдь не разрушали архаичного строя монастырских хозяйств. Напротив, эти отрасли науки работали на них: они нашли во многих монастырях достаточно хорошую среду для своего развития.

Данное обстоятельство лишний раз показывает, что сам по себе капиталистический общественный строй не полностью и не автоматически ликвидирует устаревшие институты, а лишь более или менее значительно деформирует их. Имеется в виду, что в XX в. в православных монастырях Центральной России появились телефоны, механические двигатели, узкоколейные железные дороги, судостроительные верфи; в соответствии с этим среди населения монастырей получили работу инженеры, механики, мастера и др.

Таким образом, к 1917 г. церковь сумела при поддержке власти вернуть себе почти то же количество земли, которое было секуляризовано у нее ранее государством. Как и раньше, земельные владения отдельных монастырей достигали огромных размеров. Монастыри, как и церковь в целом, являлись составной частью социальной структуры общества, поддерживали государственный строй и активно участвовали в общественной жизни страны.

3. ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

3.1. Уровень грамотности на рубеже XIX–XX вв.

Развивающейся экономике России на рубеже XIX–XX вв. требовались грамотные работники. Поэтому в пореформенный период был отмечен некоторый рост грамотности и образовательного уровня населения, хотя в целом он продолжал оставаться весьма низким. Перепись населения 1897 г. является единственным источником, позволяющим выявить уровень грамотности населения Центральной России к началу XX в. В выяснении этого вопроса помогают и земские обследования 90-х гг. XIX в.

Сельские жители составляли преобладающую массу населения страны, поэтому уровень их грамотности являлся определяющим в оценке общей грамотности всего населения страны. По данным земского статистика Н. Бычкова, к началу XX в. сравнительно высокими показателями грамотности отличались уезды Петербургский (38,3 %), Камышинский (36,8 %), Серпуховский (25 %), а наиболее низким показателем – Бугульминский уезд (2,1 %)[1].

По подсчетам другого земского статистика Н.А. Благовещенского, на рубеже XIX–XX вв. в среднем грамотные и учащиеся в 21 губернии Европейской России составляли 10,8 % всего населения, тогда как в 11 губерниях Центральной России доля их составила 12,4 %. При этом выше других были показатели грамотности населения в Московской (20,7 %), Петербургской (19,7 %) и Тверской (16,8 %) губерниях. Несколько ниже – в Саратовской (15,7 %), Самарской (13,4 %), Новгородской (10,9 %). На последнем по уровню месте грамотности находилось сельское население Орловской (9 %), Рязанской (8,8 %), Воронежской (7,9 %), Курской (7,8 %), Тамбовской губерний (5,8 %)[2].

Анализ данных о грамотности всего населения России, ее европейской части, а также погубернских данных о грамотности населения Центральной России в 1897 г. свидетельствует о том, что всего грамотных в стране (включая Польшу) было 21,2 %, в том числе мужчин – 29,3 %, женщин – 13,1 %; показатели средней грамотности по Европейской России (вместе с Польшей) несколько отличались от общероссийских – 23,2 %, зато показатель грамотности мужчин в регионе был выше общероссийского и составлял 32,6 %, а показатель грамотности женщин почти не отличался от имперского – 13,7 %. Исключительно резкое различие в уровне грамотности существовало между мужчинами и женщинами, между городским и сельским

населением. Так, среди мужчин грамотных насчитывалось в 2,3 раза больше, чем среди женщин.[3]

Рассматриваемый показатель по районам и губерниям Центральной России колебался весьма значительно (прил. 2). В целом показатель общей грамотности этого региона был немного выше аналогичного показателя Европейской России и всей России. Из губерний со сравнительно высокими показателями отметим Петербургскую, Московскую, Ярославскую; в четырех губерниях: Симбирской, Астраханской, Пензенской и Псковской – удельный вес грамотных колебался в пределах 14–15 %.

Подсчитанные сплошные данные о грамотности городского и сельского населения Центральной России по полу и возрасту в 1897 г. сгруппированы в прил. 3. Расхождение показателей грамотности мужчин (53,4 %) и женщин (34,9 %) в городах менее значительно, чем среди сельского населения. Кроме того, сравнительно более высокая доля грамотности как у мужчин, так и у женщин наблюдалась в возрастных группах 10–19 и 20–29 лет. В целом показатели грамотности городского населения были довольно высокими. Если сопоставить эти данные с данными начала 90-х гг. XIX в., то увидим, что почти за 10 лет рост грамотности оказался небольшим. При этом необходимо учесть то обстоятельство, что за рассматриваемые годы в Центральной России происходил значительный рост городского населения главным образом за счет выходцев из сельской местности, то есть людей со сравнительно низким уровнем грамотности. Это обстоятельство сказывалось на показателях общего уровня грамотности в городах.

Грамотные люди в селах составляли 18,3 % от всего сельского населения региона. Доля грамотных среди женщин была в 2,6 раза ниже, чем среди мужчин (грамотных мужчин 26,6 %, женщин – 10 %). Показатели грамотности для отдельных возрастных групп также в значительной степени были различными. Так, среди населения в возрасте 10–19 лет (29,3 %) и 20–29 лет (26,6 %) грамотных было примерно в 2 раза больше, чем в возрасте 50–60 лет и старше.

При очень низком среднем уровне грамотных среди женщин в сельской местности (10 %) различия этого показателя по отдельным губерниям были весьма значительными. Так, среди сельского женского населения Ярославской губернии грамотных было 21,6 %, Московской – 14,4 %, Воронежской – 4,4 %, Курской – 4,3 %, Орловской – 3,9 %, Пензенской – 4,3 %.

Основные показатели грамотности всего населения Центральной России значительно различаются. Если не принимать во внимание первую возрастную группу (менее 10 лет), в которой значительная

часть еще не обучалась грамоте, то в остальных группах по мере перехода к более старшим наблюдается падение уровня грамотности: с 33,5 % в возрасте 10–19 лет до 14,9 % в возрасте 60 лет и старше. Весьма характерными являются значительные различия доли грамотных среди населения разных возрастных групп у мужчин и женщин.

Отдельные губернии в значительной степени различались по удельному весу грамотных. Характерно, что губернии с более развитой промышленностью выделялись и более высоким уровнем грамотных. Так, в Петербургской губернии грамотные составляли 55,1 %, в Московской – 40,2 %, в Ярославской – 36,2 % и во Владимирской – 27 % (см. прил. 2).

Хотя сословное деление, принятое при разработке материалов переписи 1897 г., не в полной мере отражало социальный состав населения страны, все же различия в уровне грамотности были столь велики, что они совершенно ясно проступают и при сословной группировке общества (прил. 4). Наличие неграмотных даже среди высших слоев населения Центральной России, особенно женщин и сельского населения, отражало некоторую отсталость развития России. Свыше 3/4 лиц «сельских сословий» на селе, в массе своей крестьян, были неграмотными. Нерусские народы, поименованные переписью как «инородцы», в подавляющей массе были также обречены на неграмотность. Среди этих народностей грамотных было только 5,7 %.

Уровень грамотности дворян, чиновников и духовенства был в 3–4 раза выше, чем лиц «сельских сословий». Грамотность почетных граждан, купцов, мещан и др. городских сословий с семьями составляла св. 50 %. Показательно, что в Центральной России существовало резкое различие в уровне грамотности населения города и села, мужчин и женщин.

Разработка материалов переписи 1897 г. дала возможность также выявить грамотность всей массы наемных рабочих и прислуги Центральной России. В среднем по всем группам занятий среди рабочих грамотных оказалось 35 %, причем эти показатели весьма различались по полу: грамотных среди рабочих-мужчин было 44,8 %, а среди Работниц и прислуги – 25,2 %. По группам занятий также определились значительные различия. Так, в сводной группе «промышленность, транспорт и торговля» оказался максимальный уровень грамотных – 46 %, среди поденщиков и чернорабочих грамотных было учтено лишь 24,5 %[4].

В значительной степени по уровню грамотности различались в 1897 г. рабочие отдельных возрастных групп, занятые в промышленности, транспорте и торговле. Доля грамотных в рассматриваемой группе занятий среди мужчин составляла 58,8 %, то есть в 1,8 раза

выше соответствующего показателя у женщин (33,2 %). У мужчин наиболее резко различался уровень грамотности в следующих возрастных группах: 13–16 лет – 73,3–73,4 %, 60 лет и старше – 34,7 %. В многочисленной группе 20–39 лет уровень грамотности (57,9 %) в целом совпадал со средним (58,8 %).

У женщин колебания доли грамотных были еще более значительными. Укажем крайние показатели: 13–14 лет – 57 %, 40–59 лет – 12,3 %. Доля грамотных среди работниц в возрасте 20–39 лет была довольно низкой – 22,4 %[5].

Общие данные о грамотности призванных на военную службу по районам и губерниям Центральной России в 1894–1904 гг. были более высокими, чем у городского и сельского населения, хотя колебания в показателях в рассматриваемый период оказались весьма значительными (прил. 5.) В целом относительно высокие показатели наблюдались в группе промышленно развитых губерний, в частности Ярославской, Петербургской, Московской, Тверской и Владимирской. Доля грамотных среди призванных на военную службу здесь превосходила среднюю по региону – соответственно по годам 49,1 % и 65,9 %. Кроме того, губернии Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов имели более высокие показатели грамотности по сравнению с Центрально-Земледельческим, Поволжским районами и со средними показателями по региону в целом.

Следует отметить, что эти показатели не являлись характерными для динамики грамотности всего населения. Существенное значение их состоит в том, что они в целом отразили изменения в динамике грамотности мужчин в возрасте 20–24 лет. Развитие школьной сети за рассматриваемый период не могло значительно повлиять на рост грамотности населения старших возрастных групп. Внешкольным путем приобреталась грамотность лишь отдельными группами населения.

Необходимо также отметить, что доля грамотных среди общей массы призывавшихся в армию, очевидно, была ниже, чем среди призванных на военную службу. Показательно, что за 10 лет доля грамотных среди призывавшихся и призванных на военную службу значительно повысилась, но при этом и в начале XX в. св. 1/3 призванных и более половины призывавшихся на военную службу были неграмотными[6].

Весьма примечательными являются данные о новобранцах Курской губернии в 1890–1895 гг. Грамотные в этот период составляли среди призывавшихся 16,8 %, а среди призванных – 25 %. Следовательно, доля грамотных среди призванных была почти в 1,5 раза выше, чем среди призывавшихся. Столь большое расхождение несколько уменьшилось к 1895 г., составив среди призывавшихся 29,2 % грамот-

ных, а среди призванных – 37,5 %. В целом следует считать, что показатели грамотности среди призванных на военную службу были примерно в 2 раза выше показателей грамотности, исчисленных для всего населения[7].

На рубеже XIX–XX вв. удельный вес неграмотных среди рассматриваемой группы все еще продолжал оставаться значительным. Часть неграмотных обучалась грамоте во время службы, причем обучение солдат грамоте стало обязательным лишь с начала XX в. Характерно, что одним из основных мотивов введения обязательного обучения грамоте в армии явилось стремление комплектовать унтер-офицерский состав из среды темных и наиболее забитых элементов деревни. Это стремление достаточно ярко отражено в «Объяснительной записке к проектам положений об обучении нижних чинов»[8].

Чтобы полнее ответить на вопрос о грамотности населения Центральной России на рубеже XIX–XX вв., следует сгруппировать имеющиеся данные в отношении отдельных городов региона и проанализировать произошедшие изменения. Так, в 1897 г. в Петербурге общий показатель грамотности населения составлял 61,7 %, в том числе мужского – 71,8 %, женского – 51,5 %; в Москве соответствующие показатели равнялись 54,6 %, 66,9 % и 42,3 %; в Воронеже – 51,9 %, 60,4 % и 43,4 %[9].

Наряду с Петербургом и Москвой, в которых грамотность населения являлась относительно высокой, приведены показатели типичного губернского центра региона – Воронежа. Хотя эти данные не могут считаться достаточно полными для характеристики грамотности всего городского населения в изучаемый период, некоторые тенденции в грамотности населения городов они в целом все же отражают.

Приведенные показатели грамотности городского населения Центральной России дополним более подробными данными по отдельным крупным городам. Уровень грамотности женщин среди населения Петербурга в 1890–1900 гг. был ниже уровня грамотности мужчин. При этом общие показатели грамотности увеличились в 1,1 раза, в том числе грамотность мужчин возросла в 1,2 раза, женщин – в 1,1 раза. Показательны соответствующие данные по Москве в 1891–1902 гг. Примечательно, что за десятилетний период грамотность во «второй» столице выросла несколько больше – в среднем в 1,3 раза, в том числе у мужчин – в 1,4 раза, у женщин – в 1,3 раза, тогда как соответствующие показатели Петербурга были ниже. Однако удельный вес мужчин, женщин и обоих полов в Москве оказался ниже аналогичных показателей Петербурга. Кроме того, данные об изменении грамотности детского населения Петербурга и Москвы свидетельствуют, что

к началу XX в. 22–23% детей обеих столиц в возрасте 8–11 лет были неграмотными[10].

По весьма существенному вопросу о различиях уровня грамотности коренного и пришлого населения столиц ограничимся отдельными характерными данными. На основании анализа материалов переписи Москвы в 1902 г. можно прийти к выводу о том, что коренное московское население, родившееся в столице и проживавшее там постоянно, отличалось весьма высоким уровнем грамотности: в возрасте от 8 лет и старше грамотным было более 9/10 коренного мужского населения и более 4/5 женского. Напротив, у пришлого населения грамотность была развита гораздо слабее: из пришлых мужчин неграмотными было более 1/4, а среди пришлых женщин наблюдалась почти полная безграмотность – 3/5; в старших возрастах 3/4 пришлого женского населения не умело ни читать, ни писать. В целом показатели грамотности пришлого населения были более чем в 2,5 раза ниже показателей грамотности коренного населения Москвы[11]. Необходимо при этом подчеркнуть, что пришлое население резко преобладало в составе всего населения столицы.

Еще более значительной оказалась разница в количестве неграмотных среди коренного и пришлого населения Петербурга в 1900 г. в возрасте от 8 лет и старше. Так, неграмотные, родившиеся в столице, в среднем составляли 10,3 %, в том числе мужчины – 7 %, женщины – 13,5 %; пришлые соответственно – 36,3 %, 21,6 % и 50,9 %; все население – 23,3 %, 14,3 % и 32,2 %. Доля неграмотных среди пришлого населения Петербурга была в 3,5 раза выше, чем среди населения, родившегося в Петербурге[12].

Для детальной характеристики состояния грамотности и культуры в Центральной России на рубеже XIX–XX вв. проанализируем развитие учебных заведений в районах и губерниях региона.

В Центрально-Промышленном районе народное образование было еще недостаточно развито, тем не менее, хотя и медленно, оно развивалось. Достаточно указать на то, что расходы земства на начальные школы ежегодно возрастали и составили к началу XX в. 1,6 млн. руб. по всему району, в том числе во Владимирской губернии – 233 тыс., в Калужской – 131 тыс., в Костромской – 169 тыс., в Московской – 421 тыс., в Нижегородской – 197 тыс., в Тверской – 277 тыс., в Ярославской – 178 тыс. В 90-х гг. XIX в. расходы земства на начальные школы района возросли в целом более чем в 4 раза[13].

Общее число начальных школ разных ведомств в семи губерниях района составило 7,7 тыс., численность учащихся обоего пола в них – ок. 381 тыс. чел., в том числе 286 тыс. мальчиков и 94,8 тыс. девочек. В

эти общие показатели входили школы Министерства народного просвещения в количестве 3,9 тыс., в которых обучалось 203,3 тыс. мальчиков и 72,1 тыс. девочек. Школ духовного ведомства (церковно-приходских и школ грамоты) было 3,8 тыс., в них обучались 81,7 тыс. мальчиков и 21,8 тыс. девочек; школы других ведомств находились только в трех губерниях района – Владимирской, Московской и Тверской – в количестве 44; в них обучалось 1,1 тыс. мальчиков и 829 девочек[14].

Число школ и численность учащихся в разных губерниях района значительно колебались, однако удельный вес учащихся-девочек был примерно одинаковым: в среднем по району он составил 24,3 %; минимальным он был в Нижегородской губернии – 18,6 %, максимальным – в Ярославской – 33,2 %. Одна школа в районе приходилась на площадь 40,1 кв. верст и 1,5 тыс. жителей[15].

В последние годы XIX столетия наблюдалось сильное оживление деятельности земств в вопросе народного образования, благодаря чему успехи последнего значительно продвинулись. Некоторые земства (например Московское, Нижегородское) поставили вопрос о переходе к всеобщему начальному образованию и считали, что в недалеком будущем это можно было бы решить практически.

Статистика высших и средних учебных заведений Центрально-Промышленного района к началу XX в. была следующей. Университеты и институты имелись только в двух губерниях района – Московской и Ярославской – общим числом 9 с численностью обучавшихся мужчин 6,5 тыс. чел. Высшее образование для женщин отсутствовало. В Московской губернии высших учебных заведений было 8 с числом обучавшихся 6,3 тыс. чел., в Ярославской – 1 с числом обучавшихся 228 чел.[16].

Количество средних учебных заведений района составляло 148, численность обучавшихся в них – 38,5 тыс. чел. Из полученных данных видно, что наибольшее количество всевозможных учебных заведений и учащихся в них приходилось на Московскую губернию как столичную: общее число учебных заведений здесь было 86, в том числе 44 мужских и 42 женских; численность учащихся – 21,7 тыс. чел., в том числе 12,9 тыс. мужчин и 8,8 тыс. женщин[17]. Второе место занимала Ярославская губерния, затем шли Нижегородская, Тверская и Владимирская, а наименьшее количество средних учебных заведений и учащихся в них приходилось на северо-восток и юго-запад района, то есть на губернии Костромскую и Калужскую. Первая из них имела наименьшее количество женских средних учебных заведений, а вторая – мужских.

Сравнение показателей грамотности населения, наличия учреждений образования, а также численности обучавшихся дает возможность заключить, что после Московской губернии самой обеспеченной учреждениями образования можно считать Ярославскую, а наименее обеспеченными – Костромскую, Калужскую и Нижегородскую (правда, среднее образование в последней было довольно высоко развито, а начальное – слабо); губернии же Тверская и Владимирская занимали среднее место по уровню развития образования и грамотности.

Успехи народного образования в Центрально-Земледельческом районе к началу XX в. по сравнению с 90-ми гг. XIX в. стали более заметными. В целом здесь насчитывалось 5,7 тыс. начальных школ разных ведомств, которые распределялись по губерниям примерно одинаково: в Тамбовской их было 1 тыс., в Воронежской и Курской – по 880, в Рязанской – 870, в Орловской – 770, в Тульской – 730, в Пензенской – 600.

Общая численность учащихся в районе составляла 380 тыс. чел., в том числе 310,9 тыс. мальчиков и 69,1 тыс. девочек. Распределение учащихся-мальчиков по губерниям было примерно одинаковым, а численность девочек заметно колебалась. Удельный вес девочек составлял 18,1 % от всего количества учащихся в районе, в том числе в Тульской губернии – 22,5 %, в Рязанской – 20 %, в Воронежской, Курской, Тамбовской – по 17 %, в Орловской и Пензенской – по 16,5 %.

На соотношение школ, населения и территории указывают следующие данные. В среднем по району одна школа приходилась на 51,7 кв. верст и на 2,5 тыс. чел. населения. По губерниям это соотношение выглядело следующим образом: в Воронежской соответственно – 65,8 кв. верст и 2,9 тыс. чел.; в Курской – 46,4 кв. верст и 2,7 тыс. чел.; в Орловской – 53,3 кв. верст и 2,6 тыс. чел.; в Пензенской – 56,8 кв. верст и 2,5 тыс. чел.; в Рязанской – 42,1 кв. верст и 2,1 тыс. чел.; в Тамбовской – 58,5 кв. верст и 2,7 тыс. чел.; в Тульской – 37,2 кв. верст и 1,9 тыс. чел.[18].

Эти подсчеты показывают, что наиболее обеспеченными начальными школами в районе были две ее северные губернии – Рязанская и Тульская, где показатели числа школ и общей численности учащихся, а также доля обучавшихся девочек были выше, чем в остальных; на самом низком уровне начальное образование находилось в южной части района, то есть в губерниях Курской, Воронежской и отчасти Тамбовской. Наиболее крупными школами по количеству в них учащихся выделялась Рязанская губерния, а наиболее мелкими – Тульская. Если сравнить приведенные здесь данные о начальном образовании с аналогичными в соседних районах – Центрально-Промышленном и Поволжском, то окажется, что народное образование в рассматриваемом районе находилось на более низком уровне, чем в упомянутых двух соседних районах, как по количеству жителей, на которых

приходилась одна школа, так и по численности учащихся, а также по удельному весу девочек относительно всего количества учащихся обоего пола.

На примере Воронежской губернии показательны успехи в развитии грамотности в районе, тем более что она занимала только пятое место среди семи губерний по соотношению учащихся и населения. Среди возрастной группы 45–50 лет к началу XX в. был 21 % грамотных мужчин; в возрасте 40–45 лет – 27 % грамотных; в возрасте 35–40 лет – 31 %; 30–35 лет – уже 37 %; в возрасте 20–30 лет – 40 %; в возрасте 15–20 лет – 46 % и, наконец, в возрасте 10–15 лет – 50 %, что убедительно доказывает, что более половины мужского населения района обучалось грамоте[19]. Воронежское земство даже поставило вопрос о всеобщем начальном образовании.

Всего на начальные школы к началу XX в. в семи губерниях района было затрачено ок. 3 млн. руб. (100 %), в том числе казной – 299,6 тыс. руб., или 10,5 % всех затрат; земствами – 1,3 млн. руб., или 44,5 %; сельскими обществами – 510,9 тыс. руб., или 17 %; городскими обществами – 348,5 тыс. руб., или 11,5 %; частными лицами – 288,7 тыс. руб., или 9,5 %; плата за обучение – 178,8 тыс. руб., или 6 %.

В разных губерниях района эти показатели порой значительно колебались, но повсюду расходы земства были больше остальных поступлений и приближались к половине общего объема расходов. Так, в Воронежской губернии на содержание начальных школ казна затратила 9,5 %, земства – 47,5 %, сельские общества – 18,5 %, городские общества – 8 %, частные лица – 5,5 %, плата за обучение – 11 %, в Курской соответственно – 11 %, 48 %, 22,5 %, 9,5 %, 5 %, 3,5 %; в Орловской – 8,5 %, 34 %, 17,5 %, 14,5 %, 18 %, 7%; в Пензенской – 11,5 %, 43,5 %, 14 %, 16,5 %, 10,5 %, 3 %; в Рязанской – 10,5 %, 42 %, 19,5 %, 10,5 %, 11 %, 3 %; в Тамбовской – 6,5 %, 50 %, 13 %, 13,5 %, 7 %, 6,5 %; в Тульской – 17 %, 42 %, 11,5 %, 9,5 %, 13,5 %, 6,5 %[20].

Из этих подсчетов видно, что дороже всего содержание школ обходилось в Курской губернии, а дешевле – в Тульской. Первое место по объему затрачиваемых средств на начальное образование занимали в районе земства (ок. 1/2 всех расходов); второе – сельские общества, третье – городские общества, четвертое – казна, пятое – частные лица, причем городские общества и частные лица в отдельности затрачивали немного меньше, чем казна.

Высших учебных заведений в Центрально-Земледельческом районе не было. Состояние среднего образования видно из следующих данных. Общее количество учебных заведений в районе составляло 148, в том числе в Воронежской и Орловской губерниях – по 25, в

Курской – 24, в Рязанской – 21, в Тамбовской – 20, в Тульской – 17, в Пензенской – 16. Количество учащихся – 35,7 тыс. чел., в том числе 20,5 тыс. чел. мужского пола и 15,2 тыс. чел. – женского. По губерниям они распределялись так: в Воронежской – 5,7 тыс. чел., в том числе 3,5 тыс. мужчин и 2,2 тыс. женщин; в Курской соответственно 5 тыс. чел., 1,9 тыс. чел. и 3,1 тыс. чел.; в Орловской – 5,9 тыс. чел., 3,4 тыс. чел. и 2,5 тыс. чел.; в Пензенской – 4,2 тыс. чел., 2,5 тыс. чел. и 1,7 тыс. чел.; в Рязанской – 4,6 тыс. чел., 3,1 тыс. чел. и 1,5 тыс. чел.; в Тамбовской – 6,5 тыс. чел., 4 тыс. чел. и 2,5 тыс. чел.; в Тульской – 3,8 тыс.чел., 2,1 тыс. чел. и 1,7 тыс. чел.[21].

Таким образом, наибольшее количество средних учебных заведений в районе приходилось на Воронежскую и Орловскую губернии, а наибольшее количество учащихся – на Тамбовскую. Наименьшее количество средних учебных заведений и учащихся было в Тульской и Пензенской губерниях, причем в первой несмотря на присутствие здесь такого крупного центра, как Тула. Это объяснялось слабым развитием здесь городской жизни, за исключением одной Тулы, а в Пензенской – относительной отдаленностью этой губернии от более крупных культурных центров и обеих столиц.

Уровень культуры района характеризовался не только показателями грамотности, но и количеством массовых лекториев (народных чтений), народных читален и центральных учительских библиотек. Все названные учреждения имелись, а культурно-массовые мероприятия проводились во всех губерниях района, за исключением Воронежской (здесь отсутствовали центральные учительские библиотеки). Количество пунктов с народными чтениями равнялось 536; количество чтений, проводимых в этих учреждениях, составляло 5,8 тыс. в год; количество посещений этих чтений – 550 тыс. в год. Конечно, в разных губерниях района обнаруживались колебания этих показателей, однако все они находились в прямой зависимости между собой. Больше всего посещений и мероприятий было там, где имелось большее число этих учреждений. Количество народных читален в районе было 185, а количество требований – 416 тыс. в год. Центральные учительские библиотеки, как уже было отмечено, имелись только в шести из семи губерний района в количестве 25, число требований в них составляло 13,7 тыс. в год[22].

В целом приведенные данные свидетельствуют о том, что о народных чтениях и читальнях больше заботились в тех губерниях, где народное образование было развито слабее, чем в других губерниях района; исключение в этом отношении составляла только Пензенская

губерния, значительно отставшая в деле начального образования от других губерний района.

Для характеристики уровня грамотности Северо-Западного района приведем некоторые данные о развитии в нем народного образования.

Ввиду того, что высшие и средние учебные заведения были сосредоточены исключительно в городах, для исследования уровня развития образования всего района наибольшее значение имеют начальные школы. На рубеже XIX–XX вв. состояние этого вопроса нельзя было назвать вполне удовлетворительным, хотя здесь отмечалось заметное оживление. Особенно плодотворной в этом направлении была деятельность земств. Расходы этих учреждений на народное образование заметно выросли и к началу XX в. составили в Петербургской губернии – 205 тыс. руб., в Псковской – 180 тыс. руб., в Новгородской – 170 тыс. руб. и в Олонецкой – 120 тыс. руб.[23].

Более детальную картину могут дать статистические данные о количестве начальных школ и учащихся. Общее число начальных школ всех ведомств было 34 тыс., в том числе 2,7 тыс. Министерства народного просвещения и ок. 700 – духовного ведомства; численность учащихся во всех этих школах составила св. 165 тыс. чел. обоего пола, включая 151,1 тыс. чел. в школах Министерства и почти 14 тыс. чел. – в школах духовного ведомства. Доля девочек во всех школах в среднем по району составила 27,3 %, в том числе в Петербургской губернии – 40,3 %, в Новгородской – 23,4 %, в Псковской – 20,2 % и в Олонецкой – 25,4 %.

Кроме того, следует отметить соотношение начальных школ с численностью жителей, территорией всего района и отдельных губерний. Так, одна школа в районе в среднем приходилась на 114 кв. верст и на 1,4 тыс. жителей; в отдельных губерниях это соотношение выглядело несколько иначе: в Петербургской соответственно – 27,9 кв. верст и 1,3 тыс. чел.; в Новгородской – 84,3 кв. верст и 1,1 тыс. чел.; в Псковской – 79,6 кв. верст и 2,4 тыс. чел.; в Олонецкой – 264,3 кв. верст и 863 чел.[24].

Приведенные данные дают представление о плотности школьной сети, но их наглядность несколько ослабляется преобладающим значением крупных городов района и особенно Петербурга; здесь было сосредоточено большее число учебных заведений, отчего средние показатели общерайонной плотности повышались. Ввиду того, что количество школ было тесно связано с плотностью населения, а именно прямо пропорционально последнему, сопоставим данные о развитии школьной сети с плотностью населения. Таким сопоставлением можно выделить отдельные районы, где число школ находилось в том

или ином отношении к заселенности, и выяснить, в какой степени была удовлетворена потребность населения в начальных школах.

При сопоставлении всех данных резко выделялся Череповецкий уезд, где при низкой плотности населения число школ было относительно велико. В Олонецкой губернии, на общем фоне минимальной плотности населения (менее 10 жителей на 1 кв. версту), выделялись уезды Лодейнопольский и Вытегорский, имевшие сравнительно большее число школ; особое место занимали уезды Повенецкий и Пудожский, где школы встречались очень редко (св. 1 тыс. кв. верст в первом и 450 кв. верст – во втором).

Следует также обратить внимание на пеструю картину школьной сети довольно большого района с одинаковой плотностью населения (10–30 жителей на 1 кв. версту) в юго-западных уездах Новгородской губернии и в Гдовском, Шлиссельбургском и Новоладожском – Петербургской. Здесь встречались уезды с большим числом школ, такие как Новгородский, Гдовский, и наоборот, уступавшие в этом отношении соседним уездам, например уезды Крестецкий, Портновский и Лужский[25].

Вопрос о всеобщем начальном образовании, если не о его обязательности, то по крайней мере о возможности посещать школу всем детям соответствующего возраста, неоднократно поднимался отдельными земствами. Первой в осуществлении этих начинаний шла Олонецкая губерния, в которой уже к концу XIX в. число школ соответствовало численности всех детей и подростков 7–14-летнего возраста; на последнем месте в районе находилась Псковская губерния.

Иную группировку губерний получим при обследовании состояния среднего и высшего образования в Северо-Западном районе.

Высшие учебные заведения имелись только в одной губернии района – Петербургской – в количестве 27, в том числе 22 мужских и 5 женских; в них обучалось 11,6 тыс. чел., в том числе 9,7 тыс. мужчин и 1,9 тыс. женщин. Средние учебные заведения имелись во всех губерниях района, но большинство и здесь принадлежало столичной губернии. Общее число учебных заведений в районе составляло 187, в том числе 101 мужское и 86 женских; по губерниям они распределялись так: в Петербургской было 72 мужских и 65 женских, в Новгородской – соответственно 13 и 9, в Псковской – 10 и 9, в Олонецкой – 6 и 3.

Общая численность учащихся в районе была 31,8 тыс. чел., в том числе 18,3 тыс. мужчин и 13,5 тыс. женщин; в Петербургской губернии их было больше всех – соответственно 23,9 тыс. чел., 13,6 тыс. чел., и 10,3 тыс. чел.; в Новгородской и Псковской примерно равное количество: в первой соответственно – 3,7 тыс. чел., 2,2 тыс. чел. и

1,5 тыс. чел., во второй – св. 3 тыс. чел., св. 2 тыс. чел. и св. 1 тыс. чел.; и только в Олонецкой эти показатели были минимальными – 1,2 тыс. чел., св. 600 чел. и св. 600 чел.[26].

Кроме школьного, следует упомянуть и внешкольное образование, которое на рубеже XIX–XX вв. в районе имело заметные успехи. Так, многие сельские школы устраивали для населения научно-популярные чтения, демонстрации разнообразных опытов; в столице широкую известность получила деятельность общества трезвости, открывшего ряд народных театров и проводившего образовательные и развлекательные мероприятия. Высшая школа тоже выходила за пределы своих заведений. Кроме лекций по технике, сельскому хозяйству, экономике и другим темам, большим успехом пользовались публичные курсы для широких слоев населения по истории и другим общественным наукам.

Состояние народного образования в Поволжье на рубеже XIX–XX вв. выглядело следующим образом.

Начальное образование района заметно развивалось благодаря серьезной поддержке земств, хотя и находилось еще на достаточно низком уровне. В 90-х гг. XIX в. расходы земства на народное образование в целом по району увеличились более чем в 3 раза и составили по четырем губерниям района 1,1 млн. руб. (в Астраханской губернии земских учреждений не было и начальные школы финансировались государством, частными лицами и пр.). В отдельных губерниях эти расходы были разными по объему и составляли: в Казанской – 308 тыс. руб., в Самарской – 405 тыс. руб., в Саратовской – 255 тыс. руб., в Симбирской – 112 тыс. руб.[27].

Общее число начальных школ всех ведомств в районе составляло 5,4 тыс., включая 2,6 тыс. – Министерства народного просвещения и земства, св. 2,8 тыс. духовного ведомства и 4 тыс. – других ведомств. Только в Казанской губернии их количество по пяти губерниям района значительно колебалось. Общее количество учащихся обоего пола равнялось 323,3 тыс. чел., в том числе 242,2 тыс. мальчиков и 81 тыс. девочек. В школах Министерства народного просвещения и земства обучалось 166,8 тыс. мальчиков и 62,5 тыс. девочек; в школах духовного ведомства соответственно – 75,3 тыс. мальчиков и 18,5 тыс. девочек; в школах же других ведомств – только 174 мальчика. Удельный вес девочек составлял 23 % от общего числа учащихся всех школ района, а по губерниям он также колебался: в Астраханской – 24,1 %, в Казанской – 17,2 %, в Самарской – 29,9 %, в Саратовской – 27 %, в Симбирской – 16,6 %.[28].

Одна школа во всем районе в среднем приходилась на 96 кв. верст и на 1,8 тыс. жителей; по губерниям эти показатели были разными: в

Астраханской – соответственно 590,3 кв. верст и 2,8 тыс. чел., в Казанской – 46,9 кв. верст и 1,8 тыс. чел., в Самарской – 78,6 кв. верст и 1,6 тыс. чел., в Саратовской – 55,4 кв. верст и 1,8 тыс. чел., в Симбирской – 56,9 кв. верст и 2 тыс. чел.

Из приведенных данных видно, что народное образование в районе находилось на низком уровне развития: одна школа приходилась на 96 кв. верст и на 1,8 тыс. жителей, а учащихся на 1 тыс. жителей – всего 32 чел., причем обучавшихся девочек было в 3 раза меньше, чем мальчиков. Правда, по отдельным губерниям района положение начального образования значительно отклонялось от приведенных средних цифр: по численности учащихся на 1 тыс. жителей первое место занимала Саратовская губерния (43 чел.), по плотности школ – Казанская (1 школа на 47 кв. верст), а по численности жителей на школу – Самарская (1,6 тыс.). Последнее место во всех отношениях занимала Астраханская губерния, где одна школа приходилась на 590 кв. верст и на 2,8 тыс. жителей, а учащихся – 17 чел. на 1 тыс. жителей[29]. Такое слабое развитие народного образования в Астраханской губернии объяснялось отсутствием в ней земских учреждений, на которых в других губерниях лежала главная ответственность в решении этого вопроса.

Статистические данные о числе высших и средних учебных заведений и количестве обучавшихся в Поволжском районе к началу XX в. представлены следующими показателями. Университет и институты имелись только в Казанской губернии в количестве 3 с 1,6 тыс. чел. обучавшихся только мужского пола. Общее число средних учебных заведений в районе было 71, в том числе 46 мужских и 25 женских; по губерниям они были распределены следующим образом: в Казанской соответственно – 29, 21 и 8, в Самарской – 8, 5 и 3, в Саратовской – 20, 12 и 8, в Симбирской – 8, 5 и 3, в Астраханской – 6, 3 и 3. Общая численность обучавшихся в средних учебных заведениях района была 17,4 тыс., в том числе 9,6 тыс. мужчин и 7,8 тыс. женщин; по губерниям их распределение было таким: в Казанской соответственно – 6 тыс. чел., 3,4 тыс. чел. и 2,6 тыс. чел.; в Самарской – 2,4 тыс. чел., 1,1 тыс. чел. и 1,3 тыс. чел.; в Саратовской – 5,2 тыс. чел., 2,7 тыс. чел. и 2,4 тыс. чел.; в Симбирской – 2,3 тыс. чел., 1,4 тыс. чел. и ок. 900 чел.; в Астраханской – более 1,5 тыс. чел., св. 900 чел. и св. 600 чел.[30].

Приведенные данные ясно показывают, что роль центра культуры и образования в районе в изучаемый период принадлежала Казани. Здесь были сосредоточены все высшие (университет, духовная академия и ветеринарный институт) и почти половина средних учебных заведений района. Второе место по количеству средних учебных

заведений и учащихся в них занимала Саратовская губерния, затем следовали Самарская и Симбирская, которые делили третье место, и наконец, Астраханская губерния.

Итак, грамотность и образовательный уровень населения Центральной России на рубеже XIX–XX вв. находились на довольно низком уровне. Это объяснялось прежде всего неразвитостью школьного дела, особенно начального образования. Среднее и высшее образование для широких слоев населения были малодоступными.

3.2. Развитие грамотности и образования в 1900–1917 гг.

В 1900–1917 гг. наблюдались весьма значительные различия в грамотности городского и сельского населения. Сельское население составляло преобладающую массу населения Центральной России, поэтому его уровень грамотности являлся определяющим для общей грамотности всего населения региона.

Для характеристики изменений в грамотности сельского населения имеются массовые данные (материалы подворных переписей ряда губерний), а также специальное обследование Олонецкой губернии. Эти данные о грамотности в селах относятся к населению с общей численностью ок. 10 млн. чел. (прил. 6).

В среднем в девяти указанных губерниях в 1907–1917 гг грамотных было 25,3 % от общей численности сельского населения, причем по отдельным губерниям этот показатель колебался от 14,9 % (Пензенская) до 42,3 % (Московская).

Расхождение в показателях грамотности среди мужчин и женщин к 1917 гг. несколько уменьшилось, но для сельского населения оно продолжало оставаться исключительно большим: в среднем в рассматриваемой группе губерний грамотных насчитывалось среди мужчин 40,2 %, а среди женщин – в 3,5 раза меньше – 11,5 %. Таким образом, 9/10 женщин в сельских местностях были неграмотными. Особенно резко выделялись в этом отношении Симбирская и Пензенская губернии, где доля грамотных среди женщин была примерно в 7 раз меньше, чем среди мужчин. Хотя к 1917 г. грамотность сельского населения повысилась в целом до 25 %, все же 3/4 населения деревни оставалось неграмотным.

Изменения в грамотности городского населения Центральной России в 1900-х гг. представляется возможным проанализировать с помощью ряда материалов по различным годам и периодам. За время после проведения переписи 1897 г. сплошные данные о грамотности

городского населения отсутствуют; имеются лишь материалы переписей и обследований населения отдельных городов. Чтобы попытаться ответить на вопрос, какова же была грамотность населения в первом десятилетии XX в., пришлось сгруппировать имеющиеся данные в отношении отдельных городов и проследить, какие изменения произошли в этих городах по сравнению с 1897 г. К сожалению, таких городов оказалось немного.

Наряду с Петербургом и Москвой, в которых грамотность являлась относительно высокой, грамотность городского населения типичного губернского центра – Воронежа – с 1897 по 1917 гг. увеличилась примерно на 20 %. Дополним приведенные показатели более подробными данными по обеим столицам. Показательны в этом отношении подсчеты грамотности населения Петербурга в 1890–1910 гг. Уровень грамотности женщин в течение всего периода был заметно ниже. В среднем для всего населения Петербурга в 1910 г. удельный вес грамотных составлял 70,7 % при соответствующих показателях для мужчин – 82 %, для женщин – 59,3 %. Таким образом, даже в 1910 г. ок. 1/3 петербургского населения в возрасте старше 6 лет было неграмотным.

Изменения грамотности детского населения Петербурга и Москвы были незначительными. В 1900–1902 гг. 22–23 % петербургских и московских детей в возрасте 8–11 лет было неграмотным; к 1910 г. доля их уменьшилась незначительно и составила 19,3 %. На основании сводных данных, полученных в результате разработки материалов ряда переписей населения Москвы, приводим основные показатели изменения грамотности населения «второй» столицы в 1897, 1902 и 1912 гг. – соответственно 58,8 %, 61,4 %, 68,9 %[31].

При исследовании изменений в состоянии грамотности населения Центральной России существенное значение имеют данные по отдельным группам населения.

Сопоставим массовые данные о динамике групп грамотных среди призванных на военную службу за 20 лет (1897–1917 гг.). Правда, эти показатели не являются характерными для динамики грамотности всего населения. Однако существенное значение их состоит в том, что они в целом отражают изменения в динамике грамотности мужчин в возрасте 20–24 лет. Развитие школьной сети за рассматриваемый период не могло значительно повлиять на рост грамотности населения старших возрастных групп. Внешкольным путем приобреталась грамотность лишь отдельными группами населения. Необходимо отметить, что удельный вес грамотных среди общей массы призывавшихся на военную службу был ниже, чем среди призванных. За 20 лет доля грамотных среди призванных на военную службу в губерниях Цент-

ральной России сильно повысилась, но при этом и в 1917 г. примерно 1/3 (32,2 %) из них были неграмотными[32].

Характерны также данные об удельном весе грамотных среди рабочих различных возрастных групп фабрично-заводской промышленности Москвы. Переписью 1902 г. было учтено 78,1 тыс. рабочих-мужчин и 29,7 тыс. работниц – всего 107,8 тыс. чел. Доля грамотных среди всей массы рабочих разных возрастов в среднем была 44,7 %, в том числе среди мужчин 68 %, среди женщин – 21,3 %. Среди рабочих в возрасте до 14 лет грамотных было 73,4 %, в том числе мужского пола – 89,8 %, женского пола – 56,9 %; в возрасте 15–17 лет – соответственно 61,8 %, 86,5 %, 37 %; в возрасте 18–19 лет – 55,5 %, 81,3 %, 29,8 %; в возрасте 20–24 лет – 49,1%, 74,7%, 23,4 %; в возрасте 25–29 лет – 46,4 %, 74,3 %, 18,4 %; в возрасте 30–39 лет – 38,3 %, 66,1 %, 10,5 %; в возрасте 40–49 лет – 30 %, 53,9 %, 6,1 %; в возрасте 50–59 лет – 24,4 %, 43,9 %, 4,9 %; в возрасте 60 лет и старше – 23,3 %, 41,5 %, 5,1 %[33].

При среднем удельном весе грамотных в 44,7 % этот показатель был близок у рабочих в возрасте 30–39 и 40–49 лет. Грамотность среди фабрично-заводских работниц Москвы в 1900-х гг. была очень низкой – 21,3 %. Даже в возрастных группах 18–19 и 20–24 лет она не превышала 30 %.

На основании разработки материалов обследования состава рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного в 1908 г., возможно также проследить, как по мере перехода к старшим возрастным группам резко повышался удельный вес неграмотных среди рабочих отдельных возрастных групп. При разработке материалов данного обследования рабочие были разделены на 11 возрастных групп.

На бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках было учтено 44,4 тыс. рабочих обоего пола; на фабриках по обработке шелка – 7,6 тыс. рабочих обоего пола и на механических заводах – 8,5 тыс. рабочих-мужчин.

В бумагопрядильном и ткацком производстве грамотность рабочих обоего пола в среднем составляла 38,9 %, в том числе мужчин – 64,3 % и женщин – 19,4 %; в шелкоткацком производстве соответственно – 47,7 %, 73,4 % и 21,9 %; в механическом производстве грамотность рабочих только мужского пола составляла 79,1 %.

Грамотность по возрастным группам и производствам существенно отличалась. Она составила в возрасте 12–15 лет в первой группе производств среди рабочих обоего пола 82,7 %, среди мужчин – 92,6 %, среди женщин – 72,8 %; во второй группе производств мужчин этого возраста не было, а грамотность женщин – 77,6 %, как и общий средний

показатель; в третьей группе производств рабочих мужского пола этой возрастной группы также не было.

В возрасте 15–20 лет показатели соответственно были следующими – 67,6 %, 88,8 %, 46,3 %, 69,1 %, 97,3 %, 40,8 %, 97 %; в возрасте 20–25 лет – 58,1 %, 82,4 %, 33,8 %, 60,8 %, 91,4 %, 30,2 %, 94,9 %; в возрасте 25–30 лет – 48,5 %, 78,1 %, 18,9 %, 58,6 %, 98,5 %, 18,6 %, 90,4 %; в возрасте 30–35 лет – 45,5 %, 74,4 %, 16,6 %, 47,8 %, 80,6 %, 14,9 %, 88,6 %; в возрасте 35–40 лет – 37,8 %, 65,8 %, 9,7 %, 41,8 %, 75,9 %, 7,6 %, 83,6 %; в возрасте 40–45 лет – 31,9 %, 57,9 %, 5,9 %, 37 %, 66,7 %, 7,3 %, 78,7 %; в возрасте 45–50 лет – 25,7 %, 47,4 %, 4 %, 33,3 %, 62,8 %, 3,7 %, 73,5 %; в возрасте 50–55 лет – 26,7 %, 51,3 %, 2 %, 35,1 %, 61 %, 9,1 %, 65,6 %; в возрасте 55–60 лет – 19,5 %, 36,8 %, 2,2 %, 45,8 %, 45,8 %, женщин этого возраста не было, 57,4 %; в возрасте 60 лет и старше – 16,6 %, 32,3 %, 0,9 %, 31,7 %, 54,2 %, 9,1 %, 61,5 %[34].

Отметим наиболее существенные показатели. Так, на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках грамотные составляли среди рабочих в возрасте 12–15 лет 82,7 %, а в возрасте старше 50 лет – 16,6–26,7 %. Соответствующие показатели для рабочих-мужчин – 92,6 % и 32,3–51,3 %, а для работниц – 72,8 % и 0,9–2 %. На механических заводах в возрасте 12–15 лет все были грамотными, в возрасте 15–20 лет учтено 97 %, а среди рабочих в возрасте 55 лет и старше грамотных было 59,5 %. Таким образом, колебание удельного веса грамотных среди рабочих разных возрастов, даже в пределах одной производственной группы, являлось значительным.

Материалы отдельных исследований свидетельствуют о том, что удельный вес неграмотных являлся пониженным среди потомственных рабочих. Так, на основании анализа материалов обследования рабочих московских бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик в 1908 г. подсчитаны следующие показатели. Доля грамотных среди рабочих, отцы которых работали на фабриках, составила в среднем 57,5 %, в том числе у мужчин – 80,5 %, у женщин – 34,4 %; вместе с тем, грамотность рабочих, отцы которых не работали на фабриках, определялась показателем 43,3 %, в том числе у мужчин – 66,4 %, у женщин – 20,2 %[35]. Таким образом, грамотность рабочих значительно повышалась в зависимости от участия их родителей в фабрично-заводском труде.

Анализ документов фабричной инспекции 1900-х гг. показывает, сколь незначительным была численность малолетних рабочих, имевших свидетельство об окончании курса в народных училищах. Показатели к 1917 г. свидетельствуют о слабых изменениях в этом отношении. Так, Н.В. Чехов отмечал, что большинство поступавших в начальные школы не оканчивало в них полного курса, а также приводил

следующие данные: в отношении к общему числу учившихся в Центральной России окончило курс во всех начальных городских и сельских школах только 10,2 %, а в церковно-приходских – 10,5 % детей и подростков[36].

Следующую группу соответствующих статистических материалов составляют данные фабрично-заводской промышленности и общие показатели грамотности населения Центральной России в 1917 г. Доля грамотных рабочих обоего пола по отношению к общему числу рабочих всех групп производств в среднем составила 63,7 %, в том числе мужчин – 75,3 %, женщин – 52,2 %.

По группам производств грамотность рабочих обнаруживала определенные колебания. В добыче и обработке камня, земли и глины этот показатель в среднем равнялся 65,7 %, у мужчин – 73,7%, у женщин – 58 %; в горной и горнозаводской промышленности соответственно – 58,3 %, 74 %, 42,6 %; в металлообрабатывающей промышленности – 65,7 %, 81,4 %, 50 %; в производстве машин, инструментов и аппаратов – 72,9 %, 86,7 %, 59 %; в обработке дерева – 65,5 %, 84,3 %, 46,6 %; в химической промышленности – 66,7 %, 78,7 %, 54,7 %; в производстве пищевых продуктов и напитков – 61,7 %, 75 %, 48,3 %; в кожевенной и меховой промышленности – 57,4 %, 69,7 %, 45,1 %; в производстве по обработке хлопка – 57,2 %, 76,4 %, 37,9 %; в производстве по обработке шерсти – 52,7 %, 68,2 %, 37,1 %; в производстве по обработке льна – 59,3 %, 78,3 %, 40,3 %; в производстве одежды и туалетных принадлежностей – 50,4 %, 32,6 %, 68,2 %; в обработке бумаги – 65,7 %, 78,4 %, 52,9 %; в полиграфическом производстве – 93 %, 96,6 %, 89,4 %.

В итоге по группам производств в 1917 г. грамотных оказалось среди всех рабочих 63,7 %; соответствующие показатели для мужчин-рабочих – 75,3 % и работниц – 52,2 %. При среднем удельном весе грамотных в 63,7 % пониженные показатели следует отметить для рабочих по обработке шерсти и хлопка, повышенные – для рабочих по производству машин, инструментов и аппаратов полиграфического производства. Неграмотные среди работниц текстильной промышленности составляли 60–62 %.

Значительно различались в грамотности рабочие отдельных возрастных групп Центральной России в 1917 г. Отметим следующие показатели. Почти совпадал со средним уровнем грамотных (64 %) удельный вес грамотных среди рабочих в возрасте 30–34 лет (64,8 %). В итоге по всем производствам грамотные среди рабочих в возрасте до 14 лет составляли 80,6%, а среди рабочих в возрасте 50 лет и старше –

42,3 %. Соответствующие показатели для рабочих металлообрабатывающей промышленности – 93,6 % и 62,8 %.

Показатели грамотности отдельных возрастов работниц хлопчатобумажной промышленности, в которой значительно были представлены женщины, характеризуют исключительно резкое различие доли неграмотных среди работниц отдельных возрастных групп. Так, при среднем показателе грамотных в 37,6 % для всех работниц хлопчатобумажной промышленности этот показатель повысился до 63–70 % для работниц младших возрастных групп (до 19 лет) и понизился до 5–8 % для работниц в возрасте 50 лет и старше. Даже в возрасте 25–29 лет неграмотных среди работниц хлопчатобумажной промышленности оказалось 61,4 %[37].

Несомненно, на уменьшение неграмотных среди работниц младших возрастных групп оказало влияние то обстоятельство, что происходил рост численности девочек, обучавшихся в начальных школах. Но вместе с тем необходимо отметить, что этот рост происходил медленными темпами.

О непрерывном повышении удельного веса девочек (хотя и продолжавшем оставаться на низком уровне) по отношению к общей численности учащихся в начальных школах Центральной России свидетельствуют следующие данные. В 1896 г. доля учащихся девочек составила 24,2 %, в 1906 г. – 29,2 %, в 1916 г. – 32,1 %[38]. Вместе с тем приведенные данные о сравнительно низкой доле девочек среди учащихся в 1900-х гг. в значительной степени объясняют, почему так незначительны были показатели грамотных среди работниц фабрично-заводской промышленности в изучаемый период.

Представляет интерес анализ грамотности населения Центральной России накануне Первой мировой войны. Так как в этот период отсутствовали сплошные данные о грамотности населения, то пришлось использовать для этого имеющиеся материалы о грамотности городского и сельского населения. Полученные показатели дают общее представление о произошедших сдвигах за 14–15 лет.

По данным подворных переписей, произведенных преимущественно в 1910–1917 гг., грамотных среди сельского населения оказалось 25,3 %. В этих же губерниях региона среди сельского населения в 1897 г. было учтено 17,8 % грамотных (рост по сравнению с 1897 г. на 38,2 %). Показатели грамотности среди городского населения в эти же годы увеличились примерно на 20 %. Общий удельный вес грамотности определялся в 34,8 %. Грамотность всего населения Центральной России на рубеже XIX–XX вв. составляла примерно 21,1 %, грамотность населения в 1910–1917 гг. – примерно 28,4 %. Однако данные подворных

переписей относились главным образом к 1910–1917 гг. и частично даже к 1908–1909 гг., поэтому долю грамотности для 1917 г. следует повысить примерно до 30 %, а для населения Центральной России в возрасте от 8 лет и старше она может составить 38–40 %[39].

Все эти данные свидетельствуют о том, что за 15-летний период развития региона успехи в области роста элементарной грамотности среди населения были весьма незначительными. К 1917 г. св. 60 % всего населения Центральной России в возрасте старше 8 лет были неграмотными, а грамотность среди нерусских народностей находилась на еще более низком уровне. По переписи 1911 г. только 23,8% детей в возрасте 7–14 лет обучалось в сельских начальных школах.

Значительное место в начальном образовании Центральной России занимали церковно-приходские школы, получившие дальнейшее развитие в 1900-х гг. В 1905–1917 гг. в них обучалось ок. 2 млн. детей. На увеличении количества церковно-приходских школ по особым мотивам настаивал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Он отмечал, что эти «школы, по самим условиям существующего в них обучения и надзора, представляют собой гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ, и поэтому заслуживают со стороны правительства поддержки и поощрения»[40].

Рост числа церковных начальных школ и численности учащихся в них в 1900-х гг. был весьма значительным. Если в конце XIX в. в них насчитывалось ок. 100 тыс. учащихся, в начале XX в. – ок. 200 тыс., то в 1913–1917 гг. учащихся было более 2 млн. Кроме того, в конце XIX в., как отмечал Н.В. Чехов, к числу школ духовного ведомства были причислены одним взмахом пера крестьянские школы грамоты, число которых тогда определялось несколькими тысячами.

С 1900 по 1906 гг. численность учащихся церковно-приходских школ увеличилась с 1,6 млн. до 2 млн., или на 27 %. В последующие годы численность учащихся в этой группе школ в целом оставалось стабильной. В начальных школах Министерства народного просвещения с 1906 по 1916 гг. численность учащихся увеличилась с 3,6 млн. до 5,9 млн., или на 65,2 %. Таким образом, после 1905 г. понизился удельный вес учащихся церковно-приходских школ в общей массе учащихся начальных школ. Но в эти же годы политика правительства, в частности «чистка» учителей в министерских школах, привела к тому, что отличия между церковно-приходскими и министерскими школами нередко отсутствовали.

Вследствие недостатка государственных и общественных школ сельское население вынуждено было прибегать к устройству так называемых «домашних» школ. Роль их была особенно значительной в местностях, где было мало или отсутствовали земские и церковно-приходские школы. Не располагая материалами для характеристики школ этого типа, отметим данные А.С. Пругавина, который определил численность учащихся в домашних школах в первой половине 1900-х гг. примерно в 300–400 тыс. чел.[41].

Если обратиться к материалам о продолжительности обучения в начальных школах Центральной России в 1911 г., то получится следующая картина. Всего в городах и селах лишь 11,7 % мальчиков и 8,3 % девочек учились в школе более 3 лет[20]. Как отмечал А.В. Захаров, 3-летний курс школы, призванный дать законченное начальное образование и некоторую сумму знаний, большинству учащихся давал только грамотность, умение читать и не всегда писать[42].

Возрастно-половая структура учащихся начальных школ Центральной России в 1917 г. свидетельствует о том, что преобладающая масса детей в возрасте старше 12 лет вовсе не училась в школах (прил. 7).

О необеспеченности детского населения Центральной России школами накануне Первой мировой войны можно судить по официальным данным Министерства народного просвещения в докладе «К вопросу о введении всеобщего обучения». На 1 января 1915 г. из всех детей школьного возраста училось только 51 %[43].

Особенно низкие показатели охвата детей начальной школой были среди сельского населения. Так, по данным Министерства народного просвещения в «Однодневной переписи начальных школ Российской империи, произведенной 18 января 1911 года» были опубликованы следующие итоговые показатели об изменении удельного веса учащихся в сельских начальных школах по отношению к детскому населению в возрасте 7–14 лет в 1894–1911 гг. Так, в 1894 г. доля учащихся обоего пола в среднем составляла 15,7 %, в том числе мальчиков – 25,3 %, девочек – 6,1 %; в 1911 г. соответственно – 23,8 %, 33,3 %, 14,2 %.

Таким образом, в 1911 г. лишь 23,8 % детей обучались в сельских начальных школах. Доля учащихся обоего пола увеличилась в 1,5 раза, в том числе мальчиков – в 1,3 раза, девочек – в 2,3 раза, хотя удельный вес девочек значительно отставал от удельного веса мальчиков. Доля учащихся по отношению ко всему сельскому населению Центральной России в указанный период увеличилась лишь с 1,5 % до 4,5 %[44]. Несмотря на некоторый рост численности учащихся начальных школ, все же к 1917 г. доля учащихся, особенно женского пола, продолжала оставаться на весьма низком уровне.

3.3. Численность и состав интеллигенции в 1897–1917 гг.

Важнейшей составной частью общего процесса социально-экономического развития Центральной России на рубеже XIX–XX вв. являлся рост интеллектуального потенциала региона и прежде всего расположенных здесь городов, повышение их роли в качестве культурных центров. Именно в городах были преимущественно размещены «лица свободных профессий» (интеллигенция), служащие, а также значительная часть духовенства; определенная часть их размещалась в селах.

Всех жителей региона, связанных с той или иной интеллектуальной деятельностью, можно распределить по следующим группам: представители духовенства различных конфессий, служащие местной администрации, суда, полиции, общественных и сословных организаций, частной юридической практики; работники почты, телефона и телеграфа; преподавательский состав учебных заведений; медицинские работники, деятели науки, литературы и искусства; банковские служащие, работники общественных кредитных учреждений и коммерческих организаций.

Такая группировка в целом отражает основные сферы применения интеллектуального труда на рубеже XIX–XX вв.

Социальный слой интеллигенции вбирал в себя лиц разносословного происхождения, именовавшихся «разночинцами», а также представителей городского сословия почетных граждан. К началу XX в. в Центральной России в целом «разночинцы» составляли 0,2 % всего населения; это свидетельствует о том, что сословное начало полностью доминировало в обществе. В губернских и столичных городах их было в среднем 1,5 %, в прочих городах – 0,7 %, в уездах – 0,1 %. В целом по региону почетные граждане составляли 1,2 % всего населения городов[45]. Как и другие сословия Центральной России, сословие почетных граждан состояло из множества социальных групп, характеризовавшихся разным уровнем материального положения и неоднородностью профессиональных занятий.

Служащие, куда входила часть «разночинцев» и почетных граждан, объединялись в ряд основных групп, связанных с интеллектуальной деятельностью. К началу XX в. в губернских и столичных городах Центральной России в административных и судебных органах, в полиции, на общественной и сословной службе, в юридической практике их было 38,9 %; занимались богослужением – 15,3 %, учебно-воспитательной деятельностью – 18,1 %, врачебно-санитарной деятельностью – 13,9 %, наукой, литературой и искусством – 5 %; работали на почте и телеграфе – 6,2 %, в коммерческих и кредитных учреждениях – 2,6 %.

В то же время в уездных городах региона распределение названных лиц было следующим: администрация, суд, полиция, общественная и сословная служба, юридическая практика – 40,5 %, богослужение – 38,5 %, учебно-воспитательная деятельность – 7 %, врачебно-санитарная деятельность – 8,9 %, наука, литература и искусство – 0,4 %, почтово-телеграфная служба – 4,1 %, коммерческие и кредитные учреждения – 0,6 %[46].

На первый взгляд, прослеживается парадоксальная тенденция: чем меньше город, тем выше в нем слой лиц, связанных с различными видами интеллектуальной деятельности. Эта особенность в первую очередь объяснялась весьма ограниченным применением интеллектуального труда в изучаемый период и концентрацией лиц, связанных с такого рода трудовой деятельностью, прежде всего в системе местного управления, а также в сфере отправления религиозных культов. Небольшие уездные города, отличавшиеся низкими темпами роста населения и промышленного развития, выполняли роль административно-религиозных центров прилегавших к ним территорий.

В целом можно отметить, что города Центральной России являлись местом сосредоточения относительно немногочисленных образованных кадров, которыми в тот период располагал регион. Интеллектуальный потенциал городских центров определялся более высоким уровнем грамотности населения, по сравнению с сельским, концентрацией в городах наиболее образованных социально-профессиональных групп жителей региона, а также сосредоточением в их пределах всех высших, средних и значительной части начальных учебных заведений.

Вместе с тем основными областями применения интеллектуального труда продолжали оставаться административная сфера деятельности, а также богослужения различных конфессий. Более скромным по численности был слой лиц, занятых на профессиональной основе в области образования, здравоохранения, науки и художественного творчества. Особенно отчетливо это проявлялось в небольших уездных городах, что, кстати, вполне соответствовало образу уездного захолустья, созданному русской литературой конца XIX – начала XX в.

Роль интеллектуальных центров региона играли столичные и крупные губернские города, сосредоточивавшие в своих пределах наиболее образованную часть населения Центральной России. Особенно в этом отношении выделялись города, являвшиеся университетскими центрами. Губернские города интенсивно участвовали в общероссийском культурном процессе, а сконцентрированные в них кадры интеллигенции в значительной мере обеспечивали социально-экономическое и культурное развитии региона в изучаемый период.

Подавляющее большинство представителей городской интеллигенции являлось выходцами из дворянского и духовного сословий, а также из среды чиновничества и имело статус государственных служащих.

Образованные кадры Центральной России на рубеже XIX–XX вв. интенсивно вовлекались в ряды чиновничьей элиты, в административно-хозяйственную и управленческую верхушку. Так, канцелярия Совета министров почти сплошь состояла из дипломированных чиновников, половина из них имела университетское образование. Юрисконсультская часть Министерства юстиции, считавшая себя «аристократией министерства», разрабатывала важнейшие законопроекты, составляла тексты выступлений для министров и товарищей министров. В 1905 г. С.Ю. Витте провел указ о создании Министерства торговли и промышленности, предписывая подбирать в него чиновников с высшим образованием. К 1917 г. таких было ок. 420 из 453 служащих министерства.

Большой спрос на специалистов с юридическим образованием (оно было только высшим, средних юридических школ в гражданском ведомстве не имелось) предъявляло Министерство юстиции. В судебных палатах и окружных судах к 1917 г. насчитывалось св. 7,7 тыс. чиновников и сверх того св. 1,3 тыс. штатных чиновников центральных учреждений и «состоящих при министерстве»[47]. Эта группа в подавляющем большинстве обладала высшим юридическим образованием. Руководящие должности занимали в основном дворяне, социальный состав остальных был самым разнообразным.

Некоторую часть профессиональной интеллигенции, подготовленную к обслуживанию лесного хозяйства, транспорта, связи, горной промышленности, государство непосредственно обращало в административно-технический персонал разных отраслей хозяйства. Вполне естественно, что во главе хозяйственных учреждений стояли ответственные специалисты.

Масса инженеров составляла административно-технический аппарат Министерства путей сообщения. Все путейцы считались приписанными к личному составу этого министерства, даже служившие на частных дорогах. В огромном списке его служащих в 1917 г. насчитывалось 2,8 тыс. лиц с инженерным образованием. В центральных учреждениях министерства служили 216, в различных управлениях и отделах – 200, на эксплуатации казенных железных дорог – 257, на частных железных дорогах – 203 инженера. Зато на ответственных постах по постройке и изысканиям новых железнодорожных линий, в том числе и частных, работало 164 инженера, в местных учреждениях водных и шоссейных сообщений – всего 54 инженера. Инженеры-электрики получали

работу в государственных учреждениях связи – городских и железнодорожных телеграфных центрах, в телефонной сети городов и т.п.

Вопрос использования технических специалистов частными предприятиями не нашел отражения в промышленной статистике; другие источники также очень скудны. Имеются данные о занятиях инженеров, окончивших Петербургский технологический институт. Из анкет, охвативших 65 % выпускников, видно, что далеко не все они работали на производстве, но доля таких постепенно повышалась: в 1893 г. их было 39,9 %, а в 1902 г. – 51,8 %. Доля занятых на транспорте составляла соответственно 31 и 25 %, то есть немного понизилась. Остальные служили в государственных, городских и земских учреждениях, занимали административные должности, преподавали. Ничтожно малая часть инженеров (всего 18 чел.) имела «собственное дело».

Если прежде выпускники Петербургского технологического института в основном работали в металлургической, горной, сахарной и винокуренной промышленности, то с конца XIX в. в связи с появлением новых областей индустрии, петербургские технологи стали вносить свою долю в их развитие. Из их среды вышли организаторы и руководители крупнейших предприятий нефтяной промышленности. В этой отрасли работали 158 чел. Они были заняты также в области электротехники: электрического освещения, трамвайного транспорта, электрификации заводов и т.п. Новому для Центральной России элеваторному делу посвятили себя 40 технологов. Петербургские технологи работали и в текстильной промышленности – на 43 фабриках в провинции, а также на постройке мостов, гражданских сооружений, объектов водоснабжения и канализации городов. С конца XIX в. до 1917 г. 240 из них служили фабричными инспекторами.

Имеются данные о деятельности 209 петербургских «политехников» (членов общества, окончивших Петербургский политехнический институт). Из них на производстве работали лишь 63 инженера (31 %), на транспорте – 23, в банках и кредитных учреждениях – 24 инженера-экономиста; остальные – чиновниками государственных учреждений (37 чел.), служащими частных предприятий, трестов (13 чел.) и т.п.[48].

Агрономические кадры готовились начальными сельскохозяйственными школами и средними специальными земскими училищами, субсидируемыми Департаментом земледелия. К 1917 г. существовало ок. 70 таких школ. Рост численности агрономического персонала в Центральной России и соотношение в его среде людей с высшим и средним образованием в 1909–1917 гг. были следующими. В 1909 г. на государственной службе находилось 28,4 % специалистов, на службе в общественных организациях – 71,6 %, из них с высшим образованием

было 24,5 % от общего числа, со средним – 29,5 %. В 1917 г. удельный вес госслужащих этой профессии увеличился до 32,2 %, служащих в общественных организациях понизился до 67,8 %; доля лиц с высшим и средним образованием также изменилась – она понизилась до 21,7 %. При абсолютном увеличении этого персонала почти в 3,6 раза удельный вес лиц с образовательным цензом снизился с 54 до 43,4 %: это свидетельствует о дефиците специальности. Земские агрономы были элитой «третьего элемента», то есть той части разночинной интеллигенции, которая служила в различных земских учреждениях.

Количество ветеринарных врачей в регионе трудно установить, так как разные источники дают различные сведения. Отчет Министерства просвещения за 1912 г. указывает на наличие 3,4 тыс. ветеринарных врачей и 3,8 тыс. ветеринарных фельдшеров, а «Российский медицинский список» к 1917 г. – 5,2 тыс. врачей, имевших право ветеринарной практики. Во всяком случае, их было крайне недостаточно для нужд огромного региона. По сведениям Ветеринарного комитета Министерства внутренних дел, в 1917 г. не хватало более 5 тыс. ветврачей только на государственных вакансиях, не говоря о земской и городской службах, а также в армии. К примеру, в Симбирской губернии к 1917 г. имелось всего 24 ветврача и 60 фельдшеров[49].

Перепись 1897 г. насчитала ок.17 тыс. врачей. К ним добавились кадры, выпущенные медицинскими вузами в 1900–1917 гг. По отчету главного врачебного инспектора, в 1912 г. гражданских врачей насчитывалось 22,8 тыс. чел., фельдшеров – 28,5 тыс. чел. «Российский медицинский список», официальное издание Министерства внутренних дел, удостоверявшее право практики включаемых в него врачей, на 1914 г. содержал более 42,7 тыс. фамилий, в том числе 28,2 тыс. лекарей и докторов медицины, 3,1 тыс. женщин-врачей, 5,3 тыс. провизоров и 112 магистров фармации, 5,8 тыс. зубных врачей.

В 1917 г. на 10 тыс. жителей приходилось меньше двух врачей. Преобладающее большинство частнопрактикующих врачей обслуживало состоятельные слои населения. Земские врачи совмещали почти все медицинские специальности. К началу XX в. земские врачи центральных губерний составляли ок. 1/5 части гражданских врачей. Количество земских врачебных участков росло: в 1910 г. они составляли 70 % всех участков, имевшихся в регионе. Все больше земских врачей работали в деревне. Если в городских пунктах в 1897–1917 гг. численность земских врачей выросла вдвое, то в деревне – в 10 раз; общее их количество увеличилось в 5 раз. Но все же и к 1917 г. их не хватало для обслуживания многомиллионной крестьянской России.

Расширение медицинской помощи населению требовало также интенсивной подготовки среднего медицинского персонала. При недостатке дипломированных врачей фельдшеры вели в известной мере самостоятельную работу. В 1910 г. в регионе имелось наряду с врачебными участками еще 4,6 тыс. фельдшерских пунктов, в том числе 2,7 тыс. принадлежали земству. В 1895 г. в Центральной России было 18,4 тыс. фельдшеров, к 1917 г. – 28,5 тыс., в том числе 5,8 тыс. женщин; акушерок насчитывалось до 14,2 тыс. Учебные заведения – фельдшерские и акушерские школы – выпускали в среднем в год более 1,3 тыс. фельдшеров и 2,3 тыс. акушерок разной квалификации[50]. Фельдшеры и фельдшерицы работали, как и врачи, повсюду – в земстве, в школах, на железных дорогах, на фабриках и в армии, где фельдшеров готовили из солдат, обслуживавших военные лазареты. По врачебному уставу фельдшеры являлись лишь помощниками врачей; закон требовал от них оказания медицинской помощи, но запрещал самостоятельную медицинскую практику; на деле они постоянно принимали часть больных, участвовали в борьбе с эпидемиями и т.д.

Учительские кадры также являлись массовой профессиональной группой, включавшей в себя учителей средних школ и начальных училищ.

К концу XIX в. в Центральной России работали ок. 10 тыс. учителей средних школ. Эти кадры в начале XX столетия частью сменились и дополнились новыми. Рост в регионе кадров учителей с высшим образованием в средних школах Министерства просвещения в 1900–1917 гг. иллюстрируется следующими данными: в 1900 г. в мужских гимназиях и прогимназиях служило 2,6 тыс. чел., в реальных училищах – 1 тыс. чел.; в 1906 г. соответственно – 3,2 тыс. чел., 1,5 тыс. чел., кроме того, в женских гимназиях и прогимназиях – 7 тыс. чел.; в 1917 г. соответственно – 6 тыс. чел., 3,2 тыс. чел., 11,7 тыс. чел. Эти данные следует считать несколько завышенными, учитывая совместительство многих преподавателей. В 1917 г. 3,2 тыс. преподавателей с высшим образованием работали в частных учебных заведениях первого разряда и 3,1 тыс. преподавателей общеобразовательных предметов – в коммерческих училищах, то есть в общей сложности до 27,4 тыс. чел.

Так называемые «другие предметы» в средних школах Министерства просвещения и специальные предметы в коммерческих училищах в 1917 г. преподавали еще 4,7 тыс. учителей. Кроме того, по данным 1916 г. имелось 2,9 тыс. преподавателей военных и военно-морских учебных заведений, ок. 1,3 тыс. – духовных семинарий, 1,1 тыс. – педагогических учебных заведений. О точности этих данных

судить трудно, так как иногда учитывался весь учебный персонал. Обязательным контингентом учебного персонала всех учебных заведений Центральной России были законоучители. В средних школах Министерства просвещения их было в 1917 г. 3,8 тыс., то есть ок. 13 % учебного персонала.

Несмотря на рост кадров учителей (по сравнению с концом XIX в. – более чем в 3 раза), в средних школах постоянно имелись вакантные места. Так, в мужских гимназиях и прогимназиях недоставало в 1904 г. 156, в 1906 г. – 786, в 1908 г. – 1,2 тыс. учителей[51].

Как и во многих капиталистических странах, в России на рубеже XIX–XX вв. усиливался процесс феминизации учительских кадров, причем не только начальной, но и средней школы. Окончившие женскую гимназию имели право преподавания в частных мужских и женских школах второго и третьего разрядов. Только одна классическая женская гимназия С.Н. Фишер (в Москве) давала право преподавания в четырех начальных классах мужских гимназий и во всех классах женских гимназий Министерства просвещения.

В 1901 г. женщины с высшим образованием получили право преподавания в старших классах женских гимназий со всеми служебными и пенсионными правами (последние – при наличии звания «домашней наставницы» и «учительницы»). В 1906 г. они могли уже преподавать общеобразовательные предметы в четырех начальных, а языки – во всех классах мужских средних учебных заведений, но только по найму. Министерство народного просвещения в 1911 г. предоставило женщинам право держать экзамен на диплом правительственных высших учебных заведений, получать ученые степени магистра и доктора, а также новое звание «учительницы средних учебных заведений». Это звание уравнивало их с учителями в вознаграждении и пенсионном обеспечении (с некоторыми ограничениями).

Если в конце XIX столетия в Центральных губерниях насчитывалось ок. 60 тыс. народных учителей, то к 1917 г. это количество выросло более чем вдвое. Только по ведомству Министерства просвещения в 1906 г. в сельских училищах было 69,2 тыс., в городских – 2,8 тыс. учителей; в 1917 г. соответственно 128 тыс. и 3,5 тыс. (не считая законоучителей). Но этого было крайне мало даже для нужд проекта постепенного введения всеобщего начального обучения (в основном за счет земств).

По данным переписи начальных школ от 18 января 1911 г., среди учителей было с высшим образованием – 0,5 %, со средним светским образованием – 18,5 % (окончившие женские гимназии из малоимущих слоев, которые после школы должны были искать заработок); со

средним духовным образованием – 16,5 % (окончившие духовные семинарии и епархиальные училища, причем основную массу составляли женщины, преимущественно дочери сельского духовенства); со средним педагогическим образованием – 16,5 % (выпускники учительских институтов и некоторых учительских семинарий, а среди женщин – окончившие педагогический (восьмой) класс женских гимназий); наконец, с начальным и домашним образованием – 48 % (выпускники учительских семинарий и учительских школ, в основном дети крестьян).

Эти статистические данные свидетельствуют о социальном облике народных учителей (высшее и среднее образование было у 52 % учителей, ниже среднего – у 48 %; среднее образование имели ок. 3/5 учителей). Педагогическую квалификацию имели почти 32 % учителей[54]. Большинство учителей были выходцами из крестьянства, а учительниц – из городских слоев и духовенства. Конечно, не обходилось без случайных элементов, выбрасываемых безработицей из городов.

Довольно компактной, но не менее важной профессиональной группой являлись адвокаты. Выполняемая ими функция защитников права ставила «адвокатское сословие» в ряды профессиональной интеллигенции, но российская действительность вносила свои коррективы в принципы организации этого «сословия». Адвокатов было мало (в конце XIX в. – ок. 2,9 тыс., преимущественно в столицах). Организация самоуправления адвокатуры в форме советов присяжных поверенных ограничилась столичными округами судебных палат. Но так как население Центральной России остро нуждалось в юридическом обслуживании, то правительство дало право ведения дел помощникам присяжных поверенных и даже «частным поверенным»; последним не требовалось юридическое образование, они вербовались из бывших судебных канцеляристов, писцов, приставов, то есть были «ремесленниками» судопроизводства. Поэтому при исчислении адвокатской группы интеллигенции принимать их в расчет не следует, хотя к 1917 г. они составляли ок. 1/3 всей адвокатуры (5,4 тыс. чел.). К 1917 г. в Центральной России имелось 6 тыс. присяжных поверенных и 5,8 тыс. помощников, то есть 11,8 тыс. дипломированных адвокатов. Большая часть их работала в столицах (в Петербурге – 1,9 тыс., в Москве – более 2,4 тыс.) и крупных городах (в восьми их них – св. 2,9 тыс.)[55].

Такими были численность и состав представителей интеллигенции массовых профессий. Довольно малочисленными были группы научной и творческой интеллигенции.

Научных учреждений, не связанных с высшей школой, в Центральной России было немного. В этом отношении Академия наук занимала привилегированное положение, имея базу для научной работы. К 1917 г.

Академия располагала ценнейшей научной библиотекой, имела пять лабораторий, две обсерватории – Астрономическую и Главную физическую, пять богатых музеев, в том числе музей антропологии и этнографии, зоологический музей. В ее ведении находились также Пушкинский Дом, Кавказский музей и Кавказский историко-археологический институт. Но по существу Академия была небольшим коллективом – всего 47 действительных членов, работавших по индивидуальным планам в соответствии с уставом. По новому штату 1912 г. персонал академии определялся в 152 чел., но к 1917 г. в ней было всего 109 научных работников. До 1912 г. музеи Академии довольствовались штатом из одного-двух ученых-хранителей, кабинеты и лаборатории имели по одному лаборанту.

В начале XX в. продолжали свою деятельность и возникали новые научные общества, создававшие вокруг конкретных наук атмосферу общественного интереса, способствовавшие популяризации специальных знаний. Их существование было неотъемлемым условием научной жизни региона.

Из многочисленных научных обществ при университетах следует выделить наиболее крупные (по отчету Министерства просвещения за 1900 г.): Московское общество испытателей природы (503 действительных члена), Петербургское юридическое общество (348 действительных членов и 97 членов-сотрудников), Казанское физико-математическое общество (255 действительных членов) и др. Активно работало Русское библиографическое общество при Московском университете. В 1897–1917 гг. его членами были 484 чел. Московское психологическое общество к началу 1910 г. насчитывало 210 членов. Новое философское общество при Петербургском университете, учрежденное в 1897 г., в конце 1900 г. имело 185 членов. С начала XX в. работал кружок философии права профессора Л.И. Петражицкого; в 1910 г. он имел 126 членов. Русское историческое общество, имевшее почетным председателем императора Николая II, к 1917 г. пополнилось 35 членами (к 1900 г. их было всего 40). Историческое общество при Петербургском университете в конце XIX в. имело 162 члена, а в 1917 г. – 180, в том числе несколько женщин[56].

Творческая и организационная работа по развитию научных исследований и передаче научных знаний велась в вузах. К концу XIX в. численность преподавательского персонала вузов центральных губерний России составляла ок. 3 тыс. чел. В изучаемый период учет научных сил становится сложнее. По множеству вновь возникших вузов и научных учреждений статистические данные отсутствуют или колеблются из года в год в зависимости от неизвестных современным

исследователям критериев научной квалификации. Ежегодные отчеты разных вузов дают отрывочные и часто несопоставимые сведения. Кроме того, учебные отделы пользовались разными методами учета: то выделяли высший учебный персонал, то смешивали его со средним и даже с вспомогательно-техническими кадрами.

Так, по данным за 1902 г., во всех университетах, не входивших в ведение Министерства просвещения, работало ок. 830 чел.; по данным же Министерства просвещения за 1901 г. университетский персонал достигал 1 тыс. чел. В 1905 г. Академический союз, объединявший учебный персонал высших учебных заведений и научных учреждений, насчитывал 1,6 тыс. членов, что составляло примерно 2/3 всего наличного преподавательского состава, который, таким образом, исчислялся примерно в 2,5 тыс. чел.

По мнению А.Н. Куломзина, в 1912 г. количество учебного персонала в вузах составляло 6,8 тыс. чел., в том числе 2,3 тыс. профессоров и приват-доцентов в университетах, тогда как в отчете Министерства просвещения за 1917 г. последних было всего 1,3 тыс., современные источники называют цифру 1,9 тыс.[57]. Эти данные не учитывают совместительских должностей, поэтому они, вероятно, несколько завышены.

Подсчитав и сопоставив данные нескольких источников об учебном персонале высших учебных заведений Центральной России, получим такое распределение профессорско-преподавательского состава в 1897–1917 гг. (прил. 8). Как видим, в университетах было занято более всего преподавателей. И хотя доля их несколько уменьшилась с 1897/98 учебного года к 1916/17 – с 46 % до 33,7 %, все же она преобладала в числе других вузов. За университетами шли технические вузы: доля преподавателей здесь несколько возросла и составила соответственно 19,4 % и 29,1 %; за техническими вузами следовали творческие, духовные, военные и сельскохозяйственные – со значительно меньшим удельным весом учебного персонала; прочие учебные заведения занимали последние места.

Анализ данных о социально-сословном составе профессорско-преподавательского контингента двух групп учебных заведений – университетов и вузов Министерства народного просвещения, а также технических институтов, училищ, политехникумов к 1917 г. – дают следующую картину. Потомственные дворяне преобладали в обеих группах – соответственно 33,4 % и 26,4 %. Личные дворяне, чиновники и офицеры были представлены примерно поровну в той и другой группах. Доля выходцев из духовенства резко контрастировала: в университетах она составляла значительно большую массу препо-

давателей, чем в технических институтах, – 16,2 % и 4,8 %. Вместе с тем мещане и цеховые (более 1/5 части всего персонала) служили в технических вузах и менее 10 % – в университетах. Представители прочих сословий составляли ничтожно малую часть среди преподавателей названных групп учебных заведений.

Вопрос о социальном составе научной интеллигенции Центральной России в исследуемый период в значительной мере утрачивал прежнее значение. Для тех, у кого выбор специальности сочетался с наличием глубоких научных интересов, со способностью к самоотверженному труду, особенности социального происхождения в значительной мере нивелировались. Однако представляется важным, что различия в жизненных путях молодых ученых еще сохранялись. Для первых поколений интеллигенции, пробивавшихся к интеллектуальному труду из неимущих общественных слоев, профессия ученого, требовавшая большого напряжения сил, была трудна и почти недоступна; вторым и дальнейшим поколениям интеллигенции путь в науку был значительно облегчен и давал возможность для раскрытия их талантов и способностей.

Кадры преподавателей вузов готовились путем подготовки способных выпускников к профессорскому званию и защите диссертации. По всем университетам региона таких лиц, включая не окончивших срок, было: в 1906 г. – 206, в 1907 г. – 231, в 1911 г. – 353, в 1917 г. – 465. По их количеству на первом месте стоял Петербургский университет, затем Московский: к 1917 г. за ними числилось 83,4 % всех выпускников. При технических вузах Министерства просвещения числилось: в 1907 г. – 9, в 1911 г. – 27, в 1917 г. – 9 выпускников. Московский коммерческий институт имел в 1917 г. 7 таких лиц. Военно-медицинская академия ежегодно оставляла для подготовки к званию профессора 10 врачей по конкурсу, в котором могли участвовать все слушатели, окончившие курс «с отличием»[58].

К литературным работникам в Центральной России надо причислить не только писателей разных жанров – драматургов, поэтов, публицистов, критиков, литературоведов, переводчиков и т.д., но и многочисленных, часто безымянных, специалистов журнального, газетного и издательского дела – редакторов, обозревателей, рецензентов, библиографов и т.п.

О численности в регионе в изучаемый период литераторов можно судить по составу альманахов и сборников, широко распространившихся с начала XX в. Выпуск альманахов далеко превзошел их среднегодовое число конца XIX в.: если к 1900 г. вышло 973 названия, то в 1900–1917 гг. – 1,1 тыс. названий. Подсчет участников литературных сборников дает довольно полное представление о кадрах художествен-

ной литературы этого времени. Так, в 1900–1911 гг. в 556 альманахах участвовали 3,6 тыс. авторов, в 1912–1917 гг. – 3,4 тыс. авторов. Среди них находим знаменитых писателей и поэтов, начинающих и безвестных, пробующих силы в печати.

Контингент писателей-публицистов разных специальностей может быть отчасти выяснен по содержанию журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир божий», «Образование» и др. В 1896–1905 гг. в указанных журналах были опубликованы статьи 1,9 тыс. публицистов, литературных критиков и других специалистов; в 1906–1910 гг. – 687 авторов. Многие имена повторялись, но можно считать, что общее число авторов приближалось к 2,5 тыс. Эти подсчеты показывают, что работники пера составляли значительную профессиональную группу.

В журналах либерального и буржуазно-демократического направлений, привлекавших массу подписчиков, обычно сосредоточивались наиболее квалифицированные и многочисленные литературные кадры. Так, в «Русском богатстве» в 1893–1911 гг. сотрудничало св. 880 авторов. При этом значительно возросло число авторов публицистических и научных статей (до 400). В «Мире божьем» в 1892–1901 гг. участвовало св. 450 авторов, а в следующее пятилетие – до 280. В либеральном журнале «Русская мысль» в 1900–1904 гг. печаталось 460 авторов. В биографическом списке сотрудников либеральной газеты «Русские ведомости», составленном к 1917 г., находим св. 430 авторов.

В мире литературного труда было закономерно, что отвечавшие запросам широких кругов органы печати набирали большие тиражи и имели обильные авторские ресурсы. Журналы замкнутых элитарных направлений, субсидируемые своими сторонниками, подписчиков имели мало и ограничивались самыми узкими авторскими коллективами. Так, журнал символистов «Весы» (1905–1917 гг.) в лучшие времена (1908 г.) набрал всего 1,7 тыс. подписчиков, а его авторы, выдающиеся писатели и поэты, скрывали свою малочисленность за множеством псевдонимов.

Материальные условия литераторов улучшались в связи с ростом массы читателей, их образовательного уровня, расширением рынка литературной продукции. Реализовывалась возможность не только безбедного существования на литературный заработок, но и быстрого выдвижения и признания талантов. Однако сотрудники провинциальной периодической печати вследствие административных гонений, закрытия газет, редакционных конфликтов имели весьма низкий заработок, а 75% из них к 1917 г. не имели постоянного заработка и жили только на гонорары.

В XX в. появилось множество писательских кружков, широко отражавших борьбу разнообразных философских, эстетических, этических позиций, исканий и вкусов своего времени. Литературные кружки и собрания прочно входили в быт, привлекая различные группы интеллигенции, превращаясь в подобие общественных клубов. Наиболее известным стал Московский литературно-художественный кружок, учрежденный в 1898 г.; в 1901 г. он имел 234 действительных члена (в том числе 86 учредителей). Члены кружка делились на основную группу (почетных членов, действительных и кандидатов в действительные) и членов-соревнователей из богатых предпринимателей; они не пользовались правом голоса, но приносили кружку необходимые средства. К марту 1916 г. кружок объединял 790 чел. Почти половина основной группы – 226 из 464 чел. – состояла из литераторов, ученых, журналистов.

Основанное еще во второй половине XIX в. Общество русских драматических писателей (позже к нему присоединились оперные композиторы) к 1917 г. насчитывало 1,2 тыс. членов – авторов, композиторов, либреттистов, переводчиков, включая 334 наследника умерших членов. В начале XX столетия из общества выделился Союз драматических и музыкальных писателей; с 1906 по 1910 гг. Союз увеличил численность своих членов с 228 до 508.

Иной характер имел Литературный фонд, основанный еще в конце XIX в. Это была общественно-благотворительная организация, собиравшая и распределявшая средства для помощи нуждающимся литераторам и ученым. Однако численность членов фонда значительно снизилась: в 1893 г. их было 781, к 1917 г. – 440, причем остались почти одни петербуржцы.

Говоря об организациях, выступавших за свободу печати, следует упомянуть Союз русских писателей, основанный в конце 1896 г. в форме разрешенного законом Общества взаимопомощи при Русском литературном обществе. С 1896 по 1900 гг. численность его членов выросла вдвое: с 246 до 482. Среди них были не только писатели, но и профессора, адвокаты, педагоги. На выборных постах союза находилась элита буржуазно-демократической и либерально-народнической интеллигенции.

События 1905 г. резко размежевали либеральное и революционно-демократическое направления в мире работников литературы. Политические противоречия привели к выделению из Союза российских писателей, созданного в 1905 г., более радикального Союза журналистов. Начало Союзу писателей было положено на съезде 150 столичных и провинциальных журналистов в Петербурге в марте 1905 г.

Однако журналисты социал-демократы (31 чел.) покинули съезд и создали Союз журналистов-марксистов.

Идейные разногласия еще ярче обнаружились на съезде в апреле 1905 г. в Петербурге, где был основан Союз писателей. На съезде были 110 представителей газетных и журнальных редакций и литературных организаций и 30 приглашенных деятелей. Как сообщалось в информации «От бюро Союза российских писателей», 74 делегата апрельского съезда (из 110) образовали Союз российских писателей на основе принятой политической платформы. Центральное бюро Союза из 10 членов и 5 кандидатов состояло почти сплошь (за исключением трех членов из провинции) из влиятельных петербургских журналистов – либеральных народников и кадетов, которые должны были представлять Союз писателей в Союзе союзов. Однако 27 членов съезда отказались от вступления в Союз российских писателей. По инициативе петербургских журналистов сразу после съезда началась подготовка Союза сотрудников периодических изданий, стоявшего на более демократических позициях[59].

Определить, хотя бы и очень приближенно, численность работников изобразительных искусств в Центральной России довольно сложно. Не поддаются учету ни мастера народного творчества, ни художники-любители. Можно использовать только один признак – наличие профессионального звания, обычно соединенного с соответствующим обучением, хотя условность его очевидна; за его пределами остается гораздо больше не имевших звания, не окончивших обучения и самоучек. На основе данных С.Н. Кондакова в 1894–1917 гг. звание художника получили: живописцы – 272 мужчины и 23 женщины, скульпторы и медальеры – 26 мужчин и 4 женщины, архитекторы – 255 (только мужчины), всего – 553 мужчины и 27 женщин. Среди них – значительное количество выпускников Московского училища живописи, ваяния и зодчества, которое по уставу 1896 г. получило право самостоятельно присуждать звание художника. Только в 1909–1917 гг. училище выпустило: живописцев – 81 мужчину и 4 женщины, скульпторов – 4 мужчины и 2 женщины.

Имеются также сведения о лицах, бесспорно принадлежавших к художественным профессиям, но формально не имевших званий. К ним относились многие выдающиеся деятели искусства. К 1917 г. они составляли: живописцы – 76 мужчин и 7 женщин, скульпторы – 6 мужчин, архитекторы – 7 мужчин. Включая их в общие итоги, суммируем: живописцы – 348 мужчин и 30 женщин, скульпторы – 32 мужчины и 4 женщины, архитекторы – 262 мужчины, итого – 642 мужчины и 34 женщины. Художников, имевших звание академика, можно выде-

лить особо. Некоторые из них получили это звание без предварительных ступеней. К 1917 г. их насчитывалось: живописцы – 191 чел., скульпторы – 32 чел., архитекторы – 137 чел., всего – 360 чел.

Как уже отмечалось, художников было мало в Центральной России. Но далеко не все труженики этой профессии могли найти себе творческую работу. Художники-педагоги, работавшие в художественных училищах, исчислялись немногими десятками. По штатам Академии художеств, в 1902–1917 гг. профессоров и преподавателей насчитывалось 17–22 чел.[59]. Широким спросом пользовались учителя рисования. Основную массу учителей готовили художественные училища в Казани, Пензе и столичные училища технического рисования бар. А.Л. Штиглица и Строгановское.

На рубеже XIX–XX столетий возникли и действовали различные творческие объединения художников. К концу XIX в. из 60 членов Товарищества художников передвижных выставок в нем оставалось 42 чел. В 1900–1917 гг. периодические выставки устраивало Московское общество любителей художеств; численность его членов колебалась от 36 до 40 чел. На рубеже XIX–XX вв. насчитывалось ок. 55 художников-профессионалов театрально-декоративного искусства. Новая эпоха в развитии декоративной живописи началась с деятельности Мамонтовского кружка художников, Мамонтовской частной оперы и Московского Художественного театра.

На I съезде русских зодчих в Петербурге в декабре 1892 г. присутствовали 219 членов и 44 делегата от 40 учреждений преимущественно столичных архитекторов и инженеров-строителей. На II съезде в Москве в феврале 1895 г. было 363 члена и 123 делегата от 66 учреждений. На V съезде в Москве в декабре 1913 г. присутствовало 618 чел. Съезды носили деловой характер; поднимались вопросы строительной техники, строительного законодательства, обсуждалось также отношение к памятникам древнего зодчества, истории и т.п. II Всероссийский съезд художников и любителей состоялся в Петербурге в декабре 1911 – январе 1912 г. В нем участвовало 1,2 тыс. чел., среди них – представители 77 учреждений и организаций (в том числе – 30 организаций художников)[60]. Среди прочих вопросов съезд утвердил Устав Всероссийского союза взаимопомощи и взаимозащиты русских художников.

При выяснении вопроса о численности профессиональных актеров в Центральной России речь может идти лишь о некоторых примерных подсчетах, потому что их учета не велось. Списки, составлявшиеся Российским театральным обществом, носили случайный служебный характер, а «Словарь современных деятелей сцены», выпускавшийся

журналом «Театр и искусство», был далеко не полным и вскоре его прекратили издавать.

Во всех императорских театрах Петербурга и Москвы в сезон 1891/ 92 г. работали 1,2 тыс. чел., в том числе в драматических труппах – 192 чел., в оперных – 333 чел., из них солистов – 84 чел., артистов хора – 249 чел., в балетных труппах – 349 чел., оркестровых музыкантов – 361 чел.; в сезон 1911/12 г. – соответственно 1,1 тыс. чел., 167 чел., 341 чел., 122 чел., 219 чел., 341 чел., 265 чел. Как видим, за десятилетие почти все показатели несколько снизились, за исключением количества солистов оперных театров; кроме того, основную массу составляли оркестранты, балет и хор в оперных труппах, 20–25 % – драматические актеры и певцы оперных трупп. В балете преобладали женщины, в оркестре были только мужчины (кроме арфисток).

Подготовкой музыкальных кадров в системе Русского музыкального общества занимались местные отделения, консерватории, музыкальные училища и музыкальные школы. Существовало также немало хороших частных курсов. Выпускники консерваторий увеличивали количество музыкально-вокальных кадров, способствовали основанию местных отделений Российского музыкального общества (РМО) и музыкальных училищ в Казани, Калуге, Тамбове и других городах. Численность студентов консерваторий непрерывно росла. В Петербурге в 1897/98 учебном году их было 620 чел., в 1907/08 учебном году – 1,4 тыс., к 1917 г. – 2,5 тыс. чел. В Москве в 1890/91 учебном году их было 386 чел., в 1904/05 учебном году – 626 чел. Петербургская консерватория до 1912 г. выпустила 2 тыс. музыкантов (в том числе 1,4 тыс. с дипломами), а всего до 1917 г. – ок. 2,5 тыс. Московскую консерваторию к 1900 г. окончили 500 чел., из них 139 с медалью (больше всего было пианистов). Только в 1906– 1907 гг. профессора подготовили ок. 227 пианистов; в то же время были выпущены 46 скрипачей, 11 виолончелистов, 7 арфисток; по классу духовых инструментов – 59, по теоретическому отделению – 16 чел. К 1917 г. Московская консерватория выпустила 52 «свободных художника» и 46 педагогов (преимущественно женщин)[61].

Такова была профессиональная структура «лиц свободных профессий» (интеллигенции), численность ее отдельных групп. Профессиональные группы интеллигенции, вырастая количественно, постепенно превращались в массовые кадры. Масштаб этой массовости не совпадает с нынешними критериями, но для своей эпохи работа этих кадров имела огромное значение, становилась необходимой частью развивавшейся материальной и духовной культуры Центральной России, делая ее доступной для все более широких социальных слоев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ численности и состава населения в 1897–1917 гг. позволил сделать следующие наблюдения и выводы. Будучи крупнейшим в стране, регион Центральной России являлся своеобразным срезом российского государства и общества. Его существенной особенностью был пестрый национальный и конфессиональный состав.

Приведенные данные убеждают в том, что православное население региона доминировало и составляло 3/4 всего населения. К 1917 г. население Центральной России отличалось полиэтничностью с преобладанием русского православного этноса, абсолютные и относительные показатели которого увеличились в первое десятилетие XX в. Район Поволжья, а особенно Казанская и Астраханская губернии, отличался наибольшей национально-конфессиональной неоднородностью. В изучаемый период продолжались и углублялись процессы взаимодействия и взаимопроникновения национально-этнических общностей и конфессий.

В 1897–1917 гг. наблюдались весьма значительные различия в грамотности городского и сельского населения. Сельское население составляло преобладающую массу населения Центральной России, поэтому его уровень грамотности являлся определяющим для общей грамотности всего населения региона.

Таким образом, в данной монографии дается общая картина национально-этнической и конфессиональной структуры, а также грамотности населения Центральной России в 1897–1917 гг. Представленные данные, выводы и наблюдения позволяют получить обширную информацию о составе населения по нациям, народностям, конфессиям, уровню грамотности и образования и таким образом углубить наши представления о крупнейшем регионе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. См.: Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863–1886. Т.1–6; Он же. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России: Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1890. Вып.1; Он же. Характерные выводы из Первой всеобщей переписи//Известия Русского географического общества. СПб., 1897–1898. Т.33; Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910; Он же. Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1911; Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899–1902. Т.1, 2, 3, 6.

2. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России //Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг., 1916; Он же. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929; Он же. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978; Он же. Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958; Он же. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916; Он же. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России. СПб., 1914; Он же. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России //Общественный врач. 1911. №4; Он же. Война и естественное движение населения //Общественный врач. 1915. №1; Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910–1911, 1920 и 1923 гг. //Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. Вып.6; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929; Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756–1918 гг.). М., 1947; Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика: Избранные произведения. М., 1974; Бинштok Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери России// Медицинская и демографическая статистика. М., 1968; Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М., 1902; Он же. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг. М., 1902; Он же. Смертность и рождаемость в капиталистических государствах Европы. М., 1938; Он же. Смертность грудных детей: Статистический очерк. М., 1925; Он же. Санитарно-статистические таблицы: Объяснительный текст и числовые сведения. М., 1910; Чупров А.И. Статистика народонаселения. М.,

1910; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год (включительно). СПб., 1910; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 во 1914 гг. (включительно). Пг., 1916; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России: Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; Квиткин О.А. Население городов в Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 года// Бюллетень ЦСУ. 1923. №77; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930 и др.

3. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956; Писарев И.Ю. Народонаселение СССР: Социально-экономический очерк. М., 1962; Он же. Население и труд в СССР. М., 1966; Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; Он же. Статистика населения. М., 1971; Он же. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. М., 1960; Он же. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Он же. Избранное. М., 1985; Он же. Народонаселение: Исследования, публицистика. М., 1976; Он же. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг.// История СССР. 1957. №1 и др.

4. Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989.

5. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978; Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998; Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Миграции населения в России в XVII – начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. Вып.2; Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII –начале XX в. (1795–1917 гг.)// История СССР. 1979. №3; Он же. Естественный прирост, миграция и рост населения Европы и Российской империи в XVIII – начале XX века// Отечественная история. 2001. №5; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения

России// Советская этнография. 1980. №6; Они же. Динамика и расселение русского этноса (1678–1917 гг.) //Советская этнография. 1982. №4; Они же. Миграция населения в России в XVIII – начале XX века// Численность, структура, география// История СССР. 1984. №4; Они же. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (Конец XIX в. – 1917 г.)// История СССР. 1980. №3 и др.

6. Миронов Б.Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX – начала XX в.// Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972; Он же. Социальное расслоение русского крестьянства под утлом зрения социальной мобильности //Проблемы аграрной истории (XIX в. – 30-е годы XX в.). Минск, 1978. Ч.2; Он же. Грамотность в России 1797–1917 годов// История СССР. 1985. №4; Он же. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X–XX вв.// Студиа Хуманистика. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996; Он же. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т.1–2; Он же. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века// Отечественная история. 2002. №2.

7. Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983; Он же. Историческая демография. М., 1987; Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. //Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979 и др.

8. Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения. М., 1990.

9. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Он же. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986; Он же. Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. М., 1995; Он же. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999; Он же. Гражданская война: Начало и эскалация// Гражданская война в России: Перекресток мнений. М.,1994; Он же. Гражданская война: Взгляд сквозь годы //Там же; Он же. Поиски новых подходов в изучении истории гражданской войны в России// Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994; Он же. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) //Вопросы истории. 1995. №3; Он же. «Воскресить минувший век во всей его истине»// Свободная мысль. 1999. №6; Он же. Двадцатый век в череде столетий// Новая и новейшая история. 1999. №5; Он же. Человек в повседневности (исторические аспекты)// Отечественная история. 2000. №3; Он же. Глава V. Население России в

годы Гражданской войны. Демографические последствия голода 1921–1922 гг.// Население России в XX веке. М., 2000. Т.1; Он же (в соавторстве). Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996;. Он же (в соавторстве). Население России в XX веке// Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. №2; Он же (в соавторстве). Численность и национальный состав населения России в 1917 г. //Вопросы истории. 1980. №6 и др.

10. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988; Она же. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996; Она же (в соавторстве). Полвека под грифом «секретно» ...; Она же. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001; Она же. Демографическая дифференциация и социально-имущественное расслоение российского крестьянства в 1920–е годы// Народонаселение: Современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997; Она же. Занятия населения Москвы в 1900–1920-е годы// Проблемы региональной истории России. Липецк, 1997. Ч.II; Она же. Особенности демографического развития народов России в 20-е годы XX века //Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999; Она же. Глава VII. Население России в 1920-е годы: Демографическая характеристика, демографические процессы //Население России в XX веке ... Т.1; Она же. Глава XVII. Население России в 1930-е годы: Демографическая характеристика// Там же и др.

11. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Она же. Новые источники по учету населения в СССР// Население России и СССР: Новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993; Она же. Крестьянская семья в 1920– 1950-е гг.// Население России в 20–50-е гг. М., 1994; Она же. Эволюция крестьянской семьи в России за 60 лет (1897–1959 гг.) //Дискуссионные вопросы Российской истории: Материалы Третьей научно-практической конференции. Арзамас, 1998; Она же (в соавторстве). Глава III. Крестьянская семья в 1897–1917 гг.// Население России в XX веке ... Т.1; Араловец Н.А. Заболеваемость и смертность городского населения России, конец XIX в. – 1920-е годы // Народонаселение: Современное состояние и перспективы развития научного знания ...; Она же. Городская семья в России, конец XIX – начало XX века: Тип, размер, особенности смертности// Дискуссионные вопросы Российской истории: Материалы Третьей научно-практической конференции ...; Она же. Межнациональные браки в России в 1920-е годы// Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений ...; Она же. Разводимость городского населения РСФСР в 1920-е гг.//

Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте Российской и мировой истории XIX–XX вв. Новосибирск, 1999; Она же. Глава II. Городская семья в конце XIX – начале XX века // Население России в XX веке ... Т.1; Она же. Глава VIII. Городская семья, 1914–1930 гг. // Там же; Она же. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Семья в ракурсе социальных знаний: Сборник научных статей. Барнаул, 2001 и др.

12. Сенявский А.С. Российский город в 1960–80-е годы. М., 1995; Он же. Роль урбанизации в российском историческом процессе //История России, XX век. М., 1996. Гл. 5; Он же. Российская урбанизация: Универсальные закономерности и национальная специфика // История. 1997. №24; Он же. Российская урбанизация: Социально-демографические процессы и развитие городов// История. 1997. №27; Он же. Российская урбанизация: Урбанизация и тоталитаризм// История. 1997. №28; Он же. Урбанизация и демографические процессы в Российской Федерации (1960–1980-е гг.) //История. 1998. №4; Он же. Российская урбанизация: Некоторые историко-методологические проблемы// Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999; Он же. Особенности российской урбанизации // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000; Минаев В.В. (в соавторстве). Демографическое развитие СССР в период социализма //Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. Разд.II. Гл.1. С.91–109; Он же. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы Гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) //Новый исторический вестник: Научный журнал (СПб). 2001. № 1 и др.

13. Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья (1945–1965 гг.). Самара, 1996; Он же. Работники промышленности Поволжья: Демографический состав, образовательный и профессиональный уровень, 1946–1965 гг. Самара, 1999.

14. Население России в XX веке. М., 2000. Т.1.

15. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001; Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР. М., 1993.

16. См., например: Россия в конце XIX века. СПб., 1900; Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни. М., 1896; Дедюлин С.А. К вопросу о причинах физического вырождения русского народа (Составлено по отчетам Государственного Контроля в диаграммах и таблицах): Доклад высочайше утвержденному Обществу для содействия русской промышленности и торговли 25 марта 1899 г. СПб., 1900; Поленов А.Д. Исследование экономического положения

Центрально-Черноземных губерний: Труды особого совещания. М., 1901; Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910; Карышев Н. Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб., 1897; Кауфман А.А. Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910: Винер В.В. Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства. СПб., 1908; Рихтер Д.И. Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам. СПб., 1898; Он же. Попытки разделения России на районы по естественно-историческим и экономическим признакам. СПб., 1904; Скворцов А.И. Хозяйственные районы Европейской России. СПб., 1914. Вып.1; Бажаев В.Г. К вопросу о хозяйственных районах. Киев, 1915; Воейков А.И. Распределение населения и земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1909. Вып.1; Вихляев П.А. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901; Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг., 1923; Прокопович С. Война и народное хозяйство. М., 1918; Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории: Краткий очерк экономической истории России. Пг., 1919 и др.

17. См.: Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966; Он же. Статистика и экономика. М., 1979; Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. М., 1950; Он же. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963; Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951; Немчинов В.С. Избранные произведения. М., 1967; Яцунский В.К. Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны// Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; Он же. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв.: Избранные труды. М., 1973; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1–2; Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955; Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960; Он же. Народный доход России и СССР: История, методология исчисления, динамика. М., 1969; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века: Опыт количественного анализа. М., 1974; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства в эпоху капитализма: Источники и методы исследования. М., 1988; Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков: Опыт многомерного количественного анализа// История СССР. 1979. №1: Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века: Источники и методы изучения. М., 1996; Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. М., 1984; Он же. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России, 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985; Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958; Он же. Советская историография российского империализма. М., 1964; Он же. Социально-экономическая история России начала XX в.: Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990; Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. М., 1999. Кн.1–2 и др.

18. См.: Любимов С.В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи, 1777–1910. СПб., 1911; Милорадович Г.А. Списки губернских предводителей дворянства Российской империи, 1785–1895. Чернигов, 1895; Васильевич С. Титулованные роды Российской империи. СПб., 1910. Т.1–2; Лукомский В., Тройницкий С. Списки лицам, высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской империи и Царства Польского. СПб., 1911; Трегубов М.И. Алфавитные списки дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905; Савелов Л.М. Воронежское дворянство: Случайные заметки любителя-генеалога. М., 1895–1896. Вып.1–2; Виноградов А.И. Московское дворянство: Справочник по учреждениям Московского дворянства. М., 1914; Зеленецкий М.А. Исторический сборник о нижегородских губернских предводителях дворянства, 1785–1896. Н. Новгород, 1902; Ребровский Н.Д. Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. Н.Новгород, 1902; Голицын П.П. Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1-е января 1910 г., с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства 1767 года. Новгород, 1910; Акулов Н.И. Список гг. предводителей дворянства Псковской губернии. Псков, 1916; Лихарев М.П. Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е января

1893 года. Рязань, 1893; Он же. Дополнительный алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1 янв. 1893 г. по 1 янв. 1901 г. с приложением списка гг. губернского и уездных предводителей и секретарей дворянства, бывших в XVIII и XIX столетиях. Рязань, 1901; Поливанов В.Н. Материалы к истории симбирского дворянства, 1871–1909. Изд. 2-е, доп. Симбирск, 1909; Норцов А.Н. Материалы для истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства. Тамбов, 1902. Т.1; Чернопятов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1908–1912. Т.1 (10)–12(21); Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1909–1916. Вып.1–5, 7–9; Тихвинский П.А. Список гг. губернских и уездных предводителей и депутатов дворянства Ярославской губернии. Ярославль, 1898; Карнович Е.П. Русское чиновничество в былое и настоящее время. СПб., 1897; Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженных сил. СПб., 1892; Режепо П.А. Офицерский вопрос. СПб., 1909; Он же. Статистика генералов. СПб.,1903; Он же. Статистика полковников. СПб., 1905; Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912; Он же. Российское дворянство в цифрах: Из этюдов о чистой публике //Трудовой путь. 1907. №11–12; Он же. Много ли в России чиновников?/Вестник Европы. 1910. №1; Он же. Военная бюрократия в цифрах: Статистика генералов и адмиралов //Русская мысль. 1907. №1; Он же. Архив государственной мудрости или злачное место, идеже государственные руки зимуют: Опыт статистического исследования Государственного совета по официальным данным. СПб., 1906 и др.

19. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; Он же. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. М., 1971. Т.87; Он же. Дворянство и торгово-промышленное предпринимательство в пореформенной России (1861–1904 гг.) //Исторические записки. М., 1978. Т.102; Буганов В.И. Российское дворянство// Вопросы истории. 1994. №1; Дубенцов Б.Б. Попытка преобразования государственной службы в конце XIX в.: Из практики Министерства финансов// Проблемы Отечественной истории. М.; Л., 1976. Ч.1; Он же. Численность российского чиновничества в конце XIX – начале XX в.// Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура. СПб., 1994; Он же. Высшее чиновничество России в конце XIX – начале XX в.// Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века: Сборник научных трудов. М., 1988; Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция

высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в.: Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999; Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции// Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; Он же. Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М., 1973; Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903 гг. М., 1973; Он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Он же. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988; Шацилло К.Ф. Россия перед Первой мировой войной: Вооруженные силы царизма в 1906–1914 гг. М., 1974; Шепелев Л.Е. Отмененные историей... Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977; Он же. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991; Он же. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993 и др.

20. См., например: Заломанов Н.П. Дворянское землевладение и меры к его сохранению и развитию: Историческая справка. М., 1900; Дроздов И.Г. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его мобилизации. Пг., 1917; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России от реформы до революции (1861–1917): Материалы и комментарии. Курск, 1927 и др.

21. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969; Он же. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962; Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX века. М., 1971; Кочешков Г.Н. Российские землевладельцы в 1917 году. Ярославль, 1994; Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX в.// История СССР. 1973. №1 и др.

22. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.

23. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Вып.1; Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей в Российской империи. СПб., 1900; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908 и др.

24. См.: Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): Критические очерки. М., 1967; Русское православие: Вехи истории. М., 1989; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984; Он же. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX в. М., 1999; Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

25. Загряцков М.Д. Земская служба и третий элемент. Пг., 1914; Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912; Паначин Ф.Г. Учительство и революционное движение в России, XIX – начало XX в.: Историко-педагогические очерки. М., 1986; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983; Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861– 1917 гг.). М., 1982 и др.

26. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973 и др.

27. См. например: 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М., 1995; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. Т.1–2; Бохонов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992; Он же. Деловая элита России, 1914 г. М., 1994; Он же. Предпринимательская элита России в начале XX века// Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века. М., 1988; Он же. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX в. (Численность, структура, состав владельцев) //История СССР. 1990. №4 и др.

28. Иванов И.М. Русские кустари. СПб., 1902; Голицын Ф.С. Значение кустарных промыслов в России. СПб., 1905; Он же. Кустарное дело в России. СПб., 1904–1913; Полферов Я.Я. Кустарная промышленность в России: Опыт экономических обследований. СПб., 1913; Денисюк Н. Кустарная Россия. Пг., 1918; Пономарев Н.В. Подсобные к земледелию промыслы и производства: Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903; Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913; Он же. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922; Он же. Мелкая промышленность России: Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923; Он же. Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства. М., 1926 и др.

29. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995.

30. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Л., 1924–1925. Т.2–3; Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897; Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб., 1906; Прокопович С.Н. К рабочему вопросу. СПб., 1906; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1922; Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938; Рабочий класс в России от зарождения до начала XX века. М., 1989; История рабочего класса СССР: Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981; История рабочего класса СССР: Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 г. М., 1982; Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России... ; Антонова С.И. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменение в составе рабочего класса. М., 1951; Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940; Он же. Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (Конец XIX – начало XX в.). М., 1979; Он же. Рабочие в России на рубеже XIX–XX веков// Отечественная история. 1997. №4; Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1976; Она же. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л.,1981; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России, 1910–1914 гг. М., 1987; Она же. Промышленный центр России, 1907–1914 гг.: Статистико-экономическое исследование. М., 1995; Пушкарева И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; Она же. Рабочее движение в России в период реакции, 1907–1910 гг. М., 1989 и др.

31. См.: Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи, 1880–1913: Поуездные итоги. М., 1926; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Анфимов А.М. Россиская деревня в годы Первой мировой войны... ; Он же. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М., 1980; Он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М., 1984; Он же. Новые собственники: Из итогов столыпинской аграрной реформы// Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996;

Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) //История СССР. 1980. №4; Качоровский К.Р. Русская община: Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1906. Т.1; Лосицкий А.Е. Распадение общины: Распадение общины до указа 9 ноября 1906 г. Укрепление наделов в личную собственность. Выходы на хутора и отруба. СПб., 1912; Он же. К вопросу об изучении степени и форм распадения общины. М., 1916; Никольский А. Земля, община и труд: Особенности крестьянского правопорядка. СПб., 1902; Огановский Н.П. Закономерности аграрной эволюции: Население. Переселенческий вопрос. М., 1914. Т.3. Вып.1; Он же. Революция наоборот: Разрушение общины. Пг., 1917; Щапов А.П. Сельская община// Соч. СПб., 1906. Т.1; Тютчев А.П. Семейные разделы у крестьян. СПб., 1912; Колесников В.А. Причины крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1898; Он же. Крестьянское хозяйство большой и малой семьи. Ярославль, 1903; Маслов П.П. Перенаселение русской деревни. М.; Л., 1930; Чаянов А.В. Влияние состава и величины семьи на ее хозяйственную деятельность// Труды Вольного экономического общества. 1912. №1–2; Он же. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Тюкавкин В.Г. Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма// Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.) Таллинн, 1986; Он же. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России. М., 1983; Он же. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX–XX вв.// Социально-экономическое развитие России. М., 1986; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862–1914) //Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып.2; Зырянов П.Н. Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907–1914 гг. //Исторические записки. М., 1988. Т.116; Он же. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. М., 1992; Чернобаев А.А. Комбеды Советской России. М., 1972; Он же. Продотряд. М., 1975; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство, М., 1977; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.

32. См., например: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1897–1905. Вып.1–8; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1–2; Всеобщий календарь на 1890–1917 гг. СПб.; Пг., 1889–1916; Русский календарь на 1890–1916 гг. СПб.; Пг., 1890–1917; Сборник сведений по России за 1890, 1896 гг. СПб., 1891–1897; Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи на 1895, 1897, 1899, 1900, 1902 гг. СПб., 1895–1902; Статистический ежегодник России 1904–1916 гг. СПб.; Пг., 1905–1918; Вся Россия: Русская адресная и справочная книга фабрик, заводов, торговли, промышленности и администрации. Адрес-календарь на 1912 г. М., 1912; Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995; Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998 и др.

33. Народное хозяйство за 1908–1916 гг. СПб.; Пг., 1910–1922; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900–1914 гг. СПб., 1900–1915; Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910–1912 гг. Пг., 1914–1915. Вып.1–13; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. // Труды ЦСУ. М., 1926. Т.26. Вып.1–2 и др.

34. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923; Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып.1–2; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год первый – десятый. СПб.; Пг., 1907–1917; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып.1–7, 12, 20–26, 28, 30–32, 35, 37–39; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. Вып.1 и др.

35. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи, 1880–1913: Поуездные итоги. М., 1926.

36. См., например: Обзор Владимирской губернии за 1896–1914 гг. Владимир, 1897–1915; Обзор Воронежской губернии за 1897–1915 гг. Воронеж, 1898–1916; Статистический обзор Калужской губернии за 1892–1914 гг. Калуга, 1893–1915; Обзор Костромской губернии за 1893–1903, 1905, 1907–1914 гг. Кострома, 1894–1915; Обзор Курской губернии за 1890–1915 гг. Курск, 1891–1916; Обзор Московской губернии за 1899–1914 гг. М., 1900–1915; Обзор Нижегородской губернии за 1899–1914 гг. Н.Новгород, 1900–1915; Памятная книжка Пензенской губернии за 1891–1911 гг. Пенза, 1891–1911; Обзор Пензенской губернии за 1899–1914 гг. Пенза, 1900–1915 и др.

37. См., например: Справочная книга Ярославской губернии на 1890– 1916 гг. Ярославль, 1890–1916; Памятная книжка Тульской губернии на 1890–1917 гг. Тула, 1890–1917; Адрес-календарь Тверской губернии на 1895–1916 гг. Тверь, 1895–1916; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1894–1914 гг. Тамбов, 1894–1914; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1895–1915 гг. СПб., 1894–1914; Памятная книжка Рязанской губернии на 1898–1914 гг. Рязань, 1898–1914 и др.

38. См., например: ГАРФ. Ф.А–374 – Совет Министров РСФСР; Ф.А–482 – Наркомздрав РСФСР; Ф.351 – Министерство продовольствия Временного правительства; Ф.4100 – Министерство труда Временного правительства; Ф.4265 – Статистический совет Временного правительства; РГАЭ. Ф.1562 – Центральное статистическое управление СССР; Ф.4372 – Госплан СССР; Ф.478 – Наркомзем РСФСР; Ф.1052 – Отдел динамики промышленности ЦСУ СССР; РГВИА. Ф.499 – Главное интендантское управление Военного министерства; Ф.369 – Особое Совещание по обороне государства; Ф.12564 – Главный комитет Всероссийского земского союза (ВЗС); Ф.12593 – Главный комитет Всероссийского союза городов (ВСГ); Ф.13251 – Центральный военно-промышленный комитет; РГИА. Ф.23 – Министерство торговли и промышленности; Ф.395 – Отдел сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственной статистики; Ф.1298 – Управление Главного врачебного инспектора МВД; Ф.32 – Совет съездов представителей промышленности и торговли и др.

39. См., например: ЦГА РТ. Ф.124 – Казанское отделение Крестьянского поземельного банка; ГАПО. Ф.158 – Оценочно-статистический отдел Пензенского губернского земского управления; Ф.171 – Пензенско-Симбирское управление земледелия и государственных имуществ; ГАСамО. Ф.327 – Инспектор сельского хозяйства Самарской губернии; Ф.817 – Оценочное бюро Самарского губернского земства; ГАУО. Ф.184 – Симбирское губернское по промысловому налогу присутствие и др.

40. См., например: РГИА. Ф.91 – Вольное экономическое общество; Ф. 1284 – Департамент общих дел МВД; Ф.1290 – Центральный статистический комитет МВД; Ф.1405 – Министерство юстиции; Ф.1281 – Совет министра внутренних дел; Ф.1282 – Канцелярия МВД; Ф.391 – Переселенческое управление МВД; Ф.563 – Министерство финансов; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26 – А.Г. Рашин; ЦГА РТ. Ф.1 – Канцелярия Казанского губернатора; Ф.359 – Казанский губернский статистический комитет; Ф.1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии; ГАПО. Ф.5 – Канцелярия Пензенского губернатора; Ф.9 – Пензенский

губернский статистический комитет; Ф.177 – Старший фабричный инспектор Пензенской губернии; ГАСамО. Ф.1. Самарский губернский статистический комитет; Ф.224 – Старший фабричный инспектор Самарской губернии; ГАСарО. Ф.1 – Канцелярия Саратовского губернатора; Ф.20 – Старший фабричный инспектор Саратовской губернии; Ф.421 – Саратовский губернский статистический комитет; ГАУО. Ф.48 – Симбирский губернский статистический комитет; Ф.76 – Канцелярия Симбирского губернатора; Ф.195 – Старший фабричный инспектор Симбирской губернии и др.

41. См., например: РГИА. Ф.20 – Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов; Ф.1233 – Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; Ф.398 – Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ; Ф.592 – Крестьянский поземельный банк; Ф.593 – Государственный дворянский земельный банк; Ф.408 – Комитет по землеустроительным делам Государственного управления по землеустройству и земледелию; Ф.396 – Министерство земледелия; ЦГА РТ. Ф.2 – Казанское губернское правление; Ф.1062 – Заводоуправление Казанского порохового завода; ГАСамО. Ф.4 – Самарское губернское присутствие; Ф.700 – Сергиевский Самарский завод; Ф.701 – Самарский трубочный завод; ГАСарО. Ф.316 – Саратовский машиностроительный и котельный завод «Сотрудник»; Ф.624 – Главная контора мукомольной мельницы В.В. Богословского; ГАУО. Ф.120 – Государственный контроль по строительным сооружениям Волго-Бугульминской железной дороги; Ф.127 – Управление по строительству Волго-Бугульминской железной дороги и др.

42. РГАДА. Ф.1290 – Юсуповы; Ф.1273 – Орловы–Давыдовы; Ф.1277 – Самарины; РГИА. Ф.1291 – Земский отдел МВД; ОР РГБ. Ф.58 – И.И. Воронцов-Дашков; Ф.265 – Самарины; Ф.358 – Н.А.Рубакин; ЦГА РТ. Ф.81 – Казанская губернская земская управа; ГАПО. Ф.158 – Оценочно–статистический отдел Пензенской губернской земской управы; ГАСамО. Ф.327– Инспектор сельского хозяйства Самарской губернии; Ф.5 – Самарская губернская земская управа; Ф.817 – Оценочное бюро Самарского губернского земства и др.

43. См.: Свод законов Российской империи: Законы о состояниях. СПб., 1899. Т.IX; СПб., 1903. Т.II. Ч.2; Палибин М.Н. Законы о состояниях, с дополнениями, разъяснениями Правительствующего Сената и Святейшего Синода, циркулярами Министерства внутренних дел и алфавитным указателем. СПб., 1901; Блосфельдт Г.Э. Сборник законов о Российском дворянстве. СПб., 1901; Свод военных постановлений. СПб., 1907. Кн.VII; Дриль Д. Положение ремесленников и ремесленное

законодательство //Юридический вестник. 1891. №1; Мыш М.И. О мещанских и ремесленных управлениях: Сборник узаконений, правительственных и судебных разъяснений. 2-е изд. СПб, 1896; Судебные уставы за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т.I–II; Уложения о наказаниях. СПб., 1913; Закон о раздельном жительстве супругов// Женское дело. 1914. №8; Григровский С.П. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах: Сборник гражданских и церковных законов, с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных определений Святейшего Синода, с отдельной статьей о родстве и свойстве и с приложением графических таблиц степеней родства. СПб., 1910; Он же. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводах и судопроизводстве по делам брачным. СПб., 1910; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). М., 1918–1920. №33, 47, 93.

44. См., например: Вестник общественной гигиены. 1904. №9; Общественный врач. 1911. №4; 1922. №1; Медицинская беседа. 1904. №2; Женское дело. 1910. №37–38; 1914. №8; Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1920. №1–2; Военный сборник. 1902. №3; Трудовой путь. 1907. №11–12; Народное хозяйство. 1920. №18; Русское богатство. 1893. №11; 1897. №3; Русские ведомости. 1911. 23 февраля; 1913. 30 ноября; 1915. 13 февраля; Вестник Европы. 1909. №11; 1910. №1; 1915. №12; Кустарный труд. 1912. №3, 4, 14, 18, 20; 1913. №4, 9, 12, 15; Вестник финансов. 1901. №39; 42–43; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. №16; 1915. №17; 1916. №23–24; Церковные ведомости. 1917. №9–15; Новгородские губернские ведомости. 1906. №14, 23, 24; 1915. №9, 14, 17; Московские губернские ведомости. 1906. №14, 35, 37–41; 1915. №9, 11, 13–18; Рязанские губернские ведомости. 1907. №26, 29, 30; 1916. №7, 8, 9; Саратовские губернские ведомости. 1906. №8, 10, 29; 1915. №11, 13, 19; История СССР. 1957. №1; 1973. №1; 1985. №4; Отечественная история. 1996. №4; 1997. №6; 2001. №5; Вопросы истории. 1956. №12; 1976. №10; 1977. №7; 1980. №6; 1986. №4; Военно-исторический журнал. 1989. №9; 1993. №2, 4; 1998. №1, 5; 1999. №3 и др.

45. См.: Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980; Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений. М., 1963. Т.3–4; Теляковский В.А. Воспоминания. М.; Л., 1965 и др.

46. См.: Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983; Он же. Историческая демография. М., 1987; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975 и др.

1. Национально-этническая структура населения Центральной России

1. В исследуемый период в официальных изданиях многие языки именовались наречиями, а наречия – языками. Недостаточная этнологическая исследованность России и неустойчивость этнонимов привела к многим неточностям, например азербайджанцы регистрировались как «татары», казахи и киргизы в ряде районов учитывались под общим названием «киргизы», гагаузы попали в графу «турки», часть тюркоязычных армян была учтена как «татары». Кроме того, не все этнические общности были выделены переписью 1897 г.

2. Подсчитано по: Всеобщий календарь на 1897 г. СПб., 1897. С.18–28; Русский календарь на 1897 г. СПб., 1897. С.89–97; Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи накануне Всеобщей переписи. СПб., 1895. С.3–90; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905. Вып.7. С.3–38; Население России за 100 лет... С.18–19; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.2. Л.12–15; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30; Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001.

3. Подсчитано по: РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.57. Л.1–47; Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.6. Д.3. Л.1–32; Оп.10. Д.126–129, 131, 132, 138–141, 154–155; Ф.1298. Оп.1. Д.3840. Л.1–2, 9–35.

4. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.4265. Оп.1. Д.1–27; Ф.1562. Оп.10. Д.20.; Оп.32. Д.1–15; Оп.249. Д.14; Оп.201. Д.1. Л.6–12; Оп.197. Д.1. Л.143.

5. Подсчитано по: РГИА. Ф.1290. Оп.11. Д.1–2823; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–76; Д.2881. Л.2–4; Оп.4. Д.455. Л.163.

6. Подсчитано по: РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.755. Л.1–387, 394–398; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–75.

7. Там же.

8. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. СПб., 1905. Вып.6. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901. С.3–39; Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. СПб., 1901. С.3–26; Вестник права. 1899. №4. С.2–17; Московские церковные ведомости. 1905. №79. С.19; РГИА. Ф.796. Оп.2. Д.79. Л.1–7; Ф.804. Оп.1. Д.36. Л.2–13, 15–18; Ф.1290. Оп.1. Д.2. Л.12–15.

9. Подсчитано по: РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.10,133, 150.

10. Подсчитано по: РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.1398–1399; Ф.796. Оп.445. Д.394. Л.42 об.; Ф.807. Оп.2. Д.1391. Л.46.

11. Подсчитано по: РГИА. Ф.777. Оп.4. Д.78. Л.179.

12. Подсчитано по: РГИА. Ф.777. Оп.5. Д.211. Л.1.

13. Подсчитано по: РГИА. Ф.776. Оп.1. Д.40. Л.39–40.

14. Подсчитано по: РГИА. Ф.796. Оп.445. Д.394. Л.78–79 об.

15. Подсчитано по: Русская старина. 1912. №2, 5.

16. Подсчитано по: Вестник права. 1899. №4.

17. Подсчитано по: Московские церковные ведомости. 1905. №79; Былое. 1923. №21.

18. Подсчитано по: Церковно-общественный вестник. 1912. №16; Приходский листок. 1915. №14.

19. Подсчитано по: Церковный вестник. 1914. №44; 1915. №9.

20. Подсчитано по: Церковно-общественный вестник. 1915. №2.

21. Подсчитано по: Миссионерское обозрение. 1914. №1, 7–8; Православный благовестник. 1913. №10.

22. Подсчитано по: ОР РГБ. Ф.174. К.92. Д.73. Л. 2 об.

23. Подсчитано по: Церковные ведомости. 1917. № 9–15.

24. Подсчитано по: ОР РГБ. Ф.60. П.4. Д.2. Л.6; Д.3. Л.7 об.–8.

25. Подсчитано по: Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №51.

26. Подсчитано по: ОР РГБ. Ф.60. П.4. Д.2. Л.2.

27. Подсчитано по: Вестник Временного правительства. 14(27) мая 1917 г.

28. Подсчитано по: Свободная церковь. 19 августа 1917 г.

29. См.: Мельников П.Н. (Андрей Печерский). Собрание сочинений. М., 1963. Т.3–4.

30. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. СПб., 1905. Вып.6. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901. С.3–39; Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. СПб., 1901. С.3–26; Вестник права. 1899. №4. С.2–17; Московские церковные ведомости. 1905. №79. С.19; РГИА. Ф.796. Оп.1. Д.36. Л.2–13, 15–18; Оп.2. Д.79. Л.1–7; Ф.804. Ф.1290. Оп.1. Д.2. Л.12–15.

31. Подсчитано по: Церковный вестник. 1917. №30.

32. Подсчитано по: Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №30.

33. Подсчитано по: ОР РГБ. Ф.234. П.7. Д.1. Л.76 об.

34. Подсчитано по: РГИА. Ф.796. Оп.209. Д.2241. Л.420–421.

35. Подсчитано по: РГИА. Ф.797. Оп.75. Д.461. Л.1.

36. Бычков Н. Грамотность сельского населения по данным земской статистики// Юридический вестник. 1890. Июль-август. С.310–312.

37. Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Московской губернии: Народное образование. М., 1894. Т.IX. С.209–211; Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. М., 1893. Т.I. С.128; Покровский В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. СПб., 1892. С.260.

38. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.19–90; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.56. Л.2–25.

39. Там же.

40. Подсчитано по: РГИА. Ф.733. Оп.187. Д.7, 14, 29, 35, 109, 136, 197, 305, 441.

41. Там же.

42. Подсчитано по: Народное образование в Курской губернии. Курск, 1987. С.46–49.

2. Конфессиональное развитие региона

1. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1904–1913 гг. СПб., 1905–1914; Население России за 100 лет ... С.18–97; Россия, 1913 год ... С.11–26; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36–37; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.1, 4, 6, 7, 11, 23, 26, 36, 37, 51, 62, 63, 71.

2. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.6–7; Табл.XXI, XXII; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. С.19–91; Население России за 100 лет ... С.18–97; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1–6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27; Новосельский С.А. Указ. соч. С.36–37; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

3. Подсчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.116. Д.187, 189, 201, 306.

4. Подсчитано по: Россия, 1913 год ...; Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С.47; Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С.172–174; Турчанинов Н.В. Указ. соч. С.3–85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Указ. соч. С.3–81; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.168–202; Он же. Русские в мире ... С.183–205.

5. См.: Покшишевский В.В. Указ. соч. С.172–174.

6. Подсчитано по: Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Указ. соч. С.47.

7. Подсчитано по: РГИА. Ф.391. Оп.2. Д.31. Л.1–26; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.96; Кокшайский И.И. Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880–1913 гг. Саратов, 1915. С.2–3; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч.

8. Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980. С.121.

9. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.15–51; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 13, 16, 29, 30, 47, 50, 75, 76, 77, 78, 102, 233.

10. Подсчитано по: РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.88; Ф.1290. Оп.2. Д.1819; Оп.4. Д.35–91; Оп.5. Д.12–19; Оп.6. Д.37, 39; Оп.11. Д.18, 19.

11. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.36–37; Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России ... С.74–77; О пределах возможных поправок и уточнений данных городского населения можно судить по следующим соображениям. В.П. Семенов-Тян-Шанский считал необходимым при определении численности городского населения обязательно учитывать те населенные пункты, которые официально не относились к городским селениям, но являлись торгово-промышленными. На основании ряда подсчетов он писал, что городское население в указанных территориальных пределах (Европейская Россия с Предкавказьем, но без зауральских городов и Финляндии) считалось в 1897 г. достигшим 13 % всего населения; им же установлено – 15 %. Таким образом, если принять эту поправку В.П. Семенова-Тян-Шанского, то удельный вес городского населения по отношению к общей численности всего населения Центральной России будет составлять на 1 января 1914 г. не 15,3 %, а 17,3 %.

12. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.15–51; РГАЭ. Ф.1562. Оп.5. Д.1, 2; Оп.9. Д.18–27; Оп.11. Д.1; Оп.13. Д.18–22; Оп.15. Д.1; Оп.19. Д.9–19; Оп.20. Д.8–11; Оп.21. Д.8–19; Оп.31. Д.7–26; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–24; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.49, 54; ЦГА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.428, 429, 431, 432, 460, 461, 482. Л.1–26; Д.641. Л.1–10; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

13. Подсчитано по: Население городов Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917 и 1923 годов //Бюллетень Центрального статистического управления, 1923. Всероссийская городская перепись. М., 1923. С.49.

14. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. ... С.15–51; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С.19–92; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1922. Вып.II. С.3; Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции ... С.151–155; Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.14; Пригороды и поселки Московской губернии: Экономико-статистический сборник. М., 1913. Вып.VI. С.59; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып.II. С.9; Михайловский В.Г. Записки о будущем населении Москвы и его распределении// Материалы к проектированию III очереди канализации г. Москвы. М., 1926. Вып.II. С.55–57; Города России в 1904, 1910 году. СПб., 1906–1914; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

15. Подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1. Приложение. С.62; Пругавин А. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С.9–19; Рубакин Н.А. Россия в цифрах... С.76–77; Церковный вестник. 20 января, 26 мая 1905 г., 19 января, 16 марта, 1 июня, 15 июля 1906 г.; Церковные ведомости. 2 апреля 1905 г., 7 января, 2 декабря 1906 г.; Русское богатство. 1914. №3; Слово. 24 ноября 1905 г.; РГИА. Ф.796. Оп.209. Д.2241. Л.420-421; Ф. 797. Оп.75. Д.177. Л.7-8 об.; Д.461. Л.1; Оп.76. Д.10. Л.563; ОР РГБ. Ф.234. П.7. Д.1. Л.76 об.

16. Подсчитано по: Всеподданнейший Отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С.71, 100. Приложения. С.5, 7, 9, 155, 173; Рубакин Н.А. Указ. соч. С.78–80; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России... С.44, 47, 60-61, 98, 102, 329; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России... С.20–44; Русское православие: Вехи истории ... С.380–385, 551–561; Церковный вестник. 27 октября, 10 ноября 1905 г.; Церковные ведомости 29 октября 1905 г., 7 января, 9 сентября 1906 г.; Русское богатство. 1910. №11; РГИА. Ф.516. Оп.2. Д.136. Л.56 об.–57; Ф.797. Оп.75. Д.28. Л.82–84, 91–97.

17. Подсчитано по: Миссионерское обозрение. 1914. №1, 7-8; РГИА. Ф.772. Оп.1. Д.1398-1399; Д.4011. Л.20; Д.5722. Л.1; Ф.776. Оп.1. Д.18. Л.30-30 об.; Ф.797. Оп.94. Д.245. Л.2; Ф.807. Оп.2. Д.1324. Л.151; ОР ГРБ. Ф.174. К.92. Д.73. Л.2 об.; Ф.230. П.10802. Д.5. Л.33; Д.29. Л.19.

18. См.: Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст. 244, 245, 250, 251, 251, 261, 263, 278, 284, 289, 290, 286, 287; Отчет обер-прокурора Синода за 1914 г. СПб., 1916. С.117; Дервиз В.Д. К вопросу об экономи-

ческом положении бывшей Троице-Сергиевой лавры в 1917 г. Сергиев-Посад, 1926. С.6–8; Русское православие ... С.501–561; Зыбковец В.Ф. Указ. соч. С.28–35; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи... С.10–19, 19–90, 193–195, 346–359; ГАРФ. Ф.125. Оп.7. Д.13. Л.7–6.; Ф.393. Оп.27. Д.1389. Л.231; РГАЭ. Ф.478. Оп.18. Д.54. Л.9, 122–26; РГИА. Ф.776. Оп.1. Д.14. Л.48; Д.38. Л.6; Д.40. Л.39–40; Оп.10. Д.1182. Л.4; Ф.777. Оп.4. Д.44. Л.2; Д.78. Л.75, 179; Д.81. Л.17; Д.137. Л.24 об.; Д.149. Л.2 об.–3; Оп.5. Д.211. Л.1; Д.253; Оп.10, 11; Ф.796. Оп.445. Д.394. Л.78–9 об.

19. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.478. Оп.18. Д.54. Л.9, 122–126; РГИА. Ф.796. Оп.440. Д.990. Л.238; Д.965–1027; Ф.797. Оп.80. Д.3. Л.2, 4, 12, 14, 21, 24, 38, 47, 67, 82, 112, 176;Оп.86. Д.31. Л.1, 16; Д.61. Л.1, 2, 4, 6, 7–9, 10, 13, 14, 48.

20. Петербургский листок. 1904. №54.

21. Подсчитано по: Вестник Всероссийской выставки монастырских работ и церковной утвари. СПб., 1904. №6. С.8; Отчет обер-прокурора Синода за 1913 г. Пг., 1915. С.107. Приложения. С.17, 18; Мельгунов С. Церковь и государство в России. М., 1909. С.232; Зыбковец В.Ф. Указ. соч. С.13–44, 113–204.

22. Подсчитано по: Мельгунов С. Указ.соч. С.243, 247–250; Кильчевский В. Богатства и доходы духовенства. М., 1907. С.6; Зыбковец В.Ф. Указ. соч. С.13–44, 113–204.

23. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.1235. Оп.7. Д.13; РГИА. Ф.796. Оп.440, 442; Ф.797. Оп.96. Д.237. Л.16-16 об., 17, 18; Ф.815. Оп.14. Д.209. Л.48–48 об.

3. Грамотность населения Центральной России

1. Бычков Н. Грамотность сельского населения по данным земской статистики// Юридический вестник. 1890. Июль-август. С.310–312.

2. Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Московской губернии: Народное образование. М., 1894. Т.IX. С.209–211; Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. М., 1893. Т.I. С.128; Покровский В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. СПб., 1892. С.260.

3. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.19–90; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.56. Л.2–25.

4. Там же.

5. Подсчитано по: РГИА. Ф.733. Оп.187. Д.7, 14, 29, 35, 109, 136, 197, 305, 441.

6. Там же.

7. Подсчитано по: Народное образование в Курской губернии. Курск, 1987. С.46–49.

8. См.: Военный сборник. 1902. №3. С.34–35.

9. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.19-90; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.20; Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1924. Вып.I. С.20.

10. Там же.

11. Подсчитано по: Известия Московской городской думы. 1904. Март. С.19.

12. Подсчитано по: Известия Московской городской думы... С.16–17.

13. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.39–40. Отчет Министра народного просвещения за 1901 г. СПб., 1902. С.579–699; То же за 1897 г. СПб., 1902. С.190–289; Списки учебных заведений Ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям за 1895, 1905 год. СПб., 1895-1905; Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения: Справочная книга, составленная по официальным сведениям на 1 января 1895, 1905 года. СПб., 1895–1905; Справочные сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб.; Одесса. Вып.1–7; ГАРФ. Ф.25. Оп.5. Д.6. Л.591–595; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С.19-91; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С.23, 28, 32, 37, 40, 48, 51, 64–65, 81, 93, 105, 111, 117, 130, 136–137, 143, 151, 154, 208–209, 318–319.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. Подсчитано по: РГИА. Ф.733. Оп.187. Д.7, 14, 29, 35, 109, 136, 197, 305, 441.

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же.

23. Подсчитано по: РГИА. Ф.733. Оп.185. Д.5, 13, 28, 34, 108, 135, 196, 304, 440.

24. Там же.

25. Там же.

26. Там же.

27. Там же.

28. Там же.

29. Подсчитано по: Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии ... Вып.II. С.9; Современное хозяйство города Москвы ... С.14; Михайловский В.Г. Указ. соч. Вып.II. С.55–57; Пригороды и поселки Московской губернии ... Вып.IV. С.59; Перепись Москвы 1902 г. ... Ч.I. Вып.II. С.24–27; Списки учебных заведений Ведомства Министерства народного просвещения ... за 1905, 1907–1909, 1911–1915 год. СПб., 1905--1915; Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения ... на 1 января 1905, 1907 года. СПб., 1905–1907; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи ... Вып.1–7; Начальное народное образование в России ... Т.1–4; Куломзин А.Н. Сводная таблица к вопросу о дальнейшем развитии народной школы ... С.3–35; Он же. Опытный подсчет современного состояния народного образования ... С.12–19; Чехов Н.В. Указ. соч. С.19–91; Однодневная перепись начальных школ в империи... Вып.1–15; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.45, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 247, 248, 249, 250, 251; Россия, 1913 год... С.325–375.

30. Там же.

31. Подсчитано по: РГИА. Ф.733. Оп.187. Д.7, 14, 29, 35, 109, 136, 197, 305, 441; ЦГА РТ. Ф.304. Оп.1. Д.1735. Л.167; Д.2300. Л.21; Ф.306. Оп.1. Д.1006.

32. Там же.

33. Подсчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911. Табл.VI; Он же. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. С.13–14; Россия, 1913 год ... С.325–375; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.119, 133, 209.

34. Чехов Н.В. Указ. соч. С.155.

35. Подсчитано по: Фабрично-заводская промышленность в период 1913-1918 гг. М., 1925. С.13–19, 91–98; Россия, 1913 год ... С.325–375; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.119, 133, 209.

36. Подсчитано по: Чехов Н.В. Указ. соч. С.145.

37. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи ... С.88–93.

38. Цит. по: Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного образования, 1802–1902 гг. СПб., 1902. С.649.

39. Чехов Н.В. Указ. соч. С.101.

40. Подсчитано по: Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909 гг.). СПб., 1909. С.19–90; Церковные школы Российской империи в 1908 г. СПб., 1915. С.90–98;

Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1905. С.48.

41. Однодневная перепись начальных школ в империи ... Вып.1–15.

42. Захаров А.В. Доступность школы и грамотность населения в Костромской губернии. Кострома, 1913. С.37.

43. Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ в империи ... Вып.16. С.110–115; Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 г. Пг., 1916. Приложение; Россия, 1913 год ... С.325-375; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.45, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 247, 248, 249, 250, 251.

44. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.XVII; Итоги по империи /Под ред. В.И.Покровского. Пг., 1916. С.110; Однодневная перепись начальных школ в Российской империи ... С.110–115; Начальные училища ... Приложение; Россия, 1913 год ... С.325–375; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.45, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 247, 248, 249, 250, 251.

45. См.: Свод законов Российской империи... Т.IX. Ст.496, 554, 576, 577, 578, 581–585; Общий свод по империи... Т.2. Тетрадь I. С.151–161; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.278. Л.78; Ф.1317. Оп.1 Д.1. Л.119, 120.

46. Там же.

47. Подсчитано по: Список чинам канцелярии Совета Министров на 1 августа 1916 г. Пг., 1917. С.9–19; Список личного состава центральных учреждений Министерства торговли и промышленности. СПб., 1912. С.9–12; Список чинам ведомства Министерства юстиции: Центральные учреждения. СПб., 1913. С.9–13; Там же: Губернские учреждения. СПб., 1913. С.9-13; Судебные уставы за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т.I. С.450–452; Русское богатство. 1905. №3; Современный мир. 1912. №10; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.15. Л.40; Д.27; Д.36. Л.1–1 об., 18–19 об., 34; Д.66. Л.7; Ф.539. Оп.1. Д.149; Д.1024. Л.1, 4–4 об., 5; Ф.680. Оп.1. Д.938.

48. Подсчитано по: Список личного состава Министерства путей сообщения: Центральные и местные учреждения. Пг., 1915. С.15–19; Крокау А. Автобиографии окончивших курс в Электротехническом институте, 1889–1904 гг. СПб., 1908. С.9–18; Технологический институт... Л., 1928. Т.II. С.147, 152–156, 255; Отчет о деятельности Общества окончивших Петербургский политехнический институт за 1914–1915 отчетный год. Б.м., б.г. С.14–15; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.47. Л.9–10 об., 13 об., 24, 25; Д.80. Л.3, 4об., 7–8; Ф.579. Оп.1. Д.2718. Л.1.

49. Подсчитано по: Загряцков М.Д. Земская служба и третий элемент... С.8; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912). Пг., 1914. С.394; Местный агрономический персонал,

состоящий на правительственной и общественной службе на 1 января 1914 г.: Справочник. Пг., 1914. С.14–19; Коропов В.М. Ветеринарное образование в СССР. М., 1949. С.95; Симбирское губернское земство, 1864–1914. Симбирск, 1914. С.40; Русская мысль. Март 1903 г.; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.27. Л.17; Д.75. Л.25, 105, 107, 116, 138–138 об.; Д.76. Л.10–14; Ф.812. Оп.1. Д.96, 124.

50.Мицкевич С.И. Записки врача-общественника, 1888-1918. М.; Л., 1941. С.157; Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С.414; Калинин П.А. Профдвижение среднего медицинского персонала в России. М., 1927. С.6–9; Френкель З.Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913. С.125; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.47. Л.13–об., 24, 25; Ф.579. Оп.1 Д.2718. Л.1.

51.Подсчитано по: Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования... С.29; Исторические записки. Т.88. С.120; Календарь для учителей на 1914/15 учебный год. СПб., 1914. Ч.II. С.14–19; Лига образования: Первый общий очередной съезд 28–31 декабря 1908 г. Б.м., б.г. С. 2, 9; Однодневная перепись начальных школ Российской империи... Вып.XVI. С.15–19; Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года: Учителя и учительницы в земских школах. Владимир, 1911. Вып.2. С.8–13.

52.Подсчитано по: Северный вестник. 1897. №10; Русская мысль. 1915. Кн.2; Русь. 1905. №239; Русские ведомости. 23 февраля 1911 г.; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.15. Л.45; Д.29. Л.17–17 об., 67; Д.76. Л.53; Ф.579. Оп.1. Д.2699; ОР РГБ. Ф.44. Д.7. Л.295; Д.14. Л.13.

53.Подсчитано по: Судебные уставы за пятьдесят лет... Т.II. С.260; Юридический календарь М.Острогорского на 1916 год. Пг., 1916. С.16–19; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.15. Л.45; Д.76. Л.53.

54.Подсчитано по: История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т.2. С.450, 461; Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч.I. С.17–19; Клюжев И.С. Неиспользованные богатства. СПб., 1909. С.9–19; Орлов Н.Н. 35 лет деятельности Русского библиографического общества при Московском университете, 1889–1924. М., 1925. С.127–128; Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн.102. С.194; Кн.103. С. 207–223, 234–262; Список членов философского общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1900; Шульговский Н.Н. Кружок философии права проф. Л.И. Петражицкого при С.-Петербургском университете за 10 лет существования. СПб., 1910. С.10–19; Владыченко С.Д. Отчет о деятельности психиатров в С.-Петербурге за 50 лет его существования (1862–1912). СПб., С.12–19; Личный состав Московского археологи-

ческого общества к 27 марта 1915 г. М., 1915. С.15–19; Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С.172, 205; Русское историческое общество, 1866–1916. Пг., С.16–19; Историческое обозрение. Пг., 1915. Т.20. С.188–221.

55.Подсчитано по: Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния народного образования... С.12–19; ГАРФ Ф.518. Оп.1. Д.29. Л.17–17 об.

56.Подсчитано по: Список учебных заведений Ведомства Министерства народного просвещения за 1914 год ... С.14–19; Статистические сведения о состоянии учебных заведений Министерства народного просвещения за 1915 год. Пг., 1916. С.16–19; Списки личного состава Министерства путей сообщения. СПб., 1915. С.15–19; Список членов Главного управления землеустройства и земледелия по учебной части. СПб., 1914. С.14–19; Памятная книжка Константиновского межевого института. М., 1916. С.16–19; Именной список ректорам и инспекторам духовных академий. Пг., 1917. С.17–19; Куломзин А.Н. Указ. соч. С.12–19; Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. М., 1915. С.314.

57.Подсчитано по: Современный мир. 1909. Кн.12. С.3–12; 400 лет русского книгопечатания: Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964. С.469–498; Русское богатство. 1897. №3. С.90; То же. 1901. №3. С.1–21; Статистика произведений печати, вышедших в России в 1915 году. Пг., 1916. С.16–19; Литературно-художественные альманахи и сборники: Библиографический указатель. М., 1957. Т.1–2; Указатель журнальной литературы. М., 1911–1913. Вып.1–2; Труды Первого Всероссийского съезда издателей и книгопродавцев 30 июня – 5 июля 1909 г. СПб., 1909. С.164; Указатель статей, помещенных в «Русском богатстве». СПб., 1911; Содержание журнала «Мир божий» за 1892–1901 гг. СПб., 1901; То же за 1902–1906 гг. СПб., 1906; К 25-летию «Русской мысли»: Указатель статей с 1900 по 1904 г. включительно. М., 1905; Сотрудники «Русских ведомостей» // Русские ведомости. М., 1915. Стб.1–219; Литературное наследство. 1976. Т.85. С.273; Перцов П.П. Литературные воспоминания. М.; Л., 1932. С.39; Вестник Второго Всероссийского съезда писателей. 1910. №10. С.65–69.

58.Посчитано по: Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX вв. М., 1970. С.268; Отчет Московского литературно-художественного кружка за 1915–1916 год. М., 1916. С.16–19; Обзор деятельности Общества русских драматургических писателей и оперных композиторов за 25-летие его существования. М., 1899. С.101–113; Союз драматических и музыкальных писателей: Отчет за 1904–1910. СПб., 1910; Театр и искусство. 1907. №19; Вестник Европы. 1909. №11. С.376–377; Отчет Общества для пособия нуждающимся литераторам и

ученым («Литературного фонда»). Пг., 1916; Современник. 1913. №4. С.257–260; Вопросы литературы. 1980. №1.С.148–155; Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С.181; Устав профессионального союза сотрудников периодических изданий. Б.м., б.г.; Новая жизнь. 1905. №5; Обзор деятельности Общества деятелей периодической печати и литературы за 4-летие 1907–1911. М., 1912; Журналист. 1927. №5. С.18–22; Отчет о деятельности Всероссийского литературного общества за 1912–1913 гг. СПб., 1913-1914; ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Д.1109.

59.Подсчитано по: Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 – январь 1912. Пг., 1915. Т.III. С.99; Мясоедов Г.Г. Письма. Документы. Воспоминания. М., 1972. С.187; Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. Т.1. С.138; Жевержеев Л.И. Опись моего собрания памятников русского театра. Пг., 1915. С.83–102; Давыдова М.В. Очерки истории русского театрально-декорационного искусства XVIII – начала XX века. М., 1974. С.19–74; Труды I съезда русских зодчих в Москве. М., 1899; Дневник V съезда русских зодчих. М., 1913. №1–8.

60.Там же.

61.Подсчитано по: Архив Дирекции императорских театров. СПб., 1892. Вып.I. Отд.III. С.23–133; Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX – начале XX в. М., 1966. С.19, 368; Московский Малый театр. 1824–1924. М., 1924. С.665–708; Альтшуллер А.Н. Театр прославленных мастеров: Очерки истории Александринской сцены. Л., 1968. С.85–86; 20-летие театра им. А.С. Суворина. Пг., 1915; Московский художественный театр, 1898–1938. М., 1938. С.583–594; Петровская И.Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971. С.60; Отчет Русского театрального общества за 1901 г. СПб., 1902; Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей 9–23 марта 1897 г. в Москве. СПб., 1898. Ч.I. С.26–41; Ч.2. С.200; Устав Всероссийского союза сценических деятелей. М., 1906; Всероссийский союз сценических деятелей. М., 1907. С.23–40; Труды Первого Всероссийского съезда режиссеров 1908 года. М., 1908; Кремлев Ю. Ленинградская консерватория, 1862–1937. М., 1938. С.46, 95; Московская консерватория, 1866–1966. М., 1966. С.191, 642–688; Пузыревский А.М., Саккетти Л.А. Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. СПб., 1912. С.173–174; 100 лет Ленинградской консерватории: Исторический очерк, 1862–1962. Л., 1962. С.63-64, 122, 217–281; Манькин-Невструев Н.А. Краткий очерк Московского отделения Русского музыкального общества. 1860–1900. М., 1900. С.41–47; Теляковский В.А. Воспоминания. М.; Л., 1965. С.269; ГАРФ. Ф.518. Оп.1. Д.71. Л.1–1 об.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Численность и размещение населения православных монастырей Центральной России в 1917 г.*

Губернии и районы	Число монастырей	Численность населения, чел.			Земля, дес.
		монашествующие	послушники	всего	
1	2	3	4	5	6
1.Петроградская	41	386	1243	1629	27573
2.Псковская	23	297	747	1044	15821
3.Новгородская	51	707	2669	3376	43478
4.Олонецкая	16	136	439	575	20032
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	131	1526	5098	6624	106904
5.Московская	76	2438	1424	3862	15641
6.Владимирская	43	699	2780	3479	24270
7.Калужская	22	542	524	1066	6010
8.Тверская	35	624	3267	3891	31168
9.Ярославская	27	491	1956	2447	14028
10.Костромская	28	344	1784	2128	17370
11.Нижегородская	37	1366	5986	7352	26696
Итого: Центрально-Промышленный район	268	6504	17721	24225	135183
12.Курская	20	3354	98	3452	32287
13.Орловская	18	738	2101	2839	8045
14.Тамбовская	32	15443	507	15950	45539
15.Воронежская	22	909	1429	2338	8038
16.Пензенская	24	1125	3713	4838	13980
17.Рязанская	29	525	1663	2188	9100
18.Тульская	12	384	1119	1503	2593
Итого: Центрально-Земледельческий район	157	22478	10630	33108	119582
19.Казанская	32	639	1123	1762	9540
20.Самарская	20	946	2428	3375	33626
21.Саратовская	17	600	2318	2918	11160
22.Симбирская	14	323	1048	1371	5220

Окончание прил.1

1	2	3	4	5	6
23.Астраханская	8	123	606	729	16459
Итого: Поволжский район	91	2631	7524	10155	75005
Всего: Центральная Россия	647	33139	40973	74112	437674
Всего: Россия	1257	33572	73463	107035	1159875

*Составлено и подсчитано по: Свод статистических данных, относящихся к землевладению церквей и монастырей Российской империи по данным Синода и Центрального статистического комитета. СПб., 1900. С.19–90; Статистика землевладения 1905 г. Ведомости о мужских и женских монастырях и общинах за 1915 г.: Официальное издание Синода. Пг., 1915. С.15–19; Отчет обер-прокурора Синода за 1913 г. Пг., 1915. С.107. Приложения 17, 18; То же за 1914 г. Пг., 1916. С.117; ГАРФ. Ф.393. Оп.27. Д.1389. Л.231; Ф.1235. Оп.7. Д.13. Д.7 об.; РГАЭ. Ф.478. Оп.18. Д.54. Л.9; Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С.381–437, 501–561; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С.352; Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958. С.11, 87; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975. С.13–44, 113–204; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С.19–29; Он же. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX в. М., 1999. С.19–99; Россия, 1913 год ... С.219–221.

Приложение 2

Грамотность населения Центральной России в 1897 г., %*

Губернии и районы	Грамотность
1. Петербургская	55,1
2. Псковская	14,6
3. Новгородская	23,0
4. Олонецкая	25,3
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	29,5
5. Московская	40,2
6. Владимирская	27,0
7. Калужская	19,4
8. Тверская	24,5
9. Ярославская	36,2
10. Костромская район	24,0
11. Нижегородская	22,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	27,6
12. Курская	16,3
13. Орловская	17,6
14. Тамбовская	16,6
15. Воронежская	16,3
16. Пензенская	14,7
17. Рязанская	20,3
18. Тульская	20,7
19. Казанская	17,9
20. Самарская	22,1
21. Саратовская	23,8
22. Симбирская	15,6
23. Астраханская	15,5
В среднем: Поволжский район	19,0
В среднем: Центральная Россия	23,4

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб.; Одесса, 1898. Вып.1; Россия, 1913 год... С.325–375; Население России в XX веке... Т.1. С.7–30.

Приложение 3

Грамотность и возрастно-половая структура городского и сельского населения Центральной России в 1897 г., %*

Возраст, лет	Город			Село			Все население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Моложе 10	11,2	9,0	10,1	3,9	2,0	3,0	4,6	2,7	3,7
10-19	72,4	55,6	64,0	41,4	17,1	29,3	45,1	21,8	33,5
20-29	66,2	48,5	57,4	38,5	14,7	26,6	45,3	19,5	32,4
30-39	64,2	40,2	52,2	34,7	11,7	23,2	39,5	15,7	27,6
40-49	58,8	33,5	46,2	28,0	9,3	18,7	33,2	12,6	22,9
50-59	53,9	31,8	42,9	22,5	8,2	15,4	26,5	11,1	18,8
60 и старше	47,2	25,8	36,5	7,1	7,2	12,2	20,0	9,7	14,9
В среднем:	53,4	34,9	44,2	26,6	10,0	18,3	30,6	13,3	22,0

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.39–40; Статистические сведения по начальному образованию... Вып.I; Россия, 1913 год... С.325–375; Население России в XX веке... Т.1. С.7–30.

Приложение 4

Грамотность, возрастно-половая и сословная структура населения Центральной России в 1897 г., % *

Сословия	Возраст, старше 10 лет								
	город			село			в среднем		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Дворяне и чиновники	97,6	93,2	95,4	74,4	65,3	69,9	86,0	79,3	82,7
Духовенство	99,0	89,6	94,3	95,5	76,1	85,8	97,3	82,9	90,1
Почетные граждане, купцы, мещане	69,6	45,6	57,6	58,6	33,6	46,1	64,1	39,6	51,9
Сельские сословия	59,3	30,2	44,8	34,3	11,6	23,0	46,8	20,9	33,9
Инородцы	14,0	3,0	8,5	5,2	0,6	2,9	9,6	1,8	5,7
В среднем: Центральная Россия	67,9	52,3	60,1	53,6	37,4	45,5	60,8	44,9	52,9
В среднем: Европейская Россия	64,3	43,0	54,5	33,8	12,9	23,2	38,7	17,0	27,7

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.39–40; Статистические сведения по начальному образованию ... Вып.1; Россия, 1913 год... С.325–375; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Приложение 5

Грамотность призванных на военную службу новобранцев Центральной России в 1894–1904 гг., %*

Губернии и районы	1894 г.	1904 г.
1. Петербургская	80,0	90,0
2. Псковская	36,0	55,0
3. Новгородская	60,0	72,0
4. Олонецкая	49,0	67,0
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	56,3	71,0
5. Московская	77,0	86,0
6. Владимирская	67,0	82,0
7. Калужская	56,0	76,0
8. Тверская	68,0	86,0
9. Ярославская	85,0	87,0
10. Костромская	58,0	74,0
11. Нижегородская	46,0	64,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	65,3	79,3
12. Курская	36,0	56,0
13. Орловская	41,0	63,0
14. Тамбовская	37,0	58,0
15. Воронежская	33,0	55,0
16. Пензенская	30,0	49,0
17. Рязанская	57,0	79,0
18. Тульская	57,0	75,0
В среднем: Центрально-Земледельческий район	41,6	62,1
19. Казанская	27,0	40,0
20. Самарская	27,0	49,0
21. Саратовская	35,0	63,0
22. Симбирская	38,0	53,0
23. Астраханская	38,0	–
В среднем: Поволжский район	33,0	51,3
В среднем: Центральная Россия	49,1	65,9

*Составлено и подсчитано по: Сборник сведений по России 1894 г. СПб., 1896. С.18–19; Статистические сведения по начальному образованию... Вып.VI. С.19–70.

Приложение 6

Грамотность сельского населения ряда губерний Центральной России в 1907–1917 гг., %*

Губернии	Мужчины	Женщины	Оба пола
1. Московская	58,6	25,9	42,3
2. Тверская	51,0	18,5	34,8
3. Олонецкая	45,0	13,5	29,3
4. Тульская	46,3	11,0	28,7
5. Новгородская	35,9	7,7	21,8
6. Калужская	–	–	20,3
7. Самарская	31,1	8,1	19,6
8. Симбирская	27,6	3,8	15,7
9. Пензенская	25,9	3,8	14,9
В среднем:	40,2	11,5	25,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1907–1917 гг. СПб., 1908–1918; Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1907–1917 гг. СПб., 1908–1918; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи ... Вып.1–7; Куломзин А.Н. Сводная таблица к вопросу о дальнейшем развитии народной школы. Б.м., 1908. С.3–35; Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб.; Пг., 1913–1916 Вып. 1–16; Россия, 1913 год ... С.325–375; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Приложение 7

Возрастно-половая структура учащихся начальных школ Центральной России в 1917 г., %*

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Оба пола
Моложе 8	1,8	2,4	2,1
8	10,0	13,1	11,6
9	17,3	21,4	19,4
10	23,2	25,9	24,5
11	19,5	18,4	18,9
12	15,8	11,6	13,7
13	7,6	4,6	6,1
14	3,2	1,8	2,5
15 и старше	1,6	0,8	1,2
Всего:	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1917 г., Пг., 1915. С.18–19; Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1917 г. Пг., 1918. С.9–91; Россия, 1913 год ... С.325–375; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Приложение 8

Распределение профессорско-преподавательского состава Центральной России по типам учебных заведений в 1897–1917 гг., %*

Типы учебных заведений	1897/98 уч.г.	1916/17 уч.г.
Университеты	46,0	33,7
Юридические	4,4	3,0
Педагогические	1,6	2,8
Востоковедческие	1,3	1,0
Духовные	6,1	3,5
Творческие (музыкальные, театральные, изобразительного искусства)	9,6	8,7
Технические	19,4	29,1
Медицинские	3,0	5,3
Сельскохозяйственные	5,6	4,7
Ветеринарные	2,0	2,9
Военные	1,0	5,2
Всего:	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Отчет Министра народного просвещения за 1901 г. СПб., 1902. С.579–699; То же, за 1916 г. Пг., 1917. Вед.16; То же, за 1899 г. СПб., 1900. Вед. 6, 16; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1916 г. СПб., 1916. С.13–19; Россия, 1913 год ... С.325–375; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С.23. 28, 32, 37, 40, 48, 51, 64–65, 93, 105, 108, 111, 117, 130, 136-137, 143, 151, 154, 208–209. 318–319.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3
1. НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ... 15
1.1. Состав населения по народностям на рубеже XIX–XX вв. ... 15
1.2. Распределение населения по нациям и народностям в 1900–1917 гг. ... 24
2. КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА ... 32
2.1. Особенности конфессионального состава населения в конце XIX – начале XX в. ... 32
2.2. Изменения в конфессиональной структуре населения в 1900–1917 гг. ... 36
2.3. Численность и состав духовенства в 1897–1917 гг. ... 38
3. Грамотность населения Центральной России ... 50
3.1. Уровень грамотности на рубеже XIX–XX вв ... 50
3.2. Развитие грамотности и образования в 1900–1917 гг ... 64
3.3. Численность и состав интеллигенции в 1897–1917 гг ... 72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 88
ПРИМЕЧАНИЯ ... 89
ПРИЛОЖЕНИЯ ... 117

125

Научное издание

Морозов Сергей Дмитриевич

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897–1917 гг.:
НАРОДНОСТИ, КОНФЕССИИ, ГРАМОТНОСТЬ
Монография

ISBN 978-5-9282-0592-8

Редактор Н.Ю. Шалимова
Верстка Н.В. Кучина

Подписано в печать 27.04.10. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 7,44. Уч.-изд.л. 8,0. Тираж 1000 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 46.

Издательство ПГУАС.
Отпечатано в полиграфическом центре ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Г.Титова, 28